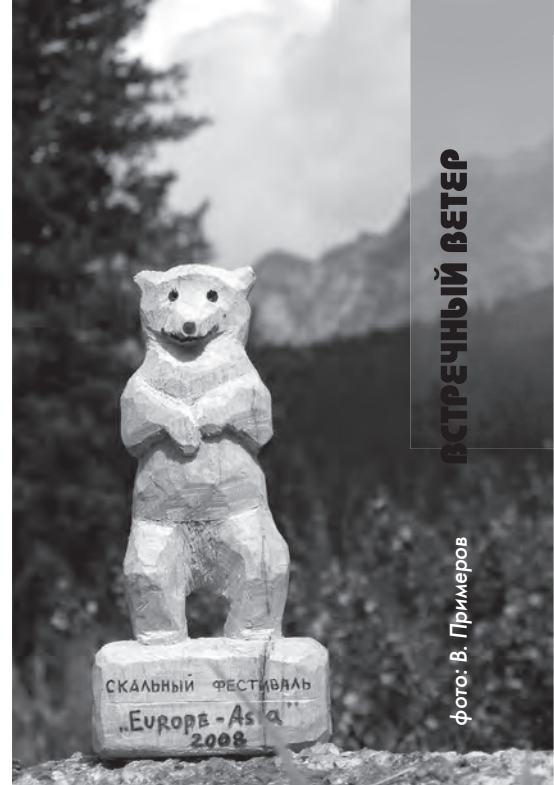

Завершился 7-й Международный молодежный скальный фестиваль «Европа – Азия – 2008», завершился приездом участников из Ергаков, где было много интересных восхождений, треккингов, где на долю ребят выпало немало разнообразных приключений.

Однако по порядку. Фестиваль уже по традиции открылся на знаке «Европа-Азия», что в 17 км от Екатеринбурга. На этот раз погода способствовала восхождению: светило солнце, и организаторам удалось провести всю программу открытия – и запуск в небо шаров, и танцевальный номер артистки Уральского народного хора О. Жигановой, и символическое стирание границы, и подъем флагов стран – участниц фестиваля. А в этом году в «Европа – Азия – 2008» приняли участие представители Турции, Дании, Казахстана и, конечно, России (молодежь из Екатеринбурга, Челябинска, С.-Петербурга). Зре-

лище получилось довольно красочным и веселым. Церемония открытия закончилась вручением участникам закорных, василькового цвета футболок с эмблемой фестиваля и логотипами организаций, помогавших подготовке.

Затем неделю фестиваль обитал на скальном массиве Шихан (см. УС № 7, 2007). Там была отработана насыщенная программа, начиная с проведения Школы альпинизма для начинающих, заканчивая соревнованиями по боулдерингу, стартами связок, экологическими и культурными событиями. Соревнования проходили в дружеской атмосфере, где каждый болел за другого и старался ему помочь (в рамках правил, естественно). У мужчин и женщин в боулдеринге победили представители молодежного горного клуба «Восхождение» Алексей Лимонов и Вера Гилева, серебро – у челябинца Стаса Загребельного и Лены Никулиной (СДЮСШОР горных видов),

бронза у юного дарования из С.-Петербурга Гоши Бодрова и студентки УрГУ Гузели Рамазановой. Автором трасс был воспитанник СДЮСШОР Саша Гержа, за что участники соревнований сказали ему «Thank you! many times».

фото: В. Примеров

За спортивными делами мы не забывали и о такой злободневной в настоящее время проблеме, как чистота Шиханских скал. Стараниями наших коллег альпинистов Снежинска (председатель федерации альпинизма и скалолазания А.А. Шестаков, ст. научный сотрудник Н. Карлыханов) на Шихан был подогнан грузовик, а участники фестиваля, засучив рукава и надев перчатки, наполняли скопившимся на скалах мусором 160-литровые пластиковые мешки, которых набралось ни много — ни мало на целый грузовик. И так вот уже 6-й год подряд мы приводим Шихан в порядок. И на скалах, и на стоянках стало заметно чище!

Чего не скажешь об озере Аракуль! Представить себе не можете, как стыдно вести иностранцев купаться к озеру через череду помоек, туалетов (прямо на тропе) и пьяных рож «отдыхающих»! Жемчужина Урала превращается в клоаку! Может, пора бы уже подумать о превращении Шихана и оз. Аракуль в природный парк? Короче, надо что-то делать, господа защитники природы! Вот такое экологическое отступление...

Но вернемся к спорту скал. В соревнованиях связок победили все те же Стас Загребельный и Гузель Рамазанова. Они сумели за 25 минут преодолеть всю трассу связок с двумя подъемами и одним спуском. Как потом признался один из участников феста, датчанин Поу Моллер, его поразили соревнования связок: «Это такой отличный тренинг для альпинизма! Приеду домой — постараюсь организовать нечто подобное у себя!». Турецкие же участники (3 человека) лазали по пробитым трассам на «Чемберлене», не особо блистали в боулдеринге, зато круто играли на национальном музыкальном инструменте — дудке, извлечь звуки из которой удалось только Вере Гилевой, и то после двухчасовой тренировки. Турки также показали 3 интересных игры на растяжку для скалолазов и приготовили

фото: В. Примеров

экзотическое блюдо — «толма», основным компонентом которого был перец. Еще они отличились тем, что приехали на Шихан без палатки, без снаряги для лазания, без посуды и т.д. и т.п., хотя все это у них было, просто... они не читали программу фестиваля! И тем не менее несмотря на отдельные ляпы, Шихан прошел великолепно, что и отметили участники в дневнике: «Чудесное фестивальное время! Совершенно особенное: атмосфера, люди, природа — жизнь, целая жизнь за 5 дней... Спасибо всем за это!»

Вторая часть фестиваля — Ергаки. Добираемся частями — проблемы с билетами. Однако 21-го все вместе выдвинулись с турбазы «Тушканчик» к озеру Светлому, где по совету нашего консультанта красноярца Саши Терентьева лучше встать базовым лагерем. Поскольку «Светлое» для нас место новое, уперлись в самый дальний конец озера, которое (как потом оказалось) было самым густонаселенным медведями. В первую же ночь медведь вытащил из палатки турок рюкзак, облюбовал его, причем турки не спали, все слышали, но молчали до тех пор, пока Оксанка не завопила на весь лагерь. Народ забил ложками в чашки, медведь ушел, но всем уже было не до сна: все всполошились, стали переставлять палатки, прятать продукты,

ходить группами в кусты, короче, в эту ночь никто не спал. На следующий день появился Саша Терентьев и сказал: «Вы что, с ума сошли?! В самый медвежатник встали! А ну переселяйтесь поближе к людям, на другой конец озера». Что мы и сделали, но медведи и там не давали нам покоя 3 или 4 ночи — ходили в 20 м от лагеря, как у себя дома. Когда мы потом шли по тропам возле озера, то и дело натыкались на следы мишек и продукты их жизнедеятельности. Вот такие медвежьи приколы были нынче в Ергаках.

Не будем далее утомлять читателей описаниями деталей нашего 11-дневного пребывания в Ергаках. Что было сделано. Несмотря на разнообразную погоду (2 дня непрерывного дождя и низкой температуры), было совершено 8 восхождений от 2а до 3б к.т., один человек закрыл 2-й разряд, двум осталось по 3б до второго, 2 человека закрыли 3-й разряд, трое сделали превышение над 3-м разрядом, 8 человек стали значкистами по альпинизму. Наши ребята помогли Саше Терентьеву в организации пробики мультипитча на п. Звездный (240 м), С. Гержа с турками опробовали мультипитч под Висячим Камнем (~ 7а, 120 м), весь не пролезли, т.к. не хватило времени, но, по их отзывам,

маршрут очень интересный. В перерывах между восхождениями участники активно осваивали район, проводя трекинговые выходы к озерам Мраморному и Медвежьему, к Висячему Камню, к скалам «Слоники» и на видовку «Макалу», к Малахитовому озеру и пер. Пикантный, к Безрыбным озерам, и конечно незабываемый «Большой турецкий поход» на Зуб Дракона.

Вечерами наш дружный коллектив устраивал импровизированные концерты под шатром усыпанного звездами бездонного неба Ергаков. От костра доносились заунывные, но мелодичные напевы турок, слышалась смесь русской и английской речи (это Гриша Ким усердно практиковался в диалогах с Поу). В общем, и спорт, и отдых, и общение были на самом высоком уровне. Наши иностранцы совсем освоились, например, потомок датских принцев Поу в конце ужина смело выскребал ложкой из котла остатки картофельного пюре, блаженно при этом улыбаясь. А турки почти без акцента научились говорить по-русски: «без разницы».

Итак, подведем итоги. Несмотря на практическое отсутствие финансирования со стороны других организаций, Международный молодежный скальный фе-

фото: В. Примеров

стиваль «Европа – Азия – 2008» состоялся. В нем приняли участие около 40 молодых людей, представляющих 4 страны и 3 города России. Впервые спортивная программа фестиваля была столь насыщенной: совершены хорошие восхождения, выполнены разряды, впервые мы поучаствовали в пробивке мультипитча, впервые мы общались с турками и датчанами. Хочется сказать этим смелым ребятам «спасибо» за то, что рискнули приехать в Россию, где почти по улицам ходят реальные медведи. Я думаю, и они многому у нас научились (например, соревнованиям в связках).

Также наши благодарности ЦВР «Спектр» Октябрьского района Екатеринбурга (директор Г.С. Миролюбова), СДЮСШОР горных видов спорта (директор В.Н. Першин, зам директора Н.А. Демура), фирмам «Век» и «Манарага», ребятам молодежного горного клуба «Восхождение», лично нашим гидам А. Терентьеву (Красноярск), его помощнику Володе Нагорному, персонально А.В. Кленову

А еще от лица участников фестиваля: «Спасибо фестивалю за то, что он есть!» И дай Бог, еще будет!

фото: В. Примеров

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2009

www.uralstalker.su
uralstalker@mail.ru

при участии:

- турклуба УрГУ
- министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области
- управления по развитию физической культуры, спорта и туризма г. Екатеринбурга

31 мая

- выставка спортивного снаряжения с 10:00
- веревочные трассы в створе плотины с 12:00
- водные состязания на Плотинке 14:00
- старт водной гонки 16:00
- награждение 19:30

Проекты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

апрель 2009

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Дети в походе</u>		
В. ПРИМЕРОВ	Горы, медведи, турки, Фестиваль.....	2 пол. обл.
<u>Спортивные достижения на Урале</u>		
А. ЕЛЬКИН	Практическая стрельба.....	6
<u>История Уральского туризма</u>		
Р. ТИХОНОВ	Ивдель – Няксимволь – Наяс – Тапсуй.....	8
<u>Заповедные земли Урала</u>		
И. АБРАМОВ	В царстве чахоточных сосен.....	12

СВЕЧА ГОРЕЛА

<u>Новые встречи</u>		
В. БАРАНОВ	Стихи	22
<u>Молодые имена</u>		
Е. БОРНОВОЛКОВА	Стихи	24
<u>Новые встречи</u>		
В. ВДОВИН	Повесть о погибших и выживших ч. 2	26

АЭЛИТА

<u>Координаты чудес</u>		
А. ПОПОВА	Посланники смерти	34
<u>Законы Вселенной</u>		
А. КУЛАМЕСА	Умереть за Родину	37
<u>Повод для улыбки</u>		
И. ВИНОГРАДОВ	Годен.....	44
<u>Сумма технологий</u>		
Н. РАКИТИНА		
М. БОБРОВ	Жанры как они есть.....	52
<u>Координаты чудес</u>		
А. БОР	Где-то там, на Украине.....	55

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Тропой поиска</u>		
Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России	33
<u>Давным-давно</u>		
И. ГЛАДКОВА	Путешествие вне хронологии	59
В. ДЬЯЧКОВ	О дьячках.....	63
<u>Далекое – близкое</u>		
Ф. СОЛОМОНОВИЧ	Ивдельлаг	64
И. ГРИГОРЬЕВ	Один из многих.....	68
<u>В мире прекрасного</u>		
И. ГЕРУЛАЙТИС	Когда камень начинает вспоминать	70
<u>Легенды и были</u>		
А. КОЗЫРЕВ	Адмиральские часы.....	73
<u>Юбилей</u>		
В. ИЩЕНКО	Улица Щварца	74
<u>Камни Урала</u>		
В. АВДОНИН	Рубин и сапфир – знатные дворяне минерального царства	78
<u>Человек и природа</u>		
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН	Апрельская любовь	3 пол. обл.

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,
Б.А. Долинго, С.А.Надь, Е. Пахомова
Худ. редактор, верстка – А.А. Жильцова.
Художники – А. Митрофанова,
Я. Ахметшина.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Т. В. Сергеевко.
Фото 1 полосы обложки – М.Ю. Фирсов

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель – ООО «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников
России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России.
• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя:
620014, г. Екатеринбург, а/я 479
тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalkersu

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
службы по надзору за соблюдением законодательства в
сфере массовых коммуникаций и охране культурного на-
следия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано
07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным пра-
вом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются
отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30
строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
подписана автором. Обязательно прилагать информацию
об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале,
на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В
первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные
электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответ-
ственность за предоставление материалов и иллюстраций,
обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При от-
правлении электронных сообщений обязательно заполнять
поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия ООО «Ураль-
ский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт»
обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского
следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:
– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
подписной индекс 31646
– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
чать», индекс 73413
– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-
ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего за-
рубежья

– Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

- ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
- ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
- ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
- ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43
- ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
- ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
- пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
- ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
- ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт. uralstalker.ru», №4 подписан к печати 23.03.2009
года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография
«Монетный щербеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных
героев, д. 10. Заказ №

Александр ЕЛЬКИН,
фото автора

Практическая стрельба: открытие сезона соревнований

Он стреляет по мишени, он заранее знает расстояние (25 метров), знает диаметр мишени, знает, что она статично висит на уровне глаз, спортсмену дается достаточно времени (некоторые упражнения выполняются без учета времени), спортсмен стреляет и стреляет, его основная задача — попасть в десятку. Здесь нет фактора времени, когда нужно действовать быстро.

В практической стрельбе все по-другому: мишени разные, они движутся, появляются, падают, поднимаются, потому что одна активирует другую, зоны не видны. Спортсмены привыкают к тому, что все стандартно, а стандартных ситуаций в жизни не бывает. Так из Америки практическая стрельба перекечывала в разные страны. Теперь это жизнеспособный вид спорта. Сейчас проходит аттестация, а значит, будут разрядные нормы.

В практической стрельбе есть железные правила — оружием не крутить, спусковой крючок не нажимать — стрелять тогда, когда это необходимо. В практической стрельбе важно думать. Здесь есть и короткие, и средние, и длинные упражнения, т.е. мишени могут появляться отовсюду и по-разному. Нужно за короткое время поразить все мишени, поэтому стрелок должен мгновенно принимать решения, как лучше встать, в какой момент поменять магазин. Еще одно отличие практической стрельбы: зоны делятся по количеству баллов, даваемых за попадание в них. Получается, что когда стрелку нужно набрать определенное количество баллов, он должен умело сбалансировать точность и скорость. В практической стрельбе таймер только включается судьей, выключается он уже автоматически, поэтому человеческий фактор на судейское решение не влияет. Но когда таймера

История практической стрельбы берет начало в далеком Индокитае, когда стрелки, среди которых был и легендарный Джеймс Купер, стали задумываться, почему полицейские гибнут во время перестрелок с гангстерами. Оружие у них было не хуже, чем у противников, стреляли они метко и постоянно тренировались. Подумав, они поняли, что стреляют не по тем мишеням. Дело в том, что во время тренировок полицейские стреляли по круглым мишеням, а во время перестрелки — в людей. Тогда были сделаны тренировочные мишени в форме человека. Потом стрелки задумались и о других характеристиках стрельбы: о скорости выхватывания оружия и точности попадания в цель. В результате появилась стойка Купера. Сейчас ею уже не пользуются, потому что существует другая стойка, которой можно быстро обучиться, а двигаться в этой стойке легче. Но начиналось все в те далекие времена.

Когда практическая стрельба пришла в Америку, она захвати-

ла всех, ее сразу же стали культивировать и в полиции, и в ФБР, и в спецслужбах. Прошло время, и практической стрельбой начали заниматься гражданские (т.к. в Америке ношение оружия разрешено гражданам, в том числе и короткоствольное). Все чаще во дворах начинающие стрелки устраивали небольшие соревнования. В других странах происходило то же самое. В итоге через какое-то время объединилось несколько стран, и была образована Международная конфедерация практической стрельбы, которая сейчас так и называется. В Свердловской области соревнования по практической стрельбе проводятся с 2003 года, а в России практическая стрельба в 2000-м году уже твердо встала на ноги.

Бывает, спортсмен с одной руки десятки вышибает, а в реальных условиях теряется. Навык практической стрельбы дает свою моторику, т.е. человек знает, что надо делать, появляются свои наработки. Чем отличается спортсмен-стрелок, в данном случае пристрельщик?

еще не было, не было и объективной оценки — кто победитель: тот, кто быстрее отстрелялся, но не все мишени сбил, или тот, кто отработал точнее, но дольше по времени. С появлением таймера стали считать баланс точности и скорости, т.е. хит-фактор, делением количества баллов на затраченное время.

Раньше команды состояли из трех стрелков, сначала выходили первые стрелки и стреляли, затем состязались между собой вторые стрелки и соответственно третьи.

Выигрывала та команда, у которой оказывалось больше стрелков-победителей. С одной стороны, это было интересно, с другой стороны, слишком затянуто, уходило очень много времени. Два года назад мы стали делать командные дуэли, во-первых, это азартней, а во-вторых, времени уходит гораздо меньше.

Конечно, те участники соревнований, которые занимают первые места, уже не первый год участвуют, потому что без тренировки и без определенного опыта тяжело.

Соревнования — дуэльная стрельба (командная или личная) — интересны тем, что здесь стрелки не просто стреляют по мишеням, они стреляют по мишеням соперников. В таких соревнованиях очень важен определенный психологический настрой. Здесь побеждает тот, у кого крепче нервы. Причем нас уже просят командные дуэли два на два делать, это интересно в первую очередь правоохранителям, потому что они где-то в парах, где-то в группе работают.

Раньше у нас спрашивали, будем ли мы проводить соревнования в плохую погоду. И тогда мы установили правило — матч будет проведен при любой погоде. Самый холодный матч, который мы проводили, состоялся на Красном Адуе, это был один из первых матчей. Он проходил на танковом полигоне на открытой площадке, ветер дул так сильно, что мишени периодически падали, мороз был 28° С. Конечно, всем было тяжело, но от участия никто не отказался. И потом, вы же не скажете преступнику: «Подожди, я погреюсь». Надо стрелять в тех условиях, какие есть.

Радий ТИХОНОВ,
фото предоставлено автором

Ивдель – Няксимволь – Няйс – Тапсуй Северная Сосьва

Торговля Новгорода Великого, задолго до Москвы, велась успешно и выгодно с народами северными: коми, ханты, манси. Новгородские купцы ходили вплоть до Обдорска (Салехарда) через Поясовый хребет, по притокам Северной Сосьвы и по самой Северной Сосьве. Вывозили оттуда пушное «золото», сырок, семгу и особенно «малую рыбицу», но очень вкусную, сосвинскую селедку. Зимой по ледяным, летом по водяным дорогам. Слух об этой селедке подвигнул нас сплавиться по Северной Сосьве. Весной 1975 года Евгений Григорьевич (Женя) Зиновьев пригласил меня на Северную Сосьву. Начали готовиться. Из плавсредств был в наличии старый ЛАС и резиновая надувная лодка. Старый ЛАС ремонтировали, клеили. Запасались спиннингами, удочками; разрабатывали варианты заброски к месту начала сплава. К середине июля группа собралась, прибыли участники из Запорожья и Кривого Рога. Поездом добрались до Ивделя. На местном аэродроме договорились с попутной оказией, пожарным самолетом, до Няксимволя. День был солнечный, летели восточной стороной Поясового хребта над нескончаемыми болотами. Не видно ни дорог, ни сухого места, только лоси, напуганные шумом мотора, носились по этим водяным делям. При посадке в Няксимволе на аэродроме заметили белый

«Москвич» и толпу встречающих. Решили, наконец-то тут есть сухое место и дорога. Дорога оказалась длиной около 600 метров, до дома председателя поселкового совета. Рядом был магазин, зашли; под руку попал баян, и Юра великолепно исполнил на нем вальс. Нас приняли за самодеятельных артистов. Надежды населения не оправдались, мы лишь купили брезентовые рыбацьи костюмы и ушли к реке, к реке Няйс, которая дала имя поселку, занялись сооружением плавсредства. ЛАС, загруженный рамой из досок, командой из семи человек и грузом, почти затонул; пришлось группу разделить: двое на резиновой лодке, остальные на ЛАСе. К обеду отплыли; местный пацан, который все крутился около, предложил купить у него лодку за 20 рублей. Мы спросили «Чья лодка?», сказал: «Моя!». Выяснилось, что в семье из пяти человек у каждого своя моторная и простая лодки. Он продает нам свою – простую. Лодку пригнали, хорошая долбленка с нарощенными бортами. Перераспределили груз и отплыли по Няйсу. В конце дня встали на ночевку уже на реке Тапсуй, притоке Северной Сосьвы. Рыбы нет, в горах, на Поясовом хребте, тает снег. Низкие места затопило, рыба ушла на луга, кормиться. Одной из проблем стала наживка для удочек. Везли из Свердловска банку червей. Погода жаркая, черви пересохли.

Через сутки вышли на устье притока р. Тапсуй, реки Висим. Места глухие, сплошные туманы, очень мрачные места. Пытались порыбачить. В старице обнаружили сеть и очень ветхую лодку, ловили «пришлые», лодку и сеть бросили. Рыба в сети вся сгнила, остались хребты да головы. Ночью пожаловал к нам на стоянку гость, манси, заеденный комарами и мошкой, черный от копоти и похожий на медведя, он вылез откуда-то из бурелома и попросил средство от комаров. Сказал, что работает поблизости на заготовках сена для военных заказчиков. Погода наладилась, Висим нам запомнился солнечными закатами, яркими, с разлитым солнцем, с туманными призраками на поверхности реки. Но глушь на берегах, многоярусные буреломы и дикие заросли трав и кустарников как-то мало настраивали на романтический лад. Впереди ожидал нас поселок со странным неромантическим названием – Хулимсунт. Близость «населенки» обозначали «зароды» сена, в большинстве своем затопленные или иногда плывущие по течению. На одной из стариц удачно порыбачили, наловили ведро окуней, уложили их в садок и привязали за плотом. По дороге садок отвязался и утонул – остались с первого улова без ухи. Река широко разлилась, по берегам громадный травостой с комарами и мошкой. Берега суглинистые, очень часты от-

Радий Тихонов – инженер-технолог тяжелого машиностроения. Выпускник УПИ. 46 лет работал технологом Уралмаша. Председатель туристского клуба «Уралмаш», член маршрутно-квалификационной комиссии и общественной редколлегии альманаха туристов Уралмаша. Туристскими тропами прошагал Урал и Восточную Сибирь.

мели. Рыбу стало не на что ловить, наживка (черви) кончилась. Ближе к Хулимсунту у рыбаков узнали, что червей надо искать по затопленным ивняковым зарослям в слое занесенной песком листвы. Чем и занялись, и небезуспешно. Судно наше стало подтекать, занялись ремонтом; т. е. отысканием дыр и их проклеиванием. Лодка несла функцию разведки, опережая плот на 2–2,5 км, команда выбирала места для обеденных стоянок и ночевок. На подходе к Хулимсунту заметили вертолет на берегу. Ночевали под Хулимсунтом на высоком берегу. Ночь темная, с тучами. На западе вырисовывался Поясовой хребет, на востоке висела полная луна, равнодушно взирая на речные разливы. С утра к стоянке подошел на моторке местный, Тихон Иванович Номин, бывший снайпер, служил на Ленинградском фронте; реку до Верхненильдиной назвал «своим хозяйством». Имеет две семьи: в первой семье 11 дочерей и последний мальчик, во второй – 12 дочерей и один сын. Чем живут? Ставят сено для военных по 120 тонн за сезон. Во второй семье у парня своя моторка. Он именем отца занимает

Северная Сосьва

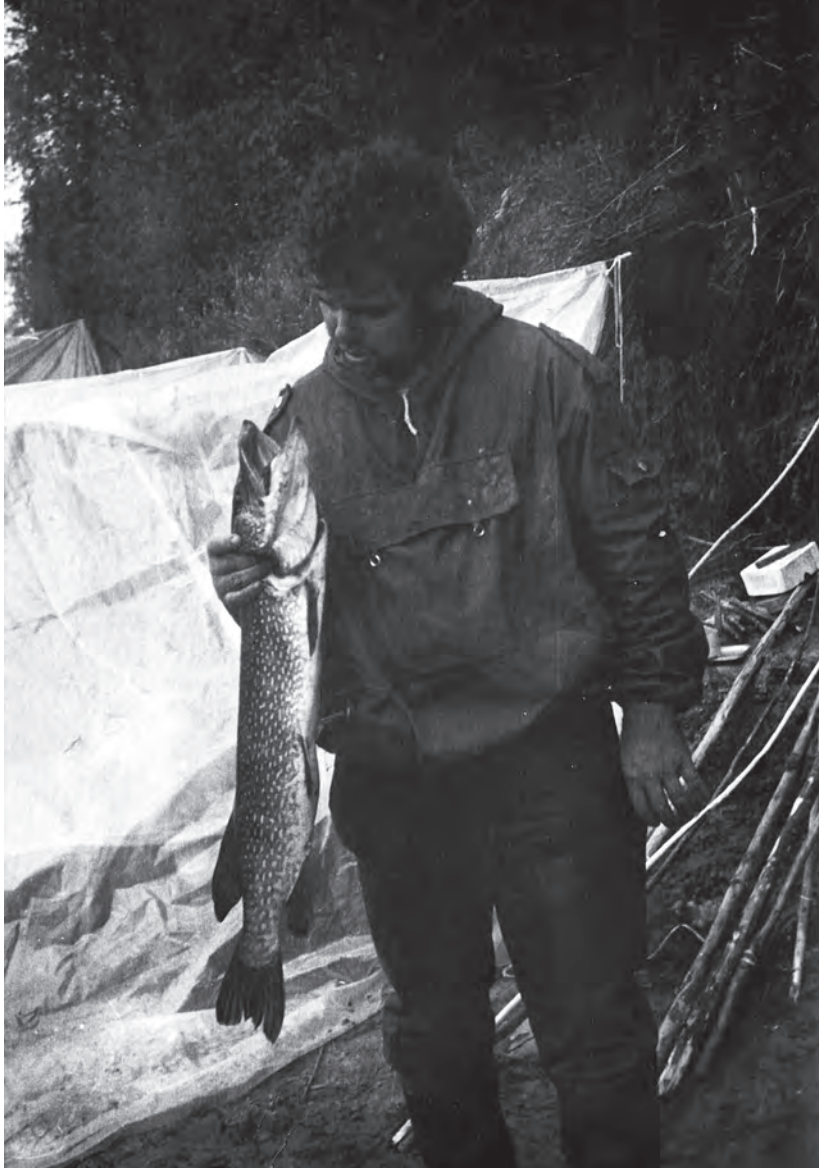
деньги у строителей газопровода, людей обманывает. Отец говорит: «Если застрелят, как собаку, искать не буду!». Парень и нас обманул. Обещал моторкой дотянуть до Верхненильдиной, но сам исчез, хотя деньги заплатили ему вперед. Отец еще раз заезжал к нам, дал крупного сырка (около 1,5 кг). Мы его засолили между берестяными пластинами и через 1,5 часа съели, оказался очень вкусным. Впереди по карте значится Кирсарай. Это на-

звание вызвало догадки, на каком языке это звучит. Все разрешилось очень просто – название означало: кирпичный сарай. На выходе пласта красной глины налажено производство кирпича.

Спиннинги начали оправдывать себя, в реке было очень много щуки. Из деревянного ящика со вставкой из полиэтилена сделали емкость для тузлука. Выловленных щук солили в тузлуке, а потом развешивали вялить. Щуки, распла-

Няксимволь. Устье Нйаса. Погрузка

Рыбацкая удача на спиннинг

станные вдоль хребтин, походили на тигровые шкуры, растянутые на вешалах. Начались дожди, поэтому над вешалами пришлось соорудить укрытие из полиэтилена в виде палатки. Река стала очень широкой, укрытие очень сильно парусило и мешало плыть. На реке пошла волна, и маневрировать стало очень тяжело. Скоро Волья. На устье Вольи, по слухам, отличная рыбалка. Вышли к Волье. Щук полно. Если бы спиннинги меньше «бородили»; мы дольше распутывали «бороды», чем снимали рыбу с блесны. На устье Вольи решили с Евгением Григорьевичем вдвоем порыбачить с нашей долбленной лодки. Он с носа, я с кормы. Первый заброс – у Евгения «борода», у меня «зацеп». Видно, блесна за корягу зацепилась. Начинаю подматывать лесу на катушку; лодка идет против течения. Со второй попытки обнаружилась на поводке громадная щука. В лод-

ку не вытащить. Попросил помощи у Евгения, он подполз по лодке с веслом. Когда я подтянулся к щуке и она показала из воды свою голову, он ударом весла оглушил ее, и мы вытащили ее в лодку. Вес щуки превышал 5 кг, «рост» от плеча Ев-

Тигровые шкуры вяленых щук

гения до земли. Распутали «бороду». В этот вечер поймали еще 16 щук на спиннинг, но более мелких, не идущих с «чудищем» ни в какое сравнение. Охотничья страсть была удовлетворена. Оставалось еще опробовать «закидушки» на «прорве». Через сутки вышли к «прорве». Настроили закидушки на 2 – 3 поводка с колокольчиками. Маринка клюнет, колокольчики зазвенят. Но на ямах «прорвы» было великое множество ершей, наши «закидушки» то и дело трезвонили. Маринка редко попадала, но зато на поводках висело по 2 – 3 ерша, и довольно крупных. Маринка рыба в сечении круглая, жирная, из нее уха очень вкусная. Рыба достигала 0,3 метра и 400–500 граммов веса. Отвели душу с рыбалкой на донные удочки. Вышли из «прорвы» на Северную Сосьву. Впереди Верхненильдина. Северная Сосьва выходит к оконечности возвышенности Люлимвор. Вэтих местах строится газопровод Игрим – Серов. По реке, ширина которой уже более 100 метров, плывут пары заваренных с торцов труб для газопровода. В дневные часы невероятная жара. Уже появился ящик, в который укладываем вяленую рыбу. В Верхненильдиной задержались очень ненадолго, сроки подпирают. Идем очень медленно, река разлилась широко, по берегам все меньше лесов, все больше ветра. После Верхненильдиной видели деревянное судно, брошенное на берегу, обшивка погнила, палуба

Северная Сосьва. Судно речной охраны

трухлявая. На таких судах речная стража плавала по Северной Сосьве еще в 20 – 30-х годах двадцатого века. Судно имело трюм, три каюты в палубной надстройке и камбуз. Надстройка почти вся разобрана. Судно в большую воду было поднято на береговую отмель и лежало на ней почти на боку. Окна кают заколочены досками. На нас дохнуло полувековой историей. Мы прикоснулись к прошлому. Это произвело глубокое впечатление. Мы были на подходе к поселку Кимкьясуй. На реке уже было много рыбаков, вооруженных снастями и моторными лодками. Сосьва, как все северные реки, мощно катила свои воды среди низких берегов. Все чаще на реке попадали рыбацкие становища и рыбаки на моторных лодках. Прошли несколько устьев речек, текущих с возвышенности Люлимвор. По берегам стало больше коряг, занесенных песком в половодье. Вышли к поселку Кимкьясуй, прошли поселок, не оставиваясь. Ночевали ниже поселка. Правый берег реки высокий, леса светлые. Скоро около поселка Патрасуй впадет река Ляпин. Через сутки вышли на устье Ляпина. Река холодная, вода чистая. Ляпин со-

бирает почти все реки с Поясового хребта и впадает мощным потоком в Северную Сосьву. Вода Ляпина долго не смешивается с водой Северной Сосьвы. Через двое суток вышли к Сосьвинской культбазе, поселку Сосьва, конечному пункту нашего путешествия. Поселок расположен на высоком берегу, работает рыбколхоз и зверовая ферма (разводят чернобурых лисиц). Как только причалили у поселка, сразу были атакованы местными ребятами. Они с высокого берега обстреляли нас и наше судно из рогаток. Обходным маневром по берегу мы окружили атакующих и отобрали часть вооружений. Рогатки добротные: резина от волейбольных или велосипедных камер, кожанки вместительные. Такая рогатка при определенном навыке бьет метров на 100. Атаки прекратились. Сходили в поселок в магазин, отметились в поселковом совете у властей. Стали собирать сведения о сосьвинской селедке. Оказалось, что путина еще не началась, будет через пару недель. В поселке этой рыбы нет. Ознакомились с делью. Так называется сеть для ловли селедки. Ячейка дели 18 мм, рыбка мелкая и нежная. Ее сразу

засаливают спецпосолом в бочках и отправляют в холодильниках заказчикам. Заказчики самые разные, вплоть до заграницы. Уинстон Черчилль через посольство заказывал каждый год 250 кг сосьвинской селедки спецпосола. Все, что не уходит заказчикам, идет на корм лисицам. По Северной Сосьве ходит теплоход «Ермак» до Березова – места ссылки Меншикова, князей Долгоруких, потомков графов Шереметевых и Остермана при Елизавете Петровне. Из Березова начал свой поход в составе Северной экспедиции лейтенант Дмитрий Овцын, исследовавший Обскую губу и прошедший под парусами до устья Енисея на дубелыплюпе «Тобол» в 1736 – 1737 годах. В Березово ночевали в гостинице, которая одновременно была и рестораном. Музыка надрывалась почти до утра. Утром сели на «Метеор» и отправились по Оби до Ханты-Мансийска. На Оби встретили громадную связку плотов длиной более километра. В Октябрьском часть пассажиров отправилась на железную дорогу, мы поплыли до Тобольска. Из Тобольска поездом через Тюмень вернулись в Свердловск.

Илья АБРАМОВ
фото Ирины КУЗНЕЦОВОЙ

В царстве чахоточных сосен

Вадим был смысленный малый, но обстоятельства последних месяцев ставили его в тупик. С одной стороны, он понимал, что ничего не бывает «просто так», с другой — уж очень разномастная и неравнобедренная получалась картинка бытия. Кусочки реальности никак не хотели стыковаться между собой, в голове мелькали беспорядочные мысли.

Волны накатывались на берег. Галька шелестела и лепетала: пустяки, то ли еще будет. Солнце двусмысленно улыбалось и показывало выщербленные зубы сквозь сочащуюся крону высоких сосен. За кустами жимолости щебетала какая-то неугомонная птичка. «Где-то я уже это видел». Да, догадка была: он не рассказал тогда старухе о случившемся. Слова вертелись на языке, но стальной засов разума холодно сжимал уста, и Вадим промолчал. А бабка ждала, ждала. Она долго и терпеливо глядявалась в лицо Вадима, высасывая из него фразы. Он горел, холодел под испытывающим взглядом, но молчал. «Зачем ей знать? Почему она так жаждала услышать? И что я так уперся — ну рассказал бы, что случилось бы с того?.. Вот! Что случилось с того!» Старуха тогда с трудом скрыла разочарование, поежилась, хотя костер

горел жарко, и странно сказала, что с утра сама пойдет на Туман.

Теперь, прокручивая перед внутренним взором всю историю от начала до конца, он начал понимать, что все произошедшее было сбродом неслучайностей и бредом полнолуния. Как он вляпался в эту историю, прямо морок какой-то. Это сейчас, пиная пустую бутылку на Рижском взморье, он стал таким дальновидным и зрелым, как плод манго. А полгода назад, приехав в задыхающийся среди тайги Няксимволь, к бабушке на каникулы, он был порывисто юн и горяч. И мечтал завладеть лыжами! Ходить по тайге — последний месяц учебы он уже сидеть не мог — бредил лесом. Кто ему привил эту страсть, не было ведь ее еще год назад. Он мечтал тропить меж сосен, елей, пихт, изучать следы зверей, скользить по увалам, перечеркивать ниточки рек. И идти, идти, идти, вдыхая душистый аромат зимы.

Дедуля давно уже променял Няксимволь на небеса, и лыж его охотничьих след простыл. Бабка, конечно же, была ни сном, ни духом, куда испарился дедов раритет. Для тайги же годились только охотничьи лыжи, а сделать самому их или купить было нереально. В местном магазине не то что фабричных лыж — лам-

почек не было. Оставалось только кланчить у селян. А кто даст, если почти каждый мужчина — охотник-промысловик. Вот тогда бабушка и подмогла. Сказала, что на Васевой заимке живет одинокая старуха — вогулка, и у нее-то лишние лыжи должны сыскаться. Сказано — сделано. Скрипнуло и крутанулось колесо судьбы.

Она сидела на небольшой, утопшей в сугробе скамье, прислонившись спиной в ватнике к венцам ветхой избы, и ждала. «Неужто, ведьма, меня ждет?» Слово «ведьма» промелькнуло само собой — как квинтэссенция всех сельских слухов. Никто ее так при нем не называл, но все намекали.

— Никак лыжи понадобились, молодец? — оборвал его мысли свежий голос, хотя оставалась еще добрая полсотня шагов до избы по заметенной тропе. Вадим не сразу понял, что заговорила фигура в ватнике, подпирющая дом, — звук прозвучал как будто внутри. Он на секунду замер, снежинки повисли в воздухе, заготовленная улыбка продавца-консультанта умерла, не родившись. Колесо крутанулось по полной, и остановить его было уже очень сложно. «Лыжи-то...» Мысли стали вязкими и густыми. «Какая пронизательная.

Абрамов Илья Викторович 1984 г.р., в г. Соликамск. Окончил Пермский госуниверситет, географический ф-т. Живет и работает в Ханты-Мансийске. Публиковался в периодике. В Уральском следопыте печатался в разделе «Встречный ветер» с очерком «По Среднему Уралу зимой» №4, 2004.

Наверное, заметила, что я запарился по сугробам пробираться. Почему она в ватнике — она же... Как ее зовут! Ведь мне говорили...»

— Алевтиной меня звать.

«Я что, вслух спросил? — Застучало в висках. — И что за имя такое! Бред, — какая еще Алевтина, господи, мне совсем другое говорили. Ладно, назовусь тогда Акинфием».

— Вадим.

И замер в двух метрах, громко скрипнув валенками.

— Что молчишь-то, — спросила после небольшой паузы Алевтина, глубже кутаясь в ватник.

«Лицо старое, а улыбка молодая».

— Я за лыжами пришел, — сказал просто, как выдохнул.

— В чулане возьми.

«Точка, — добавил Вадим про себя, — это что, весь разговор?»

«А как же: они у меня единственные, память о безвременно ушедшем...» Вадим опять встретился взглядом с Алевтиной — молчание. Глаза ворожеи густо тлели ночным пеплом.

Дверь у пола отворила чья-то лапа. Большой черный кот, с правильным белым треугольником на груди, прошмыгнул на улицу.

— У-у, чертяка, опять на охоту? — добродушно поинтересовалась хозяйка.

— Нет, в ларек.

«Что!» — Вадим вытаращил глаза на пушистый зад с поднятым обрубок хвоста. Ушастая голова повернулась и мяукнула.

В сенцах густо пахло сухими травами и чем-то неведомым. Вадим стоял перед темным проемом чулана и боялся обернуться, чтобы спросить про свет. «Его нет», — пришел ответ. Он каждой клеточкой чувствовал присутствие Алевтины за спиной, ее любопытствующий взгляд. Глаза Вадима долго перестраивались на полумрак сеней после слепящей белизны снега. Наконец он шагнул за порог, и первое, что разглядел, оказались охотничьи лыжи, прислоненные к стене. Стало как-то легче на душе —

значит, не зря шел. Он радостно схватил их и вынес на улицу. Алевтина, тоже улыбаясь, следовала за ним.

Лыжи были старые, потертые, из цельного куска дерева, подбиты камусами, которые явно проигрывали схватку со временем, однако мех еще держался и не топорщился щеткой в разные стороны. Разве что петли для ног, продетые сквозь падласы¹, нуждались в ремонте — нитки явно сгнили. Одним словом, это были самые обычные охотничьи подволоки², которых полно в поселке, да все чужие.

«Как же отблагодарить?»

— Только на полночь к Вагильскому Туману не ходи, — прервал его любованье голос Алевтины.

— А что так? — оживился Вадим, пропуская мимо ушей сказочный зачин.

Он не бывал там. Хотя на карте видел: обычное проточное озеро, по-местному — туман, которое разве что значительными размерами выделялось среди остальных. Мелкое, с заболоченными берегами, в царстве чахоточных сосен. «Порыбачить наверняка можно, а больше и делать там нечего. Зимой там, наверное, тропить тяжело», — мелькнула мысль.

— Нельзя туда просто так ходить, и тем более охотиться на Тумане, это священное место, пурлахтын ма по-нашему, — промолвила Алевтина.

— Хорошо, нет проблем, — Вадим не озадачивался сказанным, сияющий, он вертел в руках подарок.

— Ну, раз нет проблем, давай краба!

Он автоматически предложил свою пятерню в ответ на протянутую ему руку, не успев осознать

¹ Падлас — приподнятое место для постановки ноги на лыжу.

² Подволоки — лыжи, обитые или оклеенные снизу мехом с ног оленя или лося — камусами, реже мехом других животных, для того, чтобы они не скользили обратно при подъеме на гору и чтобы к ним меньше прилипал мокрый снег.

свое удивление. Ладони сомкнулись, и он запоздало понял, что все — назад пути нет. Легкая дрожь пробежала по телу. Алевтина держала его ладонь в своей дольше принятого и делала это взаправду по-моряцки — крабом. А глаза тем временем лучились. «Что это все значит?»

— Так почему не ходить? — он вежливо высвободил пылающую ладонь и задумчиво посмотрел на заснеженный лес.

— Издревле пошло. Чужим людям туда нельзя. А говорю тебе это потому, что лыжи наострены туда. — Она нежно прошлась пальцами по ворсистому камусу, обнажая родовую татуировку на кисти. — Следи за ними и за собой, чтоб не увели.

— Они что, заговоренные какие? — не очень веря в сказанное, спросил Вадим.

— Вроде того. Так что ничего в лесу не бойся, но и голову не теряй.

— Да я вроде не боязливый. Разберусь как-нибудь с двумя досками.

Левая лыжа вывернулась из руки и упала в снег.

— Ты будь повежливей с ними, а то бросят, — с усмешкой сказала Алевтина и по-доброму улыбнулась, — пойдём чай пить.

Сконфуженный Вадим молча последовал в дом за хозяйкой. Отказать он не решился, потому что еще не успел обсудить пикантный вопрос цены.

На столе горела керосинка, освещая небольшое пространство дома. Было тепло и уютно, несмотря на непривычную обстановку. Вадим не увидел красного угла с иконами, которые всегда привык видеть в деревенских домах на видном месте. Классических ковров на стенах тоже не было. Из мебели стол да пара мощных деревянных табуретов. Топчан проглядывал из-за угла. В центре избы громоздилась русская печка, олицетворяя вершину прогресса. Она потихоньку шаяла, отдавая последние крохи тепла. Опережая хозяйку, Вадим отворил заслонку и накидал в

топку дров — чайник заждался жара.

Придя в сумерках домой, Вадим понял, что ничего не помнит из того, о чем толковали в избе. А они ведь не меньше часа просидели. Мед, лепешки, необычайно душистый чай и убаюкивающая атмосфера уюта. Что еще: горящие глаза собеседницы, ее замысловатая родовая тамга, выколотая на фалангах пальцев, и какой-то расплывчатый образ. «Что за образ?» Вадим, как ни силился, не мог понять. Кот терся о ноги и, в конце концов, запрыгнул на колени, где, потоптавшись, свернулся калачом. «Что же с ценой?» Очередной провал зиял в памяти, хотя Вадим точно помнил, что поднимал этот вопрос. Себя он успокаивал, что лыжи — подарок, денег ведь не уменьшилось.

Как ехал назад, вроде припоминал, но ничего конкретного. Ноги в петлях лыж, кромка леса, густой снегопад, мельтешение снежинок перед глазами и дымчатое чувство восторга от ценного приобретения. Такая пьянящая эйфория царила в голове, что бабушка на пороге посмотрела на Вадима подозрительно, но лыжам обрадовалась. Он бухнулся спать, отказавшись от супа, и видел во сне шелестящую гальку прибоа и лыжи, скользящие в сумраке чахоточных сосен.

Лес в округе был шикарный — нетронутая светлохвойная тайга. Вадим целыми днями пропадал в этом древесном царстве, поздно возвращаясь домой. Один ходить он и вправду не боялся: компании не искал, да и не было ее в Няксимволе. Только собаки не хватало в странствиях. Бабушкин будочный «саблезубый тигр» уже перешел в разряд почетных пенсионеров, и в лес его не брали. А молодая собака бабуле была незначем.

Петли и камус лыж он сразу подлатал и теперь в любую кручу взбирался в лоб. Лыжи стали логичным продолжением его ног, и

когда он вечером отстегивал их, то чувствовал себя как космонавты на Земле после невесомости орбитальной станции. Маршруты его походов все дальше тянулись от поселка, и порой он оставался ночевать в охотничьих избушках, разбросанных по тайге, чем немало волновал бабулю. Вадим был счастлив — ему не надоедал лес, и он с упоением тратил отпущенное каникулами время. Следы зверей попадались достаточно часто, но воочию он видел только птиц: глухарей, рябчиков, которые, бывало, взлетали прямо из-под кончиков лыж, покидая в спехе свои подснежные апартаменты. Чаще всего Вадим уходил на запад, где бугрились предгорья и дальше на горизонте виднелся рваный профиль безупречно белых гор на голубом. Очень манила эта горная гряда, но слишком далеко она была, и без попутчиков туда было лучше не соваться. Ходил Вадим и на север, несмотря на запрет Алевтины, но до Вагильского Тумана не добирался — тот был в двух днях пути и ничем не манил, кроме своего туманного табу. Этого было явно мало для мотивировки похода. Но вот к западу от озера возвышалась впечатляющая сопка с многообещающим названием Канъя-Тальятумп. Времени до конца каникул оставалось немного, и Вадим в последний раз хотел насладиться видом на далекий хребет, который, по слухам, открывался с этой горы. К избе недалеко от ее подножия вел свежий снеговой след охотников, и Вадим рассчитывал быстрее, чем за два дня, добраться до вершины.

Погода пела, воздух звенел чистотой и морозом, и Вадим уже к полудню второго дня взбирался на гору. Сосновый бор давно отступил, в древостое преобладали кедр, ель, пихта, что делало лес густым, непроницаемым, а часто и угрюмым. На подъеме задул сильный ветер — и кроны деревьев закачались, закивали в поклон местному богу ветров и хо-

лода — Войпелю. Комья с веток полетели вниз, и белая снежная скатерть раскрасилась разрывами бомб. Под таким веселым обстрелом Вадим продолжал набирать высоту. Он еще долго петлял по плоской вершине, прежде чем нашел подходящую обзорную площадку на западную сторону. К сожалению, погода на глазах портилась, и воздух уже не был так чист, как хотелось бы: голубое утреннее небо уже изрядно побелело и помутнело, сизые ниточки перистых облаков протянулись по небу, белесые флаги взвились над далекими вершинами.

Над головой еще виднелись остатки лазурного неба, когда хребет стал окончательно пропадать из вида в снеговerti нахлынувшего из-за гор циклона. Ветер усилился и стал нагло колотить в лицо снежной крупой. Вадим поспешил назад, срезая свои лыжные петли по вершине тумпа. Спуск начал лихо, не повторяя досконально маршрут подъема, так как тот был слишком извилист. Дальнейший путь тоже решил немного срезать, чтобы быстрее дойти до избы, которая приютила его на полдороге вперед. Компас он всегда носил с собой и имел чудом раздобытый кусок карты на окрестности Нясимволя. Жаль, что здешние места были уже за его пределами.

Засек азимут и резво начал тропить; первые снежинки уже закружились над головой. Через час они превратились в сплошную пелену снегопада. Температура резко упала, и лыжи стали прилипать к свежему мокрому снегу. Усилий для ходьбы требовалось больше, а скорость становилась меньше. Визуально уже ничего невозможно было определить — среди дня наступили сумерки, а елово-пихтовый лес не позволял ничего разглядеть. Оставалось уповать на компас. Вадим к тому времени ощутил устал, все реже глядел на компас и удивлялся, когда обнаруживал, что идет не совсем туда. Закладывал поправку в движение и еще больше петлял — сквозь ур-

ман³ невозможно идти прямо, и все время приходилось обходить завалы и снежные конусы ширококопых елок. Капли пота струились по лбу; Вадим убрал лишнюю одежду в рюкзак и остался в свитере, который уже был так влажен от горячего тела, что сразу задымился, когда на него накинута густым роем снежинки. Перекус с горячим чаем из термоса на время взбодрил, но вскоре усталость стала еще стремительней накапливаться и заметно отуплять. Компас как будто взбесился, показывая совсем не то, что ожидалось увидеть. Легкая паника закралась в сердце, но Вадим гнал ее наращиванием темпа, и еще гуще валил пар от свитера, и еще хуже скользили лыжи — на них стал гроздьями налипать снег, несмотря на камуса. Тропежка превратилась в мучительную шагистику. Долгожданный трек «Бурана» все не появлялся, хотя Вадим должен был давно его подсесть.

Пришло время уже настоящих сумерек, а Вадим все брел вперед, проклиная нежданный снегопад. Мысль об избе крутилась где-то на задворках сознания — он уже перестал надеяться на нее, а просто слепо шел, передвигая налитые свинцом ноги. Периодически сверялся с компасом, и периодически вскидывалась его бровь: можно было подумать, что началась смена магнитных полюсов Земли, и нет больше надежды на прибор. Лыжи давно уже направляли Вадима, заботливо выбирая прогалы в лесу. Слабой отрадой было то, что сметник⁴ закончился и сосна становилась в древостое основной породой. «И куда пропала вся моя прыть — я же был неутомим, а вот на те — подлип, и будь ты хоть Гераклом, а никуда не убежишь».

Предстоящая ночевка под елкой не радовала Вадима, но,

³ Урман — елово-пихтово-кедровая тайга, мрачная, сырая и сильно захлапленная.

⁴ Сметник — смешанный лес.

похоже, была наиболее вероятной. Под непрекращающийся шорох снегопада он пересек очередной распадок, долго шел вдоль него, пока местность совсем не стала плоской, и вскоре вышел на поле, как ему показалось вначале. Но по многочисленным чахлым соснам, торчащим повсюду из снега, Вадим понял, что это болото, рям⁵ — поместному. Он решил пересечь его и заняться по ту сторону поиском места для ночлега. Но посреди болота неожиданно вырос большой кедровый остров, возвышавшийся над снежной гладью, и Вадим решил поискать счастья на нем. Углубившись совсем немного в густую гриву, он сразу вышел на небольшую елань⁶, на опушке которой что-то чернело. В очер-

⁵ Рям — болото, покрытое мелким сосновым лесом.

⁶ Елань — чистое место среди леса.

таниях угадывался покатым конек крыши. Радостное предчувствие заполнило Вадима. Он смело двинул лыжи напрямик от опушки к строению, как вдруг под носками лыж что-то взорвалось, и фейерверк искрящихся снежинок взметнулся в луче фонаря. Шумно хлопая большими крыльями, вспорхнул большой глухарь. «Твою мать! — испугавшись не на шутку, пролепетал Вадим. — Нашел, козел, где зануть!».

Сердце еще учащенно билось, когда Вадим разглядел с торца миниатюрную дверь и деревянные петли крохотной избушки, даже по охотничьим меркам. Из снега торчали столбики-конусы, по шутке на угол — домик держался на них. Но снега было так много, что казалось, избушка стоит на сугробе. Почему-то нигде не виднелось трубы. «Может, занесло снегом?» Избушкой явно не пользовались этой зимой — слишком огромные сугробы возвышались вокруг. После обзорного кольца вокруг Вадим понял, что окон в строении нет, как,

впрочем, и трубы, а значит, нет и печки-буржуйки — сердца всех охотничьих избушек. Да и вообще, миниатюрный какой-то домишко! Он не встречал таких раньше. Но уж лучше так, чем в лесу под елкой». Снегоуборочные работы у дверей выжали последние соки из Вадима, и, запыхавшись, он протиснулся в дверь. Внутри ничего не было видно, царил затхлый запах старых вещей и истлевших шкур.

Снова водрузив налобный фонарик на голову, Вадим оглядел убранство домика. Тут до него дошло, что он забрался в священный вогульский амбарчик — ура-сумьях, где не то что жить — находиться, кроме шамана, никому нельзя. Это знание всплыло само собой вместе с лицом вогульской старухи. Вадим как-то не заметил, что вогульские названия предметов уже давно приходят на ум сами собой, будто он их в школе разучивал. Разномастные идолы — менквы — с раскрытыми ртами теснились у дальней стены, выпучив самоцветы глаз на пришельца. Они были завернуты в лоскуты ткани, как в одежду, а центральный персонаж отблескивал фольгой

на груди. Вадим кожей слышал давящий вопрос разинутых глоток: «Что пришел, что принес?» Он с трудом перевел взгляд в левый угол, где у стены покоились два бубна полуметрового диаметра, перетянутые старой оленьей кожей, а рядом валялась березовая колотушка. В правом углу было аккуратно расставлено с дюжину медвежьих черепов, причем нижние челюсти были привязаны к головам полосками ткани. Ближе к входу было сложено разнообразное оружие и рядом в свертке — модели деревянных и железных луков. Именно модели, потому что, повертев их в руках, Вадим понял, что они совершенно не практичны. Стрелы тоже имели ритуальный характер, отличаясь небрежностью работы. В отличие от них, метровая железная сабля с ручкой из оленьего рога выглядела весьма натурально и приятно тяжелила руку. На небольших нарах, справа от входа, в деревянном сунду-

ке, отлеживались меха лисиц, соболей и прочих пушных зверей. В узелке из пестрой ткани была завернута шкурка маленького кролика, сложенная таким образом, что голова и передние лапы как бы лежали на задних. Подобным же образом была сложена шкура маленького медвежонка. Под ногами на полу из колотых плах небрежно валялась оленья шкура, и несколько было свернуто под нарами. Там же прохладился вместительный чугунок, что наводило на мысли об очаге. Но чувала⁷ — последней надежды погреться у живого огня — не было. У входа, немногословно напоминая о живых хозяевах амбарчика, лежали папиросы, чай и посуда.

Уходить Вадим после увиденного не собирался. Усталость

⁷ *Чувал - особый вид каминно-образной печки из замешанной с осовой глины; устройство дымохода разное, самый простой вариант топится по-черному — дым выходит через дверь.*

валила с ног, и, натаскав изо всех углов шкур, Вадим закутался в них и заснул мертвецким сном. Деревянные болванчики в углу тихо перешептывались: «Во дает, а! Может Войпеля позвать?»

Снилась всякая околесица. Как он колобродит по урману, и лыжи сами несут его напропалую через завалы. Выходит он на капище среди кедровника, а там медвежий праздник в разгаре и беснуется шаман. Вадиму напяливают берестяную маску, и кто-то коротко толкает внутрь круга, где корчится мохнатый ведьмак. Вадим тоже бросается в пляс — все мельтешит вокруг: деревья, идола-столбы, шкуры, развешанные по ветвям, олень, укрытый цветастым покрывалом, с печально-обреченными глазами, скуластые вогулы с серебристыми пластинами на лбу. Кривляясь и завывая под монотонный звук трехструнного сангвелтапа, вогулы обступают его тесным кругом, и Вадим видит бездон-

ные провалы их расширенных зрачков. Все быстрее ритм бубна, все чаще пульс, все отчетливей набат в чугунной голове. Вот он уже плывет, рассекая волны елей и разводя руками омуты; шаман бьется на коленях в конвульсиях — пена пузырится вокруг искривленного рта, но «шарманку» из обвитых тугими венами рук не выпускает. Наконец бешеный ритм бубна замедляется, по хмельному утру разума расплываются манной кашей ели и омуты, шаман медленней убитой улитки ползет к нему — его косматая голова безжизненно висит на обмякших плечах, берестяная маска сползла на затылок. Вдруг косма оживает, медленно поднимается и, опережая тело, молнией летит к Вадиму — бездонные глаза шамана впиваются в душу мертвой хваткой. Хриплый шепот пульсирует в позвонках: «Беги!»

Проснулся оттого, что скрипел за дверью снег. Вадим весь внутренне собрался — сон как рукой сняло, нащупал нож и осторожно открыл дверь. Белел девственный снег морозного утра, свежий заячий след проходил рядом с дверью. И все. Успокоившись, Вадим уже хотел закрыть дверь, когда увидел на гвозде рядом с косяком знакомую берестяную маску. Он мог поклясться, что вчера ее там не было. Да и зайцы, как известно, не скрипят лапами.

Куях⁸ опоясывал Вагильский Туман со всех сторон, делая летние подходы к нему затруднительными. Зимой же это пространство можно было без проблем преодолеть на лыжах в любом направлении. Но охотчих до этих мест людей в округе не было — табу, несмотря на все перипетии истории, прочно застряло в умах людей. Даже не придерживающиеся местных воззрений русские охотники обходили эти места стороной. «Зачем зря лихо тревожить?» — думали они, только не про духов

⁸ Куях — мелкий, в рост человека, сосняк по болоту.

языческих, а про поселковских манси, которым очень бы не понравилось поправление вековых устоев. Посещать эти места полагалось только в особые дни года или во время страшного голода, и исключительно мужчинам.

Камус свисал кусками с лыж, изодранный на завалах вчерашнего сумасшедшего дня. Вадим скептически глядел на эти клочки, сидя на пороге избушки, и думал о предстоящем дне. Ноги предательски подкашивались — вчера он перенапряг их, и сейчас каждый шаг отзывался тупой болью. Еды не было — он с утра доел остатки и теперь рассчитывал только на воду. Отчаянье, однако, не пришло, просто было обидно за промахи, из-за которых он попал черт-те куда. Вспомнился Робинзон и его злоключения. И вот тут стало по-настоящему обидно. «Нашел, где выживать, блин — в тропиках, — сюда б тебя!»

Вадим был уверен, что он куда-нибудь выйдет, если не будет кружить, а кружить он не будет, потому что есть компас. «Но вчера не больно ты мне помог. Где вот я?» Вадим постучал по циферблату пальцем и сам же ответил: «На каком-то капище».

Мысль эта за что-то зацепилась в памяти, но конкретные ассоциации не приходили на ум. Может, поискать старые лыжни? С этой зацепкой Вадим глянул на свои вечерние следы и понял, что искать чужую лыжню бесполезно, — все занесено. Мысль о святилище настойчиво требовала дальнейшего анализа: «Их ведь немного должно быть вокруг Няксимволя, а может, и вообще одно». Информацией по ним он не владел, как и большинство жителей поселка — это закрытые места, куда не приглашали русских. Повертел на всякий случай в руках обрывок карты с окрестностями Няксимволя и убедил-

ся, что он еще находится за ее пределами. «За ее северными пределами — ведь гора от поселка на северо-западе, а я, судя по лесу и рельефу, уклонился на обратном пути на восток. А что там?.. Должно быть, я где-то в болотах у Вагильского Тумана. А ведь Алевтина говорила, что там святилище у местных манси. О-о, так это, поди, оно и есть, пурлахтын ма по-ихнему. Накаркала бабуля, занесла меня нечистая в самую что ни на есть...»

Смачное словечко уже вырисовалось в голове, но размышления прервала трясогузка, которая уселась на лыжу, звонко чирикнула и стала качать хвостиком. Эх, не знал Вадим, что сами боги смилостивились над ним и

ниспослали своего наместника по Няксимволю — желтую трясогузку Ворсик-ойку, покровителя и прародителя местных манси. Ворсик-ойке и его жене Ворсик-эке было посвящено святилище, в которое незвано вторгся Вадим. Он окинул птицу взглядом и подумал, что маловато в ней мясца. Трясогузка призывно полетала по поляне, но Вадим проигнорировал ее позывы и углубился в «няксимвольский кризис».

Без еды он протянет несколько дней, но вот без крова вряд ли. Энергопотери при ходьбе на лыжах на холоде слишком значительные. Хороший долгоиграющий костер одним ножом он тоже не организует: тут или сон, или огонь поддерживать. А ходу до

поселка при хорошем раскладе два дня. Радовало, что снегопад прекратился и слегка подморозило, — значит, лыжи его не подведут. С направлением он вроде определился — «знойный» юг.

Вадим собрался и захватил с собой на память из сумьяха серебряную налобную пластинку. Потом вдруг остановился, не пройдя и пяти метров, вернулся, положил ее назад. Мотивировать свой поступок не смог — просто так надо. Перейдя со второй попытки поляну, он напоролся на здоровый кедр, в котором была вырезана страшноватая личина. Рот и древесина вокруг него были измазаны черным. Вадим не сразу понял, что изображенного божка потчевали кровью, и она засохла коркой до черноты. Захотелось перекреститься, и Вадим не стал себе отказывать. Поляну покидал со смешанным чувством благодарности и вины. Остров с кедровым лесом быстро кончился, и Вадим снова вышел на белую простыню болота. Сквозь сизопепельное небо изредка прорывались лучи, и свежий снег сразу начинал нестерпимо блестеть.

Одиноким человеком строго держал выбранное направление, оставляя после себя прямую борозду, врезался в часток кол рыжих сосен на южной оконечности болота и растворился в сочной зелени тайги. Лес был тих и уютен — полная противоположность вчерашнему урману. Снег был пушистый и легкий, лыжи проваливались глубоко, что совсем не радовало Вадима. Легкая тревога неизвестности таилась в груди, но она же заставляла сосредоточенно двигаться. Вчерашнего аврала не было — Вадим шел бережно, экономя силы. Малейший намек на пот, и сразу следовала передышка, чтобы не взмокла одежда.

Вскоре Вадим заметил на дереве зарубку топором. Он присмотрелся и проследил линию в лесу, на которой периодически попадались отмеченные деревья, — она почти совпадала с его направлением. Решил идти

по зарубкам — это оказалось не-сложно. Вагильский Туман он признал не сразу. Просто в один миг звонкий сосняк поредел, поник, а вскоре и вовсе стал по плечо. Огромное белое зеркало водоема простиралось далеко на юго-восток — Вадим вышел почти в крайней северной точке озера. Всего час ходьбы отделил Туман от «острова» со святилищем. Появилась уверенность, что теперь-то, ориентируясь по озеру, он точно поймет, как идти домой. Но память подводила: как ни напрягался, вспоминая контур Вагильского Тумана и ниточки водотоков вокруг него, что он видел на большой карте района в сельской администрации, ничего не выходило. Контур расплывался, ниточки путались, и ничего путного на смену генеральной стратегии «знойный юг» Вадим родить не смог.

Пересечение озера оказалось муторным занятием, и, когда Вадим смог различить отдельные деревья на том берегу, солнечные зайчики уже вволю порезвились в его глазах. Лес стал спасением. «Есть, есть, есть!» — тем временем кричал голодный желудок, и пересохшее горло Вадима вторило ему. Пришлось делать стоянку и на хворосте натаивать снег. Бесцветный вкус талой воды на время спас от жажды.

Сосняк уже не радовал глаз. Их вообще уже ничто не радовало после солнечных зайчиков — они слезились и болели. Бор теперь виделся в легком тумане, и сколько Вадим ни тер рукой «ясны очи», туман не пропадал. «Вот тебе и Вагильский Туман — напустил в глаза туман», — горько поразился пришедшей на ум аналогии Вадим.

Зарубок больше не попадалось, и оставалось уповать на компас, который сегодня не заставлял хмуриться, но стрелку приходилось долго выцеливать помутневшим взором. К вечеру ноги нещадно ныли, болела голова от «зайчиков», желудок орал благим матом, но хуже всего было навязчивое желание по-

спать, которое последние два часа преследовало Вадима. Что означало прилечь чуть-чуть отдохнуть в сугроб, Вадим прекрасно осознавал, но бороться с этим напастем становилось все тяжелее. Зарубку он бы сейчас увидел, если бы только носом воткнулся в сосну с ней. Что с успехом и сделал, не справившись с управлением на небольшой горке. Лыжи остались целы, а вот сам помялся. Вадим лежал в снегу навзничь и разглядывал мутные очертания сосновой кроны. «Все зашибись... Пять минут сна, и я буду как огурчик — вовремя упал».

Его разбудил шум приближающегося мотора. «Чертовски замерз за эти пять минут, — подумал Вадим, взглянув на часы, — за двадцать пять», — поправил он себя тут же. Встать получилось не сразу. Опираясь на сосну, Вадим неуклюже поднялся, и взгляд его уперся в свежую зарубку. Мотор рычал как раз в том направлении, куда тянулась визирная линия по лесу. «Юго-юго-восток», — прикинул он по компасу. Ночь уже вступала в свои права, и Вадим, напрягая последние силы, потропился к людям.

Он выскочил на буранный след, когда там еще не выветрился запах перегоревшего бензина. «О, неужели эта вонь может быть так приятна и желанна! — подумал Вадим. — Почему я не видел фары, ведь уже так темно?» Он очень надеялся, что конечной целью «Бурана» была избушка, и она уже должна быть неподалеку, потому что шум мотора резко стих. Фортуна в тот вечер была на его стороне и звалась Ворсикой: порхала на святилище, пыталась будить Вадима, чирикающая над ухом, когда он, обессиленный, рухнул в снег, мельтешила перед снегоходом охотников, маня за собой.

Не прошло и получаса, как Вадиму удалось нагнать «Буран», который припарковался у охотничьей избы. Ввалившись внутрь, он только успел поздороваться и перекинуться парой фраз, как его сморила усталость.

Потом были расспросы, испуганное лицо бабушки, звонки родителей, которых уже успели оповестить о пропаже сына. Оказалось, что прошло не четыре, а шесть дней, и встреченные охотники вовсе не охотились, а искали его. Даже Алевтина приходила во время отсутствия Вадима к бабуле и что-то горько причитала про лыжи.

Все это мало волновало Вадима — каждую ночь во сне звонкий сосняк глушил его, «зайчики» мучили бликами, филины ухали в сумрачной тайге и желтая трясогузка металась над головой. Патлатый мужик с бубном что-то нудно сопел в ухо. Вадим вставал среди ночи, пил большими глотками колодезную воду и заходил в чулан, глянуть на мирно спящие лыжи. По-видимому, до следующей зимы.

Нашел случайно еще один обрывок карты на окрестности Няксимволя с легендой, где было написано: «Район магнитной аномалии. Склонение магнитной стрелки от +38 до -28 градусов». Легкая улыбка скользнула по губам...

Балтийское море мягко колыхалось, шуршала и пенилась галька. Засунув руки в карманы джинсовки, Вадим одиноко рассматривал сосны на берегу и вспоминал Зауралье. Оттуда все пошло, вся эта чехарда: проблемы со здоровьем, странные сны; непонятность и недосказанность мира свалились вдруг на него. Временами его бил озноб, лихорадило, а в последнее время появились признаки эпилепсии, как сказал усатый врач в больнице. Стойкое желание вернуться в Няксимволь было очень трудно сдерживать, а главное, понять. Родители протестовали, переживая за него, водили к врачам. Те пожимали плечами, советовали южный берег Крыма, и невдомек им было, что не Крым, а царство чахоточных сосен Зауралья может излечить юношу и подсказать дорогу жизни молодой.

* * *

Все меньше нас, все более вещей.
Они вот-вот поделят нашу пущу
Бессмертную, смешную ль, как Кощей,
Почти не выходящую наружу.
Ей не пробиться, видимо, одной...
Посредники вопросов и ответов,
Мы, позабыв безумства под луной,
Придем, чтобы подменить авторитетов.

* * *

Я жить умел ненужностью. Звездой,
Хрусталинкой, ночной тропинкой взора.
А что до расстояния... тобой
Тогда кончалась вечность. Для простора
Ходила ты по улицей другой.
И не было надежды никакой...
Я жить умел ненужностью. Теперь
Не счесть былых возможностей... потерь.

В деревьях гаснут сумерки. Лишь дым
В них бесконечно проникает лунный.
Там человек становится другим,
Вдыхая звук, ловя просвет латунный.
Тропинка малый впитывает свет —
Ведь выхода в лесу иного нет.

Она сидела рядом. Редкий миг
Присутствия ее вдыхала осень.
Час сентября течет не напрямик:
Там время нас неведомо уносит
Куда-нибудь, где разум отвлечен,
Куда-нибудь, двоих, сидящих рядом,
Куда-нибудь, где счастье ни при чем,
Куда-нибудь, где говорить не надо.
Зачем все пересказывать, все знать.
Все дальше листья улетают вспять...

У длинных вод в домах живут луной,
Свеченьем, вымыслом, параболой раздумий.
У длинных вод луна растет травой,
Шептаньем, паузой, волнением бесшумий.
У длинных вод я вам не предскажу:
В чем дальше смысл. Но знаю: будет длиться
Иных миров, неслышных, вереница,
Мерцанных звезд витающий ажур.

* * *

Исшепчен день в монастырях дождя,
Смиряет шелк неведомый природа.
И горечь фраз, до нас не доходя,
Теряется, как дым от небосвода.
Теряются слова, оставив смысл
Рассеянный, чтоб не было рассудку
Так скованно, так тесно среди числ,
Занявших век, а нужных на минутку.
Как многое загромождает ум,
Но как любовь, исшепчен жизни шум.

* * *

Мы обрываемся в былом...
Но август холит тень в дремоте,
И птица тающим крылом
Испепеляется в полете.
Нас жизнь касается едва,
Но много порождает мнений
Способность шевелить слова,
Не избегая повторений.
Нас жизнь касается едва.
Нас нет в былом, былое шатко.
Оно приходит растлевать
Мечту до горького остатка.
Мы обрываемся в былом...
Хотя былое за углом.

Колокола. Рассеян дымный звон.
Колокола, клонясь, ведут беседу,
О том, как жить, когда со всех сторон
Все всуе. И не вынести победу.
И всех страстей — игрушкой вышел шторм.
Мы победили. Но не знаем — что?

* * *

Все светится светом своим:
Усадьба, поляна, дорога,
Река за селом небольшим,
Вершина, глядящая строго.
Но тихо, монетой на дне,
Лицо твое светится мне.

Баранов Валентин Николаевич родился в 1948 г. в г. Касли, Челябинской области, где и проживает, работая электриком. Учился в УрГУ на философском факультете. Печатался в журнале «Урал».

* * *

Художник списывает Бога
 С небес, волнуясь голубым.
 С берез. В них чуть грустит дорога,
 Где листья падают, как дым.
 В мерцаньях поезда, колеса
 Клубятся, источая даль.
 Неразрешимые вопросы
 Уходят, облепив печаль.
 Лишь звук соскальзывает строго
 И распадается в туман.
 Художник списывает Бога...
 Он млад еще коснуться ран.

* * *

Мир слеп. Он ввяз в воронку ожиданий.
 А ждать чего? Страна полна зимы.
 Зима — наш храм разумных оправданий
 Для всех больших надежд, чем жили мы.
 Не в этот год мы обнулили души —
 В них только то, что к нам роняет день.
 О, как порой простор теснит и душит
 В пустых полях пропавших деревень.
 У нас одних есть мышца ожиданий,
 Она сильнее других, рабочих, мышц.
 И там, где ясность продлевали дали,
 Мутнеет проболоченная тишь.
 ...Втянуть, как все, в воронку ожиданий...

* * *

Иссвечен лес луной листья осенней.
 В иконах рощ берез возвышен лик.
 И легче миг, и век еще мгновенней,
 И грустен шаг, шуршащий напрямик.

Нельзя спешить. Прогулка как молитва.
 И, негу дум освобождая ввысь,
 Она дарует всем, живущим слитно
 С тоской времен, пленительную мысль.

Мысль ни о чем: так все мы ближе к Богу,
 Мысль ни о чем: так всем нам слаще быть.
 Иссвечен лес на желтую дорогу,
 Где тих закон: шагать, дышать, любить.

* * *

Нет, время не идет — оно уходит.
 И в этом грусть и новь, как легкость сил.
 Мы возвращаем вечность тех мелодий,
 Какими Бог нас раньше поразил.
 Мы возвращаем вечность из надежды,
 А из любви тем более. И вот
 Теперь надеясь совершенно внешне,
 Мы на любовь глядим наоборот.
 Так тертый школьник, получив задачу,
 Глядит в ответ, не усладив удачу.

* * *

Свеченьем синь томя, в горах озера тонут.
 Как колокол, клонясь, к ним сходит тишина.
 Неслышимость вершин. Неуловимым стоном
 Сочится по ночам унылая луна.
 А дальше никнет лес. Каким неполным словом
 В нем август шелестит? Мир ждет осенних дней,
 Когда листва скользит своей свободой снова —
 И в золоте ее минувшее новей!

* * *

Все становится лишним — закон развития.
 (Из наблюдений)
 Все длится недолго. Живем
 За счет полутайны недлинной.
 Не надо грустить ни о ком,
 Идя по дороге пылинной.
 Недлинность — истории суть.
 Недлинность мечтает и лечит.
 Мы все ошибаемся чуть,
 Чтоб мыслью себя обеспечить.
 Мудрей ли себя человек?
 Быть может. Но истина зыбка.
 Не тот ли заманчивей век,
 В каком интересней ошибка?

Рис. Я. Ахметшиной

Диалог

– А какой он?
– Конечно, грозный:
Трёхэтажный, предлог – и всё!
– Но в его прорубь падают звёзды!
Они мёрзнут!
– Тогда спасёт.
Отогреет чайком...
– Но, взрослый,
Их же так нелегко таскать!
Что он делает с ними после?
– Любит блинчиками пускать.

Ты знаешь, это счастье – льдом хрустеть,
По улицам пустым бродить устало,
И, не имея слуха, снова петь,
И каждый миг жизнь начинать сначала!
Какое счастье – видеть сны, летать,
А утром – чистить зубы, засыпая,
В автобусе набитом вновь мечтать,
Кого-то между грёзами толкая.
Какая радость – знать, что есть любовь,
Пускай не рядом, под дождём, в берете...
Смешная осень хмурит небо вновь.
Какое счастье – просто жить на свете!!!

*Взрослые стихи для детей
(или детские – для взрослых)*

1.
Говорят, звезды вовсе не яркие!
«И не греют, нахалы!» – твердят.
Лишь представьте: в далекой Галактике
Так про Солнце Земли говорят!
2.
Невзрослым радостен весной
Кусочек льдинки на ладошке!
И грязь со снегом волшебство:
Мороженое с шоколадной крошкой!

3.
Ты – умный! Знаешь всё: как жить,
Зачем цветут макушки ёлок...
Стою в углу твоей души,
Как провинившийся ребёнок.

4.
Пальчики стёкла заляпали,
Шире, темнее зрачки –
Малыш примеряет папины
Розовые очки.
В кольцах волос запутаны
Искорки-солнышки...
Только б не стали мутными
Стёклышки!

5.
Не Луч, а чудесный лучик
Нечаянно видел в щёлку:
Пушистостью всех колючек
Щетина ласкала щеку.

6.
Через ржавый намордник
Облизать кончик носа.
И, хозяину преданно глядя в глаза,
Топать. Мучают блохи,
И лапы замёрзли.
Редко слушают вздохи обычного пса...

7.
Мерещились странные звуки.
На цыпочках. Трогали воздух.
Ребёнком тянула руки,
На лист их ловила взросло.
Бумаги касались волосы...
Мир созданный обнимая,
Ей чудились краски голоса.
Не верилось, что немая.

Елена Борноволова в 2007 г. закончила УГТУ-УПИ. С 2007 г. работает инженером-технологом отдела токарных и фрезерных станков с ЧПУ. Участвовала в институтских литературных конкурсах. В 2007 г. являлась участником Всероссийского совещания молодых писателей.

В закупоренном трамвае
Я стою,
Чтоб, открыв глаза, увидеть
Не свою...
Между век сжимаю зданья
Между дрём...
Сны м-а-т-е-риальны...
Сбережём.

Они приходят в жизнь мою...

– Вы кто?
– Друзья.
– А вы какие?
Прилежно имена зубрю
И пририсовываю крылья.
А ветер копны их волос
В тугие стрелы крутит. Едко
Подскажет: этот просто гость,
А с этим можно и в разведку!
Нам мыльных пузырей мечты:
«Смотри! И твой взлетел! Поднялся!!!»
Но трём глаза до красноты,
Чуть тронув пальцем.

Если бы мне
Вдруг проснуться невестою,
Белой, как бабочка,
С мерзким «под ложечкой»,
Громко с деревьев содрать неуместную
Ламп паутину...
Время-растяпа посеяло варешку.
Ну и пускай! Остановится. Греется.
Грею тебя. Не отталкивай. Недруги
Смотрят, как жадно мы ловим кузнечиков.
Белых, как бабочки.
Утро. Моя штукатурка все сыплется.
Громкая дверь. Время вымерзло. Вымерзло.
Если бы мне... Кружат бабочки белые.
Ламп паутина колышется. Если бы...

Слишком много было солнца,
Слишком мало просто света.
Променяла я знаконца
На любимого поэта.
Пью кефирчик. И в носочках,
В шерстяных, на босу ногу,
Мы с любимым – по досочкам!
От порога до порога!
А знакомец глушит водку.
Что поделать? Нелюбимый.
И лежит моя футболка
В бардачке его машины.

Грубой, сучковатой палкой
Шевелил костер.

Рис. А. Митрофановой

«Прогорит – и станет жарко», –
Руки распростер.
А дожидаться нету силы
Твоего тепла.
Слишком больно угли била
Палка. Я ушла.

Ненавидел рыбу.
Её плавники.
Током било, едва
Прикасался зрачками.
Но однажды заснул
У истока реки
Со скрещёнными
Руками.
Он, как рыба,
Беспомощно рот открывал,
Всё стремясь надышаться
Под глыбой.
Он до дома доплыл.
А в ладошке сжимал
Три желанья, подаренных
Рыбой.

Монолог

– Мне память подарила горсть ненужных
Пустых страниц, нелепо оживляя.
Божок сошел с цветных картинок южных.
Я полюблю его! Лица не зная,
Я со стола смахну блокнот и крошки,
Поставлю чайник! Будет что сказать!
Божок всё слышал. Взял мои ладошки,
Но сердцем он искал ТВОИ глаза!

Повесть о погибших и выживших

*И детство наше было —
длиннее жизни всей...*

Часть 2¹

Второе рождение...

К обледенелым окнам подступила морозная тьма. Старый деревянный барак от сорокапятиградусного мороза потрескивал и поскрипывал, а иногда казалось, что он тяжело вздыхает, и при этом по полу пробегала студеная струйка воздуха, поднимаясь вверх и растаивая от небольшого тепла. Печь грела плохо, и мы, четверо ребятишек (старшему — было тринадцать), жались к слепой матери, сидевшей на скамье, накрывшись большой старой шалью.

Света не было, и только от топящейся печи по стене метались светлые искорки, оставляя после себя быстро гаснущие полоски. В желудках то у одного, то у другого слышалось глухое урчание. Мать поочередно ощупывала нас, заботливо прижимая к себе поближе, под теплую шаль. Так мы просиживали целыми вечерами, и нам казалось это хорошо, потому что мы были все вместе, около нашей мамы, родной, теплой и ласковой, и только ей одной мы обязаны всем — и любовью, и заботой, и самым главным осознанием того, что мы ей нужны, что мы не одиноки. Мы старались оберегать ее, заботились о ней как могли, и она благодарно нам улыбалась, но иногда она неподвижно замирала, как будто бы уходила в себя, и, кажется, настоящий мир переставал для нее существовать, в эти моменты мы просто тихонько садились с ней рядом и молчали, чтобы ее не потревожить. Иногда это длилось долго, и мы, младшие, уставали сидеть на месте и, стараясь не шуметь, во что-нибудь играли, а иногда, вот как сейчас, она, очнувшись, начинала с нами говорить, словно продолжала начатый ранее разговор:

— Зоинька хоть не мучается с нами, лежит в землячке сырой, земля ей пухом... Вова, собирайся-ка за хлебушком, а то опять останемся без еды, — сказала мать, водя рукой в темноте, чтобы найти шапку и телогрейку.

Володя был старшим, и все держалось на нем: натаскать дров из леса, сходить получить буханку хлеба, что было суточной нормой на пятерых. Правда, часто хлеб был непропеченным, с сырым тестом внутри, но это была единственная еда в нашем доме, поэтому мы постоянно были голодны. Мать, видя это, отдава-

ла нам свою порцию. Старший брат был уже достаточно взрослым и понимал, что так нельзя, подтыкал нас в бока: «Не берите, мама нам вчера все отдала».

Мать на ощупь собирала с наших колен крошки и подносила их ко рту, боясь их съесть. Слезы не просыхали на ее глазах. Лучики пламени от печки зажигали искорки на ее ресницах. Она, видимо, мысленно вспоминала довоенную добрую жизнь. В деревне, где она жила до войны, ее называли рукодельницей-тонкопряхой! Был свой дом, хоть не очень большой, но крепкий, было и небольшое подворье с коровой и курами. Тогда она была молодая и здоровая, хлопотала, не зная усталости, в ожидании мужа (нашего отца), который возил председателя колхоза, часто возвращался поздно и с подарками.

Будь проклята война... Не так было бы обидно, если бы отец погиб на войне... С фронта он посылал письма и посылки! Как мы все радовались и подаркам, и тому, что он жив! В деревне о нас говорили: «Счастливая семья!». После войны отец уехал в соседний совхоз устраиваться на работу шофером. Как коммунист встал на учет, и ему дали машину. Для проживания поставили на квартиру к вдове с тремя детьми... Вот тогда и пришла беда.

Для ослепшей матери жизнь стала невыносимо горькой... После войны, как и по всей стране, в нашем совхозе ощущалась острая нехватка рабочих рук, где основной отраслью было свиноводство и еще был конный двор, в котором также немало было работы.

После моего спасительного бегства от мачехи по распоряжению партийного руководства нас перевезли на второй участок и поселили в одном доме с управляющим Костюниным, который за людей не считал тех, кто не мог работать, называл их паразитами, зря занимающими жилплощадь. Ходил Костюнин, прихрамывая, опираясь на костыль. Лицо его, как обычно, было злое, глаза выпученные, он чем-то напоминал паука. Когда мы попадались на его пути, он стучал своим костылем и громко кричал, обзывая нас: вшивое отродье, бездельники, нахлебники, дармоеды, а затем шла целая рулада грубых ругательств.

Вскоре к нему приехала какая-то очень близкая родня — молодая семья. Голод и нищета привели их на Урал. Вроде бы люди, ранее испытывавшие какие-либо лишения, должны быть более сострадательны к другим, понимать их, но здесь не тот случай, недаром же близкая родня злыдни Костюнина. Они часто рас-

¹ Окончание. Начало в № 3, 2009.

пахивали нашу дверь и выкрикивали: «Убирайтесь, убирайтесь отсюда!»

Мы тогда еще не понимали, что это начало нового испытания для нашей семьи. Мать, глядя на эти выходы соседей, вздыхала, покачивая головой, предчувствуя близкую беду.

Подавленные заботами, нищетой и голодом люди ходили мрачными. Утешало и хоть немного радовало лишь одно — близость праздника, через три дня наступит новый 1947-й год!

Печь топилась плохо, в комнате было очень дымно, щипало глаза и щекотало ноздри, но мы как-то уже свыклись с этим положением и терпеливо ждали Володю с буханкой хлеба. За окнами послышался морозный скрежет саней. Через оледенелые окна, в узкую проталинку на стекле, разогретую нашими ладошками, был виден силуэт лошади, запряженной в сани с большим деревянным коробом. Лошади холодно было стоять на одном месте, и она беспокойно топталась, мотая головой, выпускала из ноздрей густые клубы пара. Мороз не знает жалости, для него все равны. Впереди короба, на ящике, неподвижно сидел человек, с головой закутанный в длинный тулуп. Над ним зависло облако пара. Мороз крепчал...

В дверь раздался стук, мы отпрянули от окон и дружно уставились на двери. Немного погодя в дверном проеме показался Костюнин. Его выпученные глаза в белом куржаке бровей и ресниц в нашей темноте показались нам зловещими. Мы стояли как парализованные, а Костюнин, не обращая на нас никакого внимания, стуча костылем по полу, громко проговорил:

— Собирайтесь быстрее, я подводу вам выделил.

Его пьяный, властный голос моментально привел нас в чувство. На лице, всегда злом и недовольном, сейчас отражалось полное удовлетворение.

Мать растерянно смотрела незрячими глазами в его сторону:

— Ночь, мороз. Пожалейте детей, погибнут ведь... Побойтесь Бога... У нас нет ни обуви, ни одежды... Дайте нам дожить до весны.

Но управляющий был неумолим. Он был страшно доволен, что все его боятся, улаживают, стараются угодить, ведь он начальство. Упиваясь своей властью, он мог безнаказанно принимать любые решения, на этом участке — он барин, и никто не посмеет и рта открыть, тем более пожаловаться выше, кто здесь тогда работать-то станет, мужиков-то раз, два да обчелся. Так и сходило все с рук. И сейчас ему вовсе не понравилось, что кто-то тут посмел перечить. Стуча костылем по полу и извергая ругательства, он требовал срочного исполнения его приказа.

Через открытую дверь моментально вынесло все тепло, которое мы так тщательно сохраняли. Мы начали замерзать и стали быстро одеваться, во что только можно... Валенки были дырявыми, и по этим дырам гулял ветер.

Пока шел этот разговор, в двери вбежал Володя, пряча под телогрейкой теплую буханку хлеба:

— Мама, куда они нас?

— Не садитесь в сани — это погибель... — глухо всхлипнув, поговорила мама и уже тише с отчаянием прошептала: — Это смертный приговор! О Господи, помоги, спаси и сохрани деточек моих от этих нелюдей... — затем, не одеваясь, молча прошла мимо Костюнина, на ощупь подошла к саням, остановилась против закутанного в тулуп человека. Возница сконфуженно отвел взгляд от слепой женщины.

— Бога ради, скажи, человек, куда нас выселяют? Ведь на погибель нас повезешь?..

— Это пушай он отвечает, — мотнул головой возница в сторону стоящего неподалеку управляющего. Глотнув из горлышка немного водки, человек повернулся к матери:

— Слышь, на старую овчарню приказано вас увезти, а там волки, я за лошадь боюсь.

К саням нервно подошел Костюнин.

— Тебе что было сказано? Увези их быстро, — не обращая внимания на мать, прохрипел Костюнин, направляясь к бараку.

Жена управляющего и женщина — видимо, мать этой многодетной семьи, что приехали к ним жить, побросали нас в короб и, крепко держа руками, чтобы мы не выскочили, закричали вознице, чтобы тот быстро трогал. Мы ревели, кричали, вырывались, мороз нагонял на нас страх, но все было бесполезно. От стылой соломы, на которой мы сидели, быстро начали замерзать. Мать, шепча какую-то молитву, выставив руки вперед, шла на наш плач, проваливаясь в сугробы, если сходила со свежей колеи от наших саней. Ее шаль сползла с головы на плечи, и волосы длинными седыми прядями развеивались по ветру. Она оступалась, падала, вновь поднималась и, теряя силы, упрямо шла вперед. Эту скорбную картину моя память пронесла через всю мою жизнь. Вновь и вновь перед глазами вставала та ночь, ночь откровенной бесчеловечности, когда срабатывает основной принцип черного времени «выживает сильнейший», а сильнейший тот, у кого есть власть над другими, и не важно, как он пользуется этой властью, как человек или как хищный зверь. Ведь если бы у нас была хоть малая защита, если бы хоть на мгновение наш отец вспомнил о нас... а так мы просто никто, и поступать с нами можно было как ни с чем.

Подойдя к коробу, она наклонилась над ним, ощущая нас...

— Володя, они замерзают, принеси все, что есть — их надо укрыть.

Наш Володя был бойким и защищал нас всегда, как мог. Он подбежал к лошади, схватился за узду, пытаясь развернуть ее в обратную сторону, но человек в тулупе туго с силой натягивал вожжи, и лошадь стояла на месте, не подчиняясь ни тому, ни другому. Справа опять появился Костюнин...

Володя, бросив лошадь, бойко подскочил к нему и обеими руками схватился за костыль, пытаясь его вырвать, громко выкрикивая:

— Что вы делаете? Это же малые дети!? Не человек вы, а... Я напишу товарищу Сталину! Нам учительница говорила, что он никого не дает в обиду...

Костюнин нервно оттолкнул Володю, перекладывая костыль в другую руку. Исхудавшее легкое тело кубарем отлетело во тьму морозной ночи. Володя по характеру никогда не был слабаком, он тут же вскочил на ноги.

— Мама, я хлеб потерял, — растерянно вскрикнул он и, упав на колени, замерзшими руками стал вспахивать слежавшийся снег вокруг себя, ища выпавшую буханку. Найдя ее, еще не остывшую, он облегченно вздохнул, снова пряча драгоценную ношу под телогрейку. Затем бегом бросился в дом, подхватил все, что попало под руки, и с охапкой всяких тряпок подбежал к нам. Мы замерзли. Мать, шепотом произнося какую-то молитву, залезла к нам в короб и, прижав нас к себе, накрыла своей шалью. Возница, покачивая головой, что-то бормотал. Хмель смягчил его сердце, и он откровенно стал нас жалеть:

— Эх, видно, от судьбы не уйдешь... Есть ли у вас пила и топор? Погибнете ведь, замерзнете...

Володя тут же сбегал за топором. Стуча зубами, зарываясь в солому и укрываясь тряпками, мы жалась друг к другу. Возница, произнеся вслух какое-то заклинание, направил лошадь на тропу, которая вела на старую овчарню. Снег под полозьями поскрипывал и вихрился, засыпая нас колкими и морозными иголками. Ехали почти по цельному снегу. Шуршание заглушало урчание наших желудков. Мы все, кроме матери, держали руки на остывающей буханке, берегли ее как самое ценное, что у нас осталось...

— Приедем — разделю, не щиплите буханку, — цыкал на нас старший брат, глубже под телогрейку пряча уже остывший хлеб.

В середине пути, где лес сгустился кустарником и вдоль дороги тянулся глубокий ров, лошадь все чаще стала стричь ушами и кожа на ее спине нервно подергивалась. Человек в тулупе тревожно посматривал то в одну, то в другую сторону, бормоча при этом что-то молитвенное, и все чаще похлестывал лошадь кнутом.

— Если что, как можно громче орите — волки бояться шума, — кричал он нам, не оборачиваясь.

Но нам было не до волков, мы натурально замерзли, и страшно хотелось есть. А больше всего нас пугала неизвестность. Жуткая, морозная, черная неизвестность. Мать весь путь беззвучно плакала. Края шали, свисавшие с саней, были подернуты густым куржаком. Мы словно онемели и боялись пошевелиться, казалось, что мы уже не сможем выйти из этого тупого оцепенения и жизнь вот-вот покинет нас, оставив на этом пропавшем пути наши скорбные тела, как знак ничтожности и никому не нужности.

Впереди показались три силуэта домов, безмолвно стоявших в морозной пустыне. Возница направил уставшую лошадь к среднему дому, но она остановилась, не желая идти по сугробу. Он тяжело сполз с облучка на плотный снег и успокаивающе похлопал лошадь по спине.

— Эх, товарищ Сталин не видит — он бы упрятал этого хромого, — нервно проговорил он, обходя сани с коробом, поверх которого слегка парило от живых еще людей. Взяв топор, этот человек, который по какому-то наитию уже стал для нас близким, наверно оттого, что в нем была живая, не очерствелая душа, прямо по сугробу направился к дому, черным призраком утопавшему в сугробах. Пустые безжизненные оконные проемы, от которых веяло безнадежностью, вселяли страх даже человеку в тулупе, медленно приближающемуся к этому привидению.

Без крыльца дом напоминал беззубую старуху, плотно сжавшую свои тонкие губы. Двери дома смотрелись как монолит, уходящий куда-то глубоко в сугроб. Возница приложил немало усилий, чтобы их открыть. Мы, окоченевшие, с трудом передвигаясь, войдя, словно провалились в огромную стылую бездну. Дом был совершенно пуст, не на что было даже присесть. В окнах зияли огромные дыры, а рамы в них были одинарными. Успокаивало то, что посередине дома стояла огромная печь, правда, дверцы были сломаны, а труба оказалась без вьюшки. Видно было, что это помещение не рассчитано на проживание людей.

Возничий из горлышка допил водку и как-то яростно мотнул головой, казалось, он прослезился...

— Эх, что же они делают-то? — махнув рукой и шурша длинным тулупом по морозному полу, человек направился к дверям. Подойдя к ней, он остолбенел... Из под седых заиндевевших бровей, прямо на него, угрожающе смотрели мертвые глазницы. Вознося руки к небу, перед дверями стояла наша мать, через глухие рыдания которой прорывалась отчаянная молитва.

— Коли нет Бога, коли нам суждено умереть, убей нас, ты наш убийца...

Человек в тулупе, перекрестясь, испуганно отступил на шаг... Сбившись в кучку, Колю держали на руках, замерзая, мы ревели в один голос, забыв даже про заветную булку хлеба. Гибель хищной птицей приближалась неумолимо. Даже старший, отойдя в сторонку, тихо всхлипывал, вытирая слезы.

Подойдя к Володе, человек в тулупе спросил:

— Спички-то есть у вас аль нету? Да вы, вы же через час околете заживо!.. На, затопляй быстро печь. Затыкайте быстрее дыры в окнах, — скомандовал человек в тулупе, скоро передвигаясь по морозному пустому дому.

— А ты, паря, напиши товарищу Сталину, — сказал он Володе, безнадежно махнув рукой. — Не выжить вам!..

Постояв некоторое время в глубокой задумчивости, человек снова подошел к Володе:

— Не, паря, не пиши товарищу Сталину, а то и меня как соучастника... обвинят. Я не убийца, я не хочу, чтобы вы здесь померзли заживо. Если что, только Костюнин будет виноват, — еще некоторое время постояв в нерешительности, добавил: — Ладно, не обессудьте, мне пора, надо спешить, пока волки не почуяли мою лошадь...

Рис. Я. Ахметшиной

Махнув рукой и обдав нас перегаром, возникший, пугливо озираясь, поспешил к саням, и вскоре уже не слышно было санной поскрипи.

Навалилась черная зловещая жуть. Мы остались один на один со смертью, и превосходство явно, было не на нашей стороне. Четыре окаменевшие тщедушные тени стояли посреди дома, не в состоянии пошевелиться, и только биение наших сердец гулким эхом давало смерти ответ — нет! Мы еще поборемся! Мы из последних сил, но...

Мать была довольно легко одета, она крепко прижимала нас к себе, чтобы обогреть хоть немного. Володя, очнувшись от произошедшего, быстро схватил топор и выбежал на улицу в поисках дров. Кругом сугробы и безмолвие, лишь слышалось морозное потрескивание. На корпусе старой овчарни сквозь темноту проступали старые стропила. Володя взобрался наверх и торопливо начал стругать с них щепу для растопки, без этой щепы невозможно было развести огонь в давно нетопленной печи. Потом он нашел под снегом доски и нарубил из них хорошую охапку, а тут и мы с Геней пришли на помощь.

Перетаскав все нарубленное, не без труда растопили печь! Мать, держа на руках не ходячего Колю, с трудом передвигаясь, ходила из угла в угол, чтобы совсем не замерзнуть. Володя кое-как прикрутил сломанную дверцу, но печь все равно дымилась. Мать, усадив Колю около печи на тряпки, быстро на ощупь стала затыкать дыры в стеклах. И тут мы заметили, что лицо и руки ее были белыми. То же самое было и у Коли. Они обморозились.

В мыслях у всех было одно желание — скорее почувствовать тепло. Скорее нагреть печь. Буханка хлеба была неприкосновенным запасом, ведь голод был

не главным в нашей ситуации, выжить можно было, только за счет тепла. Только тепло — наше спасение...

В соседних домах от керосиновых ламп засветились окна. Их разбудил стук топора. Даже не слышно было собачьего лая, а может, у них и собак-то нет, может, их волки съели.

Мы до самого утра подтапливали печь всем, что находили под снегом. В доме стало чуть теплее, хотя вода в кружке еще не оттаяла. За окнами светало и туман тугой, вязкой массой поднимался вверх, словно по стволам деревьев полз чудовищный сизый змей, обвивая их своим липким телом, все выше и выше к самым макушкам. Мы выбились из сил, и страшно хотелось спать. Сбившись в кучку и прижавшись друг к другу, уселись перед открытой топящейся печкой. Володя, стараясь не обронить ни одной крошечки, разделил на всех замороженную буханку хлеба. Мать опять отказалась от своей порции, отведя в сторону протянутую руку с кусочком хлеба. Мы понимали, почему она это делает, но ничего сказать не могли. Немного утолив голод и запив талой водой из алюминиевых кружек, мы, еще теснее прижавшись к матери, задремали. Полностью погрузиться в сон не удалось, мёрз то один бок, то другой, и приходилось постоянно переворачиваться, да и нужно было следить за печкой, чтобы не прогорела до конца. В тепле у всех заныли лица и руки, мы все были обморожены, и эта колющая боль была мучительнее, чем голод...

Утром к нашему дому стали подходить соседи. Стоя в стороне на твердом сугробе, они непонимающе качали головами и с горечью приговаривали:

— Как же это?! Как можно ночью, в лютый мороз, да в нежилой дом — слепую слабую женщину с малыши детьми?!

— Да что же это творится-то? — всплеснула руками пожилая женщина. — Да у нас советской власти нет, что ли?

С трудом перебираясь по сугробам, к нам подошел дед с очень густой бородой, позднее мы его стали называть — дедушка Тагильцев.

— Как же вы, горемычные, жить-то собираетесь? — нахмурив брови, спросил дед. — Вижу, у вас дров-то нет ни одного полена. Пила-то хоть есть у вас? — спросил он Володю.

— Нет, только топор, — ответил мой брат, безнадменно махнув рукой.

Дед нервно закашлялся...

— Пойдем, я отдам вам хоть и старенькую, но еще рабочую пилу. — И покашливая, дед направился по натопанной дорожке к своему дому, где они жили вдвоем с бабкой Марией...

Володя, обрадовавшись такому подарку, тут же залез на корпус старой овчарни и торопливо стал пилить стропила на метровые чурбаки. Мы с Геней таскали их и сразу же складывали в печь. Дрова в печи, потрескивая и шипя, запылали ярким пламенем, нагревая постепенно кирпичики печки. Днем, обследуя близлежащую местность возле дома, нашли вьюшку, и это было очень важно, так как появилась возмож-

ность сохранить больше тепла от печки, а не выбрасывать его в трубу. Мы все очень устали, хотелось спать, но спать-то как раз было не на чем, как, впрочем, и сидеть, так как дом был совершенно пуст, а лечь на морозный пол — это явная смерть. К вечеру печь стала нагреваться.

— Володя, за хлебушком надо сходить на участок, — сказала мать, тяжело вздохнув. — Да узнай, как там наша Жданка. Небось, уже совсем заморена.

Жданка — это наша корова. Молодую, еще не раздоенную, хотели сдать на мясо, нечем кормить было, да не приняли ее, сказали, что очень худая. Одна очень суеверная женщина взяла ее у нас на зиму, поскольку у нее был старый пригончик, да еще осталось прошлогоднее сено с соломой от собственной коровы, которую по осени задрали волки.

— Не пропадать же добру, а ваша коровка, дай бог, к весне молочка станет давать, вон какие вы все исхудавшие, — перекрестившись с поклоном несколько раз, сказала добрая тетя Дуся, жалостно посмотрев на нас.

В зимнее время на второй участок дороги как таковой не существовало, а только, как обычно, была протоптана узенькая тропка, которая после нашего приезда к этому страшному жилищу имела довольно плачевный вид. Она вся была изрыта копытами лошади и изломана полозьями саней, а идти нужно, ни много, ни мало, — три километра и все через лес.

— Ты уж, сынок, ночуй у тети Дуси, в ночь-то не ходи. Дров напилел, а мы уж тут как-нибудь управимся. Иди, родной, с Богом, — мать дважды перекрестила Володю, уходившего уже при сумерках.

Во втором доме, который делился на две половины, на большую и поменьше, жили две семьи. В первой — жила многодетная семья Зайцевых. Во второй — Аркадий и Зина Суровцевы. Аркадий, вернувшийся с фронта с тяжелыми ранениями ног, передвигался довольно тяжело. Его жена, Зина — добродушная, улыбочивая женщина, увидев нас, всплескивала руками: «Угостить-то нечем... Как же они до весны-то дотянут?..».

За окном на сугробе перед самыми окнами стояла тепло закутанная девочка лет пяти, внимательно глядя в замороженные окна. Я сбегал на улицу и за руку привел ее в дом. В доме уже нагрелась печь и оттаял, почернев, потолок.

— Тебя как зовут, девочка? — спросили мы с Геней одновременно.

— Меня зовут Аня Зайцева, я через два года пойду в школу! А почему у вас нет елки? Елки растут далеко, а вы боитесь волков, потому что елки растут там, где живут волки... А мама говорит, что вы приехали умирать, у вас нет даже дров, а вы худые и голодные...

Мамино лицо немного посветлело, и на нем появилось что-то вроде улыбки.

— Подойди ко мне, девочка Аня, я посмотрю, какая ты!

— А мама говорит, что у тебя глаза не видят и что до весны вам не дожить, — лепетала бойкая Аня...

Дверь распахнулась, и в проеме появилось трое молодых улыбочивых парней. Они поздоровались и, увидев девочку, заговорили с ней:

— Аня, мы тебя потеряли, ну, познакомилась с соседями?

— У них нет елки и дома холодно, а как они будут обедать без стола и стульев? — лепетала Аня.

Парни представились нашей маме, стоявшей у печи:

— Мы ваши соседи: Петр, Аркадий и Митя.

Мать всплеснула руками:

— И сесть-то у нас не на что, голо и пусто в доме.

— Вас зовут тетя Маша? — спросил один из них. — А где ваш старший? Кажется, Володя?

— Да, Володя, он за хлебом убежал, — ответила мама, держа замерзшие руки над печкой.

Парни вежливо попрощались.

— Ну, Аня, пошли домой.

Открыв дверь и подхватив младшую сестренку, парни шумно выпрыгивали прямо в снег, так как крыльца у нашего дома не было. Пока ребята выходили, накопленное до этого тепло быстро выветрилось. У печи оставалось несколько круглых поленьев, и мы принялись подкидывать их в печь. По стене были набиты скобы, чтобы залезть на печь. Мы с Геней уже несколько раз их опробовали. Для матери это было труднее. От стены до печи еще полметра нужно было тянуться. Мы с трудом помогли маме залезть. Настелили одежды, и вскоре все уснули.

Мать как-то странно все время протягивала руку к вьюшке и ощупью искала веревочку в настеленной нами одежде и в тряпках. Ночью она несколько раз слезала с печи и все искала какую-нибудь веревочку. Я слышал, как она в это время шепотом обращалась к Богу, поднимая голову к потолку, как бы к небу... У нее катились по щекам слезы, и был слышен приглушенный болезненный стон.

Утром на лыжах пришел Володя с надкусанной буханкой хлеба за пазухой! Мы сразу же все оживились и засуетились! Я до сих пор помню и никогда, наверно, не забуду запах этого простого ржаного хлеба! Запах, который ни с чем не сравним, он дороже всех ароматов на свете — это был запах жизни!

Володя очень аккуратно, не обронив ни единой крошки, разрезал буханку на четыре части и сказал:

— Вы ешьте, а я свою порцию уже съел по дороге. Да еще когда ночевал на конном дворе, то там меня накормили вареной картошкой в мундире, вот, даже соли принес! Всю нашу посуду повыбрасывали в сугроб. Я собрал, что мог... Принес ведро и еще кое-что. Пока оставил все за дверями.

Позднее, когда мы пилили дрова на овчарне, я рассказал брату, как мама ночью искала веревочку. Володя тут же бросил пилу в сторону и по сугробам быстро побежал к дому... Мать, словно окаменевшая, чуть шевеля губами, неподвижно сидела на печи, и слезы тоненькими струйками катились по ее впалым щекам...

Володя, покачив головой, как-то по-взрослому посмотрел на нее и тут же, вытащив выюшку из печной трубы, спрятал ее куда-то в снег.

Через несколько лет мать признавалась бабке Марии: «Если бы смертушка пришла ко мне, то не мучились бы мои ребятишки так... Их бы тогда определили в детдом, а при живой-то матери этого, видно, нельзя было сделать».

Все наше дневное время уходило на заготовку дров. Володя пилил, мы с Геней таскали и подбрасывали в печь. Случайно нашли под снегом совковую лопату, и Володя тут же распорядился:

– Витя, походи, сделай из снега крыльцо, а мы с Геней будем дрова пилить.

Из окон двух соседних домов люди с удивлением наблюдали за нашей суетой... Иногда старшие выходили с советами:

– Застегнитесь, мороз-то под сорок четыре, а больницы здесь нет. Вы и так все перемороженные...

Я сделал из снега насыпь до самого порога, а то на метровую высоту было очень неудобно забираться... При таком морозе снег твердел быстро! Мы уже могли без труда заходить в дом. Старший брат потцовски поучал нас:

– Следите за мамой... никакой веревочки ей не давайте... смотрите, чтобы Коля не упал с печи.

Володя по-хозяйски занес ведро в дом и поставил его у дверей.

– Ночью на улицу не ходите, не выстужайте...

В доме становилось все теплее! Володя подошел к печи, где сидели мать с Колей.

– Мама, тетя Дуся заболела, что делать? Она говорит: «Забирайте телочку, меня, наверно, увезут в больницу. Сено и солому тоже можете взять». Просила сегодня прийти пораньше, я не приду ночевать. Хлеб передам с кем-нибудь из Зайцевых или с бабкой Марией... Я стал на конном дворе помогать, наверно, там заночую... А ты, Коля, не смотри в темные углы и не бойся: буки – это сказка. Бука у нас замерзнет, да и есть-то у нас ей нечего.

Мать снова стала покачивать головой. Слезы снова выступили на ее глазах.

– Дуся, Дуся, – хрипящим, простуженным шепотом произнесла мать. – Неужели смертушка не ко мне, а к ней пришла? Дуся, Дуся! Господи, неужели ты слеп, как я? Беги, сынок, – тихо, как-то подавленно произнесла мать, выставив вперед правую руку и несколько раз перекрестив его.

Володя подошел к ней, взял ее за руки...

– Мама, я мази достану. Руки и лицо у тебя обморожены, черные, страшно смотреть... Очень болит? Витя, Гена, дрова, что напилили, перетаскайте в дом. Если не хватит, напилите еще...

Володя ушел по своей, уже проторенной лыжне. Лыжи он нашел на сеновале конного двора – «сказали, что они ничьи»...

Зимой темнеет очень быстро, а вблизи леса, где и днем-то постоянные сумерки, кажется, что темнота стоит мертвой стеной. Сидим у печи, как будто кого-

то ждем. Вдруг послышался скрип снега за дверями и вслед за этим в дом быстро вошел Митя и остановился у печи, где светлее.

– Лампу бы вам надо, темень-то какая, как же вы обходитесь?... Вот я принес ваш хлеб... да, и вот еще... – порывшись в своей большой сумке, Митя достал какую-то баночку и, вкладывая в руку мамы, сказал:

– Это тетя Дуся передала. Говорит, ей уже скоро ничего не надо будет... Очень болеет она. Ну, оставайтесь...

Мать открыла баночку и стала натирать нам лицо и руки, а затем намазала и себе.

– Что же мы делаем? Нужно было сначала покусать.

От старательного втирания мази ладошки стали даже горячими, и вверх по рукам поднималось приятное тепло, разливаясь по всему телу. После этого мы с удовольствием, сидя на печи, ели хлеб, припивая талой водой. На печи было тепло и уютно. Еще днем мы застелили ее найденным куском фанеры, и снизу уже так не жгло. Вскоре все крепко уснули.

Лунный свет едва пробивался через замороженные окна и мрачно рассеивался возле окон, а в углах таилась густая вязкая тьма. В ночном безмолвии едва слышались шаркающие осторожные шаги. Откуда-то из густой тьмы доносился хрип.

Сквозь сон я услышал какой-то испуганный протяжный стон. Нас с Геней кто-то дергал за ноги. Мы одновременно открыли глаза и сели, до конца не понимая, что же происходит. Коля по-прежнему был очень слаб и не мог ходить и говорил плохо. Его вытянутая, тоненькая, как тростиночка, рука была направлена в сторону лунного окна. Посмотрев туда... От того, что мы увидели, у нас побежали по спине мурашки. Страх сковал наше тело...

У лунного окна в тени стоял человек с белой головой. На черном лице как-то жутко светились белые точки-глазницы. Лицо отсвечивало серебристым блеском, словно было обтянуто чешуей. Доносился мучительный хрип...

Коля испуганно лепетал: «Бука, Бука». Человек с белой головой захрипел громче и, повернувшись к нам, сверкая белыми глазницами, выставив руки вперед, медленно подходил к нам. Руки в серебристой чешуе легли на край печи.

Белый человек, хрипя, нам что-то умоляюще говорил. Мы в страхе отползли от края печи к самой трубе, держась друг за друга, и испуганно смотрели на белую голову, на черное лицо с белыми моргающими глазницами, но больше всего пугал хрип, который, казалось, выдыхался из него вместе с жизнью, если, конечно, жизнь была в этом привидении.

Первым опомнился Гена:

– Смотрите, слезы! Мама?! Это же мама!?!

Он как-то настороженно подполз к краю печи и так же с опаской потрогал черные чешуйчатые руки.

– Мама, не пугай нас!

Издав хрипящий стон, мать медленно стала оседать на колени, уткнувшись белой головой в стенку

печи. Она поняла, что сильно напугала нас, и прикрыла голову шалью. Мы, осмелев, спустились к ней вниз и только тут поняли, почему мама показалась нам страшным привидением. Она за эту ночь поседела добела. Обмороженное лицо и руки, смазанные мазью, отражая лунный свет, придавали ей необычный вид, а простуженное горло хрипело, пугая нас.

— Да что же вы испугались-то меня? — шептала мать, поочередно прижимая нас к себе, ощупывая наши обмороженные лица и руки. Мы долго сидели возле нее, сами успокаиваясь и успокаивая мать.

Утром Володя пришел очень встревоженный.

— Мама, Жданку надо сюда перегонять, тетя Дуся совсем слегла, скоро за ней приедут из района.

Витя и Гена быстро оделись и пошли отрывать ворота овчарни от снега.

Мать постоянно поправляла шаль на голове, боясь так же испугать и старшего. Поочередно работая одной лопатой, мы освободили ворота от снега и зашли в овчарню. Внутри помещения мы огляделись: полутемно, окна плотно забиты, дыр нигде нет. Нас очень обрадовало то, что в одном из отсеков навалена солома. Мы одновременно подбежали к нему и с удовольствием попрыгали на этой сухой соломе. Мы были очень довольны, что нашей Жданке не придется лежать на голом полу. Посмотрев вверх, мы увидели на потолке квадратную дыру.

— Тут была труба, — пояснил старший. — Нужно за светло привести Жданку, пошли скорее, веревку я возьму на конном дворе. А дыра — ее нужно закрыть.

Мы нашли в тамбуре овчарни какую-то металлическую крышку от бака, она плотно закрыла дыру на потолке. Волки уже не пролезут.

— Все, пошли...

По пути Володя сбегал на конный двор за веревкой. Когда пришли к тете Дусе, оказалось, что ее уже увезли в район. Мы зашли в пригончик, где находилась Жданка. Она узнала нас, засуетилась, переступая с ноги на ногу и касаясь нас поочередно мордой, шершавым языком лизала наши руки. Мы гладили ее по костлявой спине и, успокаивая, разговаривали с ней. Она, как нам казалось, благодарно мычала и пыталась лизнуть нас в лицо, а мы уворачивались от ее шершавого языка.

Подошла соседка тети Дуси.

— Какие вы молодцы! Я уж боялась, не управлюсь. Я ведь работаю по суткам. А телочку вашу надо ой как откармливать... Как там Марфа Дмитриевна?

— Обморозились мы все ночью, когда нас перевозили.

— Слышала я, да неужели этого паразита Костюнина Бог не накажет?!

Мы навязали большую охапку сена. Привязали веревку на рога Жданке и пошли.

— Гена, ты иди впереди, — сказал Володя, — а то она все время оглядывается назад.

Корова, теребя сено, послушно шла за ним, и мы ее не подгоняли.

Почти к концу пути Жданка стала часто останавливаться, так как снег был глубоким и слежавшимся.

Постоянно проваливаясь, она сильно поранила ноги, и они начали кровоточить. Перестав жевать сено, она стояла на месте и мычала.

— Жданка, давай... Ну, немного осталось, — хором уговаривали мы ее, но она, не двигаясь с места, смотрела на нас умными преданными глазами и мычала от боли.

— Нельзя здесь долго оставаться, волки учуют, тогда — всё! Жданка, пошли, пошли домой, — с отчаянием приговаривал старший брат, притаптывая снег перед коровой.

Теперь мы шли друг за другом, пробивая дорогу Жданке, разбивая снежный наст, чтобы он стал рыхлым и не ранил ее. Таким образом, мы все вместе добрались до самого дома.

Войдя в овчарню, она повела себя как-то настолько тревожно оглядывалась по сторонам и испуганно мычала, шумно выпуская воздух из ноздрей.

— Это она чует чужие запахи, — пояснил Володя, делая кормушку под сено.

— А чем поить будем?

— Снег лизать будет. Главное, чтобы она наедалась, — в заключение сказал старший.

Закончив дело, довольные, мы шумно ввалились в дом.

— Мама, мы Жданку привели!

— Ну и слава Богу! Теперь все вместе! Душа спокойнее!

То, что спокойнее, это да, но и забот прибавилось. Володя деловито распорядился:

— Гена, ты будешь дрова пилить и печь топить, Витя будет ходить за гороховой ботвой для Жданки. Я вчера нашел не обмолоченную скирду под снегом. Жданка, должно быть, хорошо будет ее есть!

Таская ботву, я обирал с нее горох, набивая им полные карманы, и по вечерам, в чугунке, который Володя подобрал у барака, варили горошницу. Соль он приносил с конного двора.

В дверь постучали, и мы молча переглянулись.

— Заходите, дедушка Тагильцев, — стали мы наперебой приглашать гостя войти.

— Ну, мир вам, люди добрые! Эх! — дед долго кашлял. — Привели, стало быть...

Мы удивленно наблюдали за тем, как дед завертывал «козью ножку».

— Эх, как же теперича моя бабка будет ходить за хлебом-то?

Мы все так же с недоумением смотрели на деда...

— За хлебом мы можем вместе ходить с бабушкой Марией, — сказал Володя.

— Неладно вы сделали... Волки скоро появятся здесь. Вон след-то какой кровавой проложили. Ну, чего насупились? Да я не виню вас. Просто давно у нас волков-то не было. Я ведь что... Я предупредить! По потемкам-то в одиночку не ходите. Я бабке колокольчик сделал, и тебе бы надо какую-то побрякушку, — сказал дед, обращаясь к брату.

Володя, принося хлеб, прихватывал по пути хорошую охапку сена от тети Дуси.

— Сынок, на первый участок надо бы сходить. Денег у нас давно нет. Сахару бы, забыли, когда чай пили, да мыла нет.

До бани было далеко, она ведь только на первом участке, там, где отец жил с чужой семьей.

— До весны бы дотянуть, там легче будет, — грустно, но с некоторой надеждой, говорила мать.

Дедушка Тагильцев научил меня подшивать валенки и из старой телогрейки шить теплые рукавицы. Володя ходил поочередно то на второй, то на первый участок. Однажды, придя с первого участка, сказал:

— Денег мне не дают, говорят, пусть сама приходит. Я им объяснял, что ты не можешь прийти и даже приехать, потому что дороги нет, а они сказали: «А наше какое дело? Ты несовершеннолетний».

В то время денег на руки давали мало, все больше заменяли их облигациями.

Мучительно долгой показалась нам эта зима. Морозы стояли крепкие, да и снега выпадало немерено. Володе приходилось каждый раз пробивать новую лыжню (хорошо, хоть лыжи были). Вообще, собранность и решительность старшего брата выжить во что бы-то ни стало спасла нас от неминуемой гибели. Казалось, смерть постоянно караулила нас у дверей и поджидала случая проявить свою власть, но жизнь — наполняла нас надеждой на спасение благодаря тому, что мы были вместе, как единое целое. Не замерзли — только потому, что недалеко от нас была заброшенная старая овчарня, которую мы пилили на дрова. С голоду не умерли — только потому, что в поле под снегом осталась не обмолоченная скирда гороха. Правда, больше всего досталось Жданке. За всю зиму ни разу не поили ее водой, ворота с обеих сторон были наглухо забиты. Всю зиму она провела в страхе, чуя волков.

За все это время, за всю эту долгую зиму, так никто и не поинтересовался нами, просто выбросили с глаз долой, а там как хотите, выживете — слава богу, а нет — так судьба, видно, такая... Даже отец ни разу не навестил нас, не поинтересовался — как мы там, живы ли? Вот тебе и коммунист, честь и совесть народа!..

Весной, когда мы маму вывели на улицу, она, сняв шаль и обнажив белую голову, улыбаясь, смотрела на солнце, и мы видели, как боль страданий постепенно уходит и морщинки на лице разглаживаются под его ласковыми и живыми лучами.

— Запомните, сыночки мои, эта весна — ваше второе рождение!!!

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГЛИНКА Александра Григорьевна, авт. воспоминаний.

Племянница декабриста В.К.Кюхельбекера. Напечатала в "Рус. старине" «Заметки о Кюхельбекере» (1870. Т. 1. С. 605-606).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГЛИНКА Вера Николаевна (80-е гг. — ?), авт. воспоминаний.

Родственница М.И.Глинки; художница. "Воспоминания о М.И.Глинке". Запись Е. Канн-Новиковой. — "Сов. музыка", 1947. № 1. С.85-91.

ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 3491.

ГЛИНСКАЯ Екатерина

Сотр. "Рус. вестн." (1819).

Венгеров. Источ.

ГЛИНСКАЯ Станислава.

Печатала стихи в «Пермской земской неделе» (1914. № 44). Не она ли участв. в сб. «Песни о Бельгии, собранные Я.Вильчинским». Пг., 1916.

Голдин; Розанов.

ГЛОБЕ Троттер (псевд.), журналистка, авт. дневника.

«Дневник. 1899-1906 гг.» — Нью-Йорк, 1951 (Возвращение в Россию из-за границы. Жизнь в Харькове, сотрудничество в «Харьковских губернских ведомостях». Попытки поступления в Женский медицинский институт и Академию художств в СПб (1900-1901). Отъезд в Манчжурию к брату (1903). Жизнь в Тяньмене, сотрудничество в порт-артурской газ. «Новый край». Работа корр. в Порт-Артуре после объявления войны с Японией. Переезд в Ляоян, работа в должности зав. иностранным отделом военной газеты при штабе главнокомандующего (июль 1904). Приезд в Харбин, участие в попечительстве над госпиталями. Статьи в газ. «Военная жизнь». Замужество, поездка с мужем в Японию).

РРЭВД. З.

ГЛОБИНА Елена (Елизавета) Николаевна (урожд. Брылина; 1869 — ?), поэтесса, писательница.

Сотр. в "Рассвете" 1860-х гг. — Бр-на, Бр-на, Е.

Масанов.

ГЛОБИНА Елизавета, поэтесса.

Авт.: «Ульяна: (очерки из жизни женщины), в стихах». Изд. Д.И.Глобина. СПб., 1868 — рец. Отеч. зап. 1868. № 11. Отд. 2; «Решительный шаг», стихотв., посвящ. доктору медицины Цюрихского ун-та Надежде Сусловой. \ \ Дело. 1868. № 1.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГЛОТОВА Екатерина Дормидонтовна (в замуж. Беккер; 1857 — ?), врач в Киеве.

Венгеров. Источ.

ГЛОТОВА Елена Владимировна (урожд. Бржозовская; 1882 — ?), авт. воспоминаний.

Бактереолог. Написала воспоминания о микробиологе и патологе Л.А.Тарасевиче. — Врачебное дело, 1948., № 7. Стлб.639-640.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5775.

ГЛУБОКОВСКАЯ В.

(См. Шевгорская В.И.).

ГЛУХОВЦЕВА Елизавета Владимировна (? — 1942), беллетристка.

Сотр. "Образования". Авт. расс. "Пастырь" ("Образование", 1906. № 7); "За что?" ("Образ.", 1905. № 3). После рев. жила

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 44

Посланники смерти

Верно говорят: пришла беда – отворяй ворота. И эту-то беду не отворишь...

Бойтся Зоряна за порог выглядывать. Едва покажется солнце за дальний лес, как запирается в доме и ждет. Не может не ждать. Это можно, когда ясен день и птицы поют, дела – за водой к колодцу, скотину кормить, еду готовить, за дровами опять же, но недалеко, чтоб вернуться успеть. А ночью сидит и каждый шорох слушает.

И боится – безумно – услышать стук в дверь. Этому гостю открывать придется.

– Мамочка, страшно мне, посиди рядом.

Жаркий шепот в темноте – свет лучины не достает до дальнего угла.

– Да, милый.

Сыночек, маленький, но серьезный, не жалуется никогда, и надо же... плохо дело. Опускается на лавку, щупает поверх одеяла ладонку – будто лед.

Холодные руки, ветер в печной трубе, и темнота, темнота, темнота. Далекий стук, от которого вздрагивает, пугая сына.

Тише, маленький, это не к нам, к соседям нашим. Шевелится в глубине души облегчение вперемешку с отчаянной злостью – ну и пусть, пусть, семья у них большая, не страшно. Не к нам.

Сыночек стискивает руку.

– Папа пришел, – шепчет он.

– Какой папа? – спрашивает, бледнея.

– Наш.

Какой же папа?! Он ушел – первым – и вернуться не может! Постучались в дверь, и он, будто зачарованный, шагнул в ночь. Потянулись следом посланники – за дочерьми старшими, крепкими еще свекром и свекровью, незамужней золовкой. Едва ли не каждый день – слезы просыхать не успевали. И тут затишье недельное. Сидят вдвоем, она и сынишка малой, и ждут. Переживают ночи, а утром с отблеском надежды в глазах, стараясь не встречаться взглядом с теми, к кому заглянули на огонек, – по делам.

Один лишь раз видела Посланника, да и не положено на них смотреть, все больше в сторону, да молчать. Не сердить их хозяйку. А она – смотрела! Молоденькая тогда была, лет пятнадцати. Вцепилась в тот вечер соседняя бабка в руку. Посиди, говорит, со мной, мужа ушедшего во сне видела, вернется ночью, заберет. И отказать-то нельзя! Осталась.

Взять пыталась, но волнение сильно, а ночь длинна. Рассказни соседкины слушала, про жизнь ее юную, про мужа хозяйственного, да про дочку-красавицу... много говорила. Боялась, хоть и ждала. Под утро стук разбудил. Зоряна-то дверь открыла, а там – бабкин дед. Будто живой, только тепла живого не чуется.

Разглядывала с интересом – молодая и дерзкая – и без страха почти. Мужик мнется у порога, но она не отходит, никак не пройти.

– Пусти, – говорит. Глухо так, будто издали.

– А если нет? – набираясь наглости и азарта.

– Пусти...

Это уже бабка стонет. Села на кровати, глазищи в темноте так и горят.

Посторонилась, пропуская. Старики, меняясь взглядами влюбленных, сцепили пальцы. Соседка, одетая в лучшее, нарумяненная даже, ушла чинно под ручку с мужем в ночь. Больше ее и не видели.

А Зоряну судьба с тех пор оставила. Первая красавица на деревне, а в девках ходила долго. То с соседних сел сватались, богатый выкуп давали, а она все смеялась и говорила: подумаю, а то – как отрезало. И Микола, весь из себя хорош да статен... как любила его, целовать себя давала, и не только целовать... погулял с девкой лето, а по осени привел в дом другую. Уж как ревела она, Зоря-Зорюшка, как мать за косы трепала, а соседи пальцем тыкали – порченный товар. И замуж никто не брал, пока не встретил Еремей, Еремушка ее, да и увез далеко от родимых мест.

Думала, счастье пришло, ан нет. Долго родить не могла, домашние шептались, да и муж странно по-

Попова Анна Сергеевна родилась 23 октября 1985 года в городе Брянске. Школу закончила в 2002 году в г. Пугачеве Саратовской области. Окончила Саратовский государственный социально-экономический университет, по специальности информатик-экономист. Работает бухгалтером в банке.

Писать начала в 2004 году. Первая публикация состоялась в сборнике фантастики «Аэлита 004».

глядывал. А как появился на свет ребенок, опять не то – дочка. Детишкам всяким рады, но тут сынок, рода продолжение – большая важность. А у нее все девки рождаются! Старшая девочка младших сестер нянчит, матери во всем помощница, да и приданое уже готовить начали, а мальчика все нет. Отчаялись ждать. И то ли судьба сжалилась, иль вняли молитвам предки, а родился у нее сынок – крепенький и смысленый, весь в отца.

Сразу и звать ее, мать дитя такого, по-другому стали. Не Зорькой, Зорянкой, как раньше бывало, а Зорянушкой, душенькой. Округлилась, похорошела, как в былые годы...

Да не долго счастье длилось. Беда пришла в деревню. И некому уж сына баловать, пятки щекотать, сластями угощать да катать на заливке. Некому и ее, Зорянушку, любить. Одни они на свете этом остались.

Беда пришла...

За мыслями своими и воспоминаниями стук не сразу услышала. А как услышала – захолонуло сердце.

На деревянных ногах – к двери, открыть на ладонь. Тишина за порогом, и собак не слышно. Смотрит на сапоги сбитые, а взгляд все выше идет, хоть и нельзя. На голенище заплата знакомая, и штаны льна крепкого сама шила, пояс расшивала и рубахи подол. Ворот расстегнут, из него завитки тугие выглядывают... сколько раз их на палец крутила.

Не смотреть на лицо, не смотреть, не смо...

– Муж мой.

Выдох – дыхание тает, мешается с влажной ночью. Мечется взгляд по лицу, гладит родные черты. Все тот же, и все же – не тот. Просто похож.

– Мне... пора? – неуверенно, робко.

– Не за тобою пришел. – Долго молчит, и после: – Сына отдай.

И голос другой. Холодный, совсем не родной. Чужой. Цепляясь за это, поднимается стон из груди, и ползет за ним злоба, горячит и голову кружит. Сына? Отдать? Смерти предать?

Блеск в глазах – той, что шла когда-то против воли родни и любила Миколу, что смотрела в глаза посланцу и спорила, зная, что лучше не будет. Отчаянье матери, потерявшей детей... почти потерявшей их всех.

– Не отдам!

Он стоит и молчит, и ожидает упорно.

– Не отдам. Слышишь?! Я тебе его не отдам! – срываясь на крик, выплевывая в лицо вместе со страхом. – Пшел вон, муж мой! Не нужен ты здесь, не ждали тебя и не звали!

Хлопает дверь, разделяя ее и того, кто в ночи. На лавку сползает без сил, кусает руку едва ли не в кровь. Клокочет крик в горле, рвется наружу. Не кричать и не плакать, здесь – сын. Кожей чувствует взгляд.

– Папа ушел, – хрипло, – он не вернется.

Он вернулся, и снова в ночь. Ходил, в дверь стучал или стоял под окном – тихо-тихо – но она-то знала, что не ушел. В этот раз совсем не спала. Выла бы в голос, но боялась сына пугать, и потому лишь губы кусала да храбрости набиралась. Только ее-то, как и ярости, мало было, все больше страх липкий да печаль.

Что из спора-то со смертью выйдет? И долго ль продлится? И как его за дверью держать?

Дни шли.

Соседи в последний путь провожали родных, гулял по селам и деревням мор, смерть не попевала водить, и стучались в двери посланники ее.

Зоряна оборону держала.

Крест святой над входом вешала и водой спрыскивала, травки полезные разные по углам клала. Молилась и наговор шептала, – все средства хороши, чтоб неминуемое от дверей отвести.

Беда на шестой день случилась. Кончилась вода последняя, скотина в сараях устала надрываться криком. Сын, не переставая, канючил: пить, мамулечка, пить дай.

И вышла-то ненадолго, до колодца лишь... вернулась – распахнута дверь, собака пристыженно смотрит из конуры, скулит тоскливо. Упали ведра, когда метнулась в дом, безлюдный и сразу неживой. Полетела за ворота, сердце колотится, лелеет надежду. Улица в обе стороны пуста, но потянулась за зовом, слышным лишь матери, которая просыпается вместе с ребенком и идет к колыбели. Бежала, задыхаясь, лишь точки черные в глазах прыгали да кололо в боку.

Долго иль нет, в этом ли мире – не знает, а нагнала мужа.

Черный лес кругом, деревья корявые, клочья тумана, в тучах осколок луны.

– Стой! – кричит. – Сына отдай!

Цепляет плечо – что трогает камень. Не остановить его, как лавину. Идет и идет, а сынишка малой замер в руках. Зоряна плачет, смахивает рукавом сердитые слезы. Путаются ноги в траве, цепляют коряги, когда спешит, обогнать пытаюсь, дорогу преградив.

– Ты! Ушел не вовремя и вернулся не к месту! Оставь нас в покое и – уходи.

Шагает, и дела нет до криков жены.

Вокруг все темней, пропала паутина лесная, ветви голые, черные, но чернее глаза – когда-то родные, пустые теперь. Страшно идти за ним, но еще страшнее одной оставаться.

– Муж мой, любила тебя и люблю! И ради любви этой жить нам дай, умоляю!

Шаг его тверд, но не столь быстр. И лицо оживает, сходство теряя с камнем. А она говорит, уговаривая и предлагая, упрашивая и угрожая.

– Еремей! Ты ж человек, и сын твой – кровь твоя и плоть, и жить должен, и детей растить – внуков

твоих. Что же делаешь ты, Ерема? Семя губишь свое, кончить род захотел?

Замедляет он ход, вот уж вовсе стоит.

– Уходи, – говорит. – Тебе здесь не место. Здесь не место живым, лишь тем, кому пришел срок.

– Не уйду, – отвечает. – Без сына никак! Здесь не место живым, так отдай его мне, мы оставим тебя... до поры.

Головою качает. Зоряна упряма.

– Я запрещаю! В моей он лишь власти. Родила его, собой выкормила, растила в любви. Мой он! И на капельку – твой.

– А пусть сам он решает!

В глазах мужа горит иль безумие, иль обещанье.

Ставит на землю сына, тот смотрит на мать, на отца серьезно, и снова на мать.

– Выбери, – говорит Еремей. – Со мной в походы ходить да подвиги совершать, вечным быть и покоя не знать. Или...

Загораются огоньки у мальчонки в глазах, хочет с отцом, ой как хочет.

– Ты обещал... – тихо-тихо шепчет Зоряна. И сын сразу грустнеет, но серьезным становится, как никогда.

– Я обещал. Мамочку охранять. Папа, не сердись, мы придем еще. Честно.

Мать оплетает мальчишку руками, целует жадно и жарко. Мужа рука на плече холодна.

– Что за сына отдашь?

– Забирай все, что хочешь!

Когда тот уже с ней, обещать может все, что угодно, лишь бы выйти, вернуться. А проводник в другой мир смотрит пристально, в глазах – одна смерть и разум оценщика. Зоряна пугается. Не ее это муж, лишь тело его, а душа – замерзла, коркой покрылась, остыла. Нет в ней тепла. Обнимает сына сильней, тот живой и горячий. Слишком горячий и слишком живой – для этого мира.

Видит глаз, как сползаются ближе разные твари, одна противней другой. Влечет их горячая кровь, тела юные, сладкие, или зрелые, крепкие. Говори! – призывает умоляющим взглядом.

– Муж мой, быстрее, если можешь! Страшно тут и тоскливо.

Говорит, усмехаясь недобро:

– Сын твой, надежда всей жизни, дорого стоит. Зрелости твоей сильной, красоты, удачи и стойкости. От улыбки твоей щемит сердца, и хозяйка на диво отменна. Можешь расстаться ты с этим? Старой стать, страшной, бессильной, неумелой, будто ребенок. Сын твой – иль ты?

– Сын, – шепчет, – ничего нет дороже. Все отдам за него.

Муж целует, как не целовал и тогда, бывши живым. Губы его прохладны, дыхание сладко, приятно-тревожно колотится сердце. Договор, поцелуем скрепленный.

Оставляет – она тянется следом, к этим рукам и губам, таким неродным и влекущим. Мягкий толчок, и падает вниз, сквозь ветки и листья, сквозь гадов

ползучих и кости умерших в пути, сквозь землю – туда, откуда пришла.

Вот и колодец. Толстые бревна, одинокий журавль без ведра. Там, за два дома, ворота открыты – дом ее. Собака скулит.

Мальчик кричит. Испугался, бедняга. Тянет Зоряна руки к сынишке, пятится тот, утыкаясь в колодец, прячет лицо.

– Что ж ты, милый? Сыночка мой, иди же ко мне!

Смотрит, не узнавая, и после долгих мгновений вопрошает с опаскою:

– Мама?

Екает сердце в предчувствии. Склоняется над первой же лужей, дрожит отраженье, меняется. Стонет сама, криком сына боясь испугать. Волосы белые стали как снег, морщины покрыли лицо. Тело слабо, дыханье неверно. Где ее грация, стать, сила уверенной, взрослой уж женщины? Все отдала. За того, кто боится руку подать.

Моложавой ушла – вернулась старухой почти. Верной была ли цена?

Мальчик кидается, обнимает легко – мамочка, мама! Сердце трепещет, и вновь – душой молода. Верной цена была, верной. Сыночка, золотце, жизни надежда и продолженье, маленький, но вырастет сильным и защитит, и будет великим, воином, пекарем иль дровосеком – не важно. Важно – что будет, что жив, что плачет и обнимает. Сын ее.

Вокруг ветры тоскливо... разносят беду, звуки поступи тяжелой, запах мора, гари вкус. Весть несут, что поспорила с наемником смерти Зоряна, да и выспорила, не кого-то там – сына родного.

Дуют ветры... с надеждой. Кто сказал, что – нельзя?

Алесь КУЛАМЕСА, Москва

Умереть за Родину

До отпуска оставалось всего два дня. Чемоданы уложены, билеты куплены, номера забронированы. Канарейку, как всегда, сдали на хранение бабушке.

Вот тогда-то все и началось.

Отец пришел со службы неожиданно рано – около десяти. Я только-только встал и завтракал на кухне, глядя “Футураму” по мультивизору. Отец прошел, не разуваясь, на кухню, сел на табурет, положил тяжелые кулаки на столешницу. Молчал. Смотрел перед собой угрюмым, мрачным взглядом.

Я от этого взгляда чуть не подавился, поэтому отодвинул тарелку с яичницей и спросил:

– Что случилось, папа? Что-то с бабушкой?

Он встрепенулся:

– А что с Марией Владимировной?

– Ну, ты же вчера говорил, что ей нездоровится. Может...

– Нет, – перебил он меня, – с ней все в порядке.

Он снова замолчал. А я не знал, что и как спросить. Папа с трудом поднялся, достал из бара на стенке бутылку водки и плеснул в кружку. Выпил одним махом и даже не поморщился. Потом повернулся ко мне и сказал:

– Война, сын. Вот что случилось. Включи новости.

И пошел в спальню.

Я схватил пульт и переключил мультивизор на ТВ. На «Первом канале» шли новости. Ведущая Марина Агапова сидела, напряженно выпрямившись, и зачитывала с бумаги. Через секунду появился звук:

– ...войны посол Петер Йохансон сделал сегодня в восемь утра по столичному времени. Он передал официальную ноту министру иностранных дел Виктору Приходько. Причиной войны названо необоснованное с точки зрения Евросоюза повышение цены на энергоносители. Нашей стране был выдвинут ультиматум: снижение цены на треть в этом году и еще на четверть – в следующем. И в дальнейшем Евросоюз настаивает на том, что именно он будет регулировать цену на наши энергоносители. Президент назвал это требование неприемлемым. В прямом обращении к народу он заверил граждан, что не уступит на-

глым захватчикам. «Наша армия как никогда сильна, и мы дадим отпор врагу, так же, как делали это наши предки», – сказал президент. Напоминаю, что за прошедшие два часа военный взаимозачет выглядит так: двести солдат Евросоюза и триста наших воинов. Плюс четыре с половиной сотни мирных жителей. Министр обороны выразил надежду, что потери с нашей стороны заставят противника одуматься и прекратить конфликт: «Возможно, они поймут, что наш народ готов защищать свою страну до последнего человека и не испугается никаких жертв, лишь бы отстоять свою свободу. Думаю, через несколько дней мы сможем сесть за стол переговоров».

Буквально через полчаса после его выступления у военкоматов стали появляться добровольцы, желающие вступить в армию. Они требуют отправки к пунктам взаимозачета. Многие несут государственные флаги. Военные пока отправляют добровольцев по домам, так как предполагают, что конфликт будет быстротечным и армия обойдется своими силами. В военкомате Северо-западного округа столицы побывал наш корреспондент, Никита Арбатов. Передаю ему слово...

Я убивал звук, потому что вошел отец. Он был в парадной форме и держал в руке чемодан.

– Слышал?

– Слышал.

– Тогда собирайся. Нашу часть переводят на казарменное положение. Возможно... – он запнулся и снова посмотрел на водку, которую так и не убрал в бар.

– Что «возможно»?

Отец оторвал взгляд от бутылки и сказал хрипло:

– Ходят слухи, что нас могут перебросить к зачетнику. Если война не закончится в ближайшее время.

– Правда? – вскочил я. – Вот здорово! Всегда об этом мечтал!

Отец посмотрел как-то странно и, резко повернувшись, вышел из кухни. Я услышал, как он открыл сейф, где хранил мамины драгоценности и какие-то свои документы. Потом зажужжали замки чемодана, и отец вернулся на кухню.

Алесь Куламеса (Павел Викторович Зыгмантович), родился в 1981 году в Белорусской ССР. Окончил Педагогический университет, факультет психологии. В 2005 году по семейным обстоятельствам переехал в Москву. В данный момент работает преподавателем. Фантастикой увлекался с детства. Писать начал после того, как познакомился с игрой «Fallout-2», впечатлившей настолько, что написал цикл рассказов по миру игры.

– Что-то забыл?

– Да, решил взять кое-что, – голос у отца был холодный и сухой. Точно такой же, как четыре года назад, когда маму насмерть сбила машина и он приехал забирать меня из летнего лагеря. Мне тогда только только двенадцать исполнилось.

– Что-то мамино?

– А? Да-да, мамино... – отец странно кашлянул и, как будто уводя разговор в сторону, спросил: – Сумку сложил?

– Ага, только зубную щетку не взял.

– Хорошо. Возьми – и идем.

Я закинул в сумку туалетные принадлежности, пару дисков, которые купил накануне, и натянул кроссовки.

– Я готов.

– Тогда пошли.

Отец окинул взглядом квартиру, задержавшись на большой фотографии мамы, висевшей в зале, но видной даже из прихожей. Этот снимок папа сделал за день до гибели мамы. Они отдыхали на Гавайях, как всегда. Каждый год они отправляли меня в летний лагерь и летели вдвоем на Гавайи. Это был вроде как медовый месяц. Вот только тогда он закончился на четвертый день – пьяный водила сбил маму на глазах у папы. Отец сделал портрет после сорока дней и специально его так повесил. Чтобы видеть маму, приходя домой. «Как будто встречает», – говорил он.

– Ну, может, и вернемся, – прошептал он так тихо, что я едва расслышал. Расслышал и понял – он сказал это для себя. И для мамино портрета.

– Давай, сын, – сказал он громко и бодро, – поехали. К часу нужно быть в части.

В машине отец включил радио «Классика ФМ» и стал рассказывать несмешные анекдоты. Я для вида смеялся, но видел, что папа думает о чем-то своем.

Мы неожиданно остановились. Я чуть не стукнулся о лобовое стекло, потому что, как всегда, не пристегнулся. Отец, не говоря ни слова, вышел из машины и направился к банкомату. Через пару минут папа вернулся, запихивая в бумажник толстенную пачку тысячных купюр.

– На всякий случай, – сказал отец, перехватив мой изумленный взгляд.

– Какой случай?

Папа не ответил. И музыку выключил. До самой части мы ехали молча, при этом отец держал себя так, словно меня рядом не было.

В части мы поселились в отдельном двухместном номере – отцу, как офицеру, полагается по званию. Если бы он был не майором, а хотя бы подполковником, то нам бы дали номер с джакузи. Но и так не плохо – телевизор, кондиционер, ионизатор воздуха, ванная с круговым душем и мини-сауной. Ну и интерьер соответствующий. Не в каждом отеле можно найти такой номер. В армии же все жилые помещения были сделаны по высшему разряду. Минимум – три

звезды, если сравнивать с гостиницами. А еще во дворе каждой части – открытый бассейн. И закрытый – для холодного времени года. Не мудрено, что многие так стремятся в армию. В последнее время – сам слышал в новостях – устраивают конкурсные отборы, как при поступлении в университет!

Отец кинул сумки на кровать и ушел в душ. А я сразу же включил телевизор.

На «Первом» по-прежнему шли новости. Агапову сменил другой ведущий – Юрий Симонов. Он выглядел гораздо бодрее своей предшественницы и уверенно читал текст:

– ...теперь на каждом пункте взаимозачета в нашей стране есть комиссия наблюдателей из ООН. Их задача – следить за тем, чтобы взаимозачет шел честно. Точно такие же комиссии заняли свои места на пунктах противника. Многонациональный состав комиссий, куда включены представители разных государств, гарантируют непредвзятое, беспристрастное и объективное наблюдение за процессом взаимозачета. Наш корреспондент Аркадий Волков пообщался с главой комиссии ООН по нашей стране...

Это было неинтересно, и я переключил на другой канал:

– Мы наблюдаем за отправкой Кантемировской дивизии к пункту взаимозачета. Приказ поступил всего час назад, но дивизия уже пришла в движение. Один полк отбыл, сейчас заканчивается погрузка второго. Провожать бойцов пришли сотни людей.

На экране появились молодые парни, которые сидели в открытых кузовах грузовиков и весело улыбались. Им бросали цветы, девушки старались дотянуться, чтобы поцеловать. Солдаты хохотали и свешивались с бортов, подставляя губы.

– Как вы можете видеть, – продолжал рассказывать невидимый журналист, – бойцы полны энтузиазма и с радостью готовы отдать свои жизни за свободу нашей Родины. Почти все из них еще не женаты, поэтому вместе с ними на пункты взаимозачета отправятся их родители и братья с сестрами. Они грузятся в поезд в километре отсюда. Разумеется, на пункте взаимозачета они встретятся. Нам удалось поговорить с родителями одного из солдат. Они еще не отправились, но ждут своей очереди с нетерпением.

В кадре появился седоватый мужчина, держащий под руку немолодую женщину. Рядом с ними стоял, широко улыбаясь, парень с нашивками сержанта.

– Мы гордимся тем, что наш сын – солдат! – срывающимся от волнения голосом произнес мужчина. – И очень рады, что сможем быть с ним рядом, когда он будет отдавать свой долг стране. Это ведь прекрасно – умереть за Родину! Правда, дорогая?

Женщина молча кивнула. В глазах ее стояли слезы, но она нашла силы улыбнуться. Сына камера не показала.

Шум голосов и моторов перекрыла мелодия «Прощание славянки», которую заиграл военный духовой оркестр. Машины тронулись. Люди бежали за ними,

кидали солдатам оставшиеся букеты, что-то кричали. В ответ с грузовиков махали руками и смеялись.

Я позавидовал им. Если мы отправимся к зачетнику, то меня вот так по ТВ не покажут – я поеду на поезде, как член семьи военного. Чтобы ехать на грузовике, нужно быть солдатом. А что, если...

Вошел отец.

– Папа! – подскочил я к нему. – Папа! Я хочу тебе кое-что сказать!

Отец присел и повернулся ко мне:

– Я тебя слушаю.

– Пап, а как ты смотришь на то, чтобы я тоже стал солдатом? Как ты!

Отец сощурился, с шумом втянул воздух:

– Зачем?

– Ну, понимаешь... – Слов у меня не находились; сложно вот так сразу взять и объяснить это желание – просто я знал, что это будет правильно: – Понимаешь, если нашу часть вдруг отправят в зачетник...

– То тебя отправят следом, вместе с остальными, – перебил меня отец, едва сдерживая раздражение. – Я не хочу разговаривать на эту тему. Кроме того, тебя не возьмут из-за возраста.

– Но ты сам рассказывал, как мой прадед пошел на фронт, когда ему исполнилось шестнадцать. Чем я хуже него?

Отец резко вскочил и шагнул ко мне, я инстинктивно отшатнулся. Он замер, потом торопливо сел обратно.

– Тогда было другое время, – его голос звучал глухо, он словно выдавливал из себя слова, – немцы рвались к Москве, и их нужно было остановить любой ценой. Сейчас все не так. Совсем не так...

Глядя на грустное, можно даже сказать скорбное, лицо отца, я вдруг понял, почему хочу стать солдатом.

– Пап, – я подошел к отцу, – я просто хочу быть рядом с тобой. Когда нас повезут туда, я хочу быть рядом.

Отец поднял голову, и мне показалось, что он готов заплакать. По крайней мере, его глаза странно блестели. Не уверен, возможно, просто почудилось – ведь отец не плакал, даже когда умерла мама.

– Спасибо, сынок, – сказал он тихо и крепко сжал мою руку. – Кроме тебя, у меня никого не осталось.

Захотелось обнять его, чтобы он понял, как я люблю его, но отец не признавал таких нежностей. Поэтому я просто ответил на его пожатие.

Какое-то время мы молчали. Потом отец отпустил мою руку и поднялся:

– Давай поговорим о твоём желании позже, идет? Может, нас куда и не отправят.

Я кивнул. Может, и правда, к чему торопиться? Все же отец лучше знает, что и как надо делать.

– Вот и хорошо. – Отец посветлел. – Мне нужно идти – служба. В шесть часов будет общий ужин, а до этого времени, думаю, ты найдешь, чем себя занять.

Он надел фуражку и сказал:

– Если ты голоден, то можешь сходить на кухню. Скажешь, что мой сын. Тебе обязательно что-нибудь дадут.

– Нет, мне пока не хочется.

– Понимаю. Если что, ищи меня в штабе. Только по пустякам не дергай, хорошо?

– Да ладно тебе, пап, я ж не маленький, все понимаю.

– Молодец. – Отец улыбнулся. – Тогда до вечера. Пока, сын.

– Пока, пап.

Отец вышел. Я собирался снова включить телевизор, но ноги сами собой вынесли на балкон. Внизу, на крыльце, появился отец и, не поднимая головы, зашагал прочь. Очень быстро я потерял его из виду.

Сегодня в части было непривычно много народу. Обычно здесь одновременно размещалось не более сотни военных, в основном ефрейторы и сержанты. Иногда – офицеры, которые не хотели тратиться на жилье в городе.

Теперь же по дорожкам, покрытым фигурной тротуарной плиткой, туда-сюда сновали толпы народу. И военные среди них встречались не так уж часто. Зеленатый цвет кителей почти терялся за разноцветными одеждами гражданских – членов семей военных.

А люди все пребывали. Приезжали на специально выделенных армейских автобусах, на автомобилях.

Надо сказать, что зрелище было потрясающее – кругом люди, люди, люди. И все – такие счастливые, праздничные! И ведь совсем не факт, что нашу часть отправят к зачетнику, а они все равно радуются. И от их улыбок мне тоже очень хорошо стало. Захотелось общения, встреч, разговоров и смеха. Я накинул куртку и выбежал на улицу.

Чтобы разместить всех прибывших в часть, ужин устроили в спортзале, поставив столы буквой «П». Я сел с новыми знакомыми – симпатичной брюнеткой Ниной и ее братом Витей. Они прибыли в часть незадолго до нас, их папа служил заместителем по воспитательной части. Мы сидели отдельно от родителей, среди других гражданских, потому что даже в таких случаях военным полагалось есть отдельно.

Отец вошел, отыскал меня взглядом и кивнул. Я помахал ему рукой и принялся за еду. В военных частях всегда кормили отменно, но на этот раз повара превзошли сами себя. Они сделали ужин в традициях русской кухни: уха и щи, блинчики с разнообразнейшей начинкой, бефстроганов с гарниром из гречки, расстегаи, морсы. Я проголодался, поэтому ел быстро и с аппетитом, изредка отвлекаясь, чтобы переброситься парой слов с Ниной и Витей.

Перейдя ко второму, я заметил, что к командиру части, полковнику Борису, который сидел за средним столом, подбежал усатый капитан и протянул бумагу. Пока Борисов читал, на его лице последовательно сменилось раздражение, удивление и что-то среднее между радостью и спокойствием. Закончив чтение, полковник поправил китель, проверил, застегнута ли пуговица на воротнике, и резко встал.

Его заметили, и постепенно легкий шумок, висевший в зале, стал стихать. Полковник дождался полной тишины, откашлялся и начал, слегка волнуясь:

– Товарищи офицеры! Уважаемые члены их семей – матери, отцы, жены и дети! Мне выпала честь сообщить, что пришла наша очередь.

Он сделал паузу и провел взглядом по притихшим людям. На их лицах он мог прочитать только то же, что и я, – спокойствие и воодушевление.

– Только что пришел приказ из штаба, – продолжал Борисов окрепшим голосом, – завтра нашу часть перебрасывают к зачетнику. Погрузка начнется в восемь ноль-ноль. Нам с вами, друзья, досталась участь нелегкая и почетная. Мы все и всегда готовились к этому моменту. И, тем не менее, сложно встретить такой приказ спокойно. Мы, солдаты, давали клятву защищать Родину ценой своей жизни. Вы, наши близкие, хоть и не давали такой клятвы, но всегда рядом с нами, тем более в такие минуты. Для гражданина и патриота нет ничего более почетного, чем отдать свою жизнь за счастье и свободу своей страны. Когда-то кто-то сказал: «Не спрашивать, что Родина может сделать для тебя. Спроси, что ты можешь сделать для нее». Наша Родина сделала для нас все что могла и даже больше. Теперь пришло время отдать ей наш сыновний долг.

Полковник перевел дух и взял стакан:

– Пусть здесь всего лишь морс. Это не важно. Когда пьешь за свою страну, важна только искренность. Я хочу поднять этот стакан за нашу страну, за нашу Родину. За ее процветание и счастливое будущее. За Родину!

В этот момент из громкоговорителей рванул гимн, все мы, как один, вскочили, и схватив стаканы и кружки, замерли. От звуков гимна у меня всегда по спине пробегали мурашки, а сегодня просто все тело, все мое существо охватил невероятный, восхитительный трепет. Хоть у меня и нет голоса, я все равно пел, и казалось, что лучше петь никто не может. И невозможно описать восторг и счастье от того, что рядом стоит с полтысячи твоих соотечественников и вдохновенно поют гимн твоей страны.

Взглядом я отыскал отца. Он стоял и пел, как и прочие, но на его лице не было радости, а губы двигались совсем не так, как у остальных. Он не пел, а шептал совсем другой текст. Непонятно, какой именно, но точно – не слова гимна. Поведение отца поразило меня настолько, что я замолчал и опустил стакан. Но, заметив удивленный взгляд Вити, спохватился и продолжил петь. Чисто машинально, не задумываясь над текстом.

Меня беспокоило поведение отца. Он всегда учил любить нашу страну, и невозможно было представить, что мой отец, кадровый офицер, потомственный военный, удостоенный нескольких наград, мог в такой момент не петь гимн своей страны. Страны, которой он присягал. Это просто невозможно! Легче поверить, что Солнце и Луна поменялись местами.

Гимн закончился, и это прервало мои размышления. Полковник отпил из стакана и сел. Его примеру последовали все остальные. Спустя пару минут, переговорив с несколькими офицерами, полковник под-

нялся и, напомнив всем о времени начала погрузки, удалился. Мой отец последовал за ним.

Я спешно доел, на скорую руку попрощался с Ниной и Витей и со всех ног побежал к нам в номер, надеясь переговорить с отцом. Конечно, в номере его не оказалось, и я решил подождать. Снаружи звенели голоса, играла музыка, слышался смех, а я ждал отца. С ним что-то не так, это очевидно. Но в чем дело? Увы, ответить на этот вопрос никак не получалось. Возможно, стоило поискать отца, но, скорее всего, сейчас он очень занят. Уж лучше ждать его здесь.

Отец появился только за полночь, когда голоса на улице немного стихли. Он осторожно вошел в комнату и притворил дверь, стараясь не шуметь. Я сидел без света, поэтому он заметил меня, только щелкнув выключателем.

– Не спишь?

– Не сплю, – ответил я из-под руки, которой заслонился от яркого света.

– Это хорошо, – сказал отец, – собирайся, мы уезжаем.

– Куда? – изумился я. – Ведь завтра...

– Да, завтра, а если точнее, то уже сегодня, нашу часть перебрасывают к зачетнику, – отец был спокоен, но глаза у него были странные – напуганные и решительные одновременно, – а меня – и тебя, соответственно – переводят в другую часть. Так решил полковник...

– Но, папа, а как же переброска к зачетнику?

– Зачетник подождет! – сверкнул глазами отец. – Приказы – не обсуждают. Собирайся!

– Но...

– Живо!!! – рявкнул отец, и я, помимо своей воли, тут же кинулся к сумкам.

Я испугался, потому что отец очень давно не кричал на меня. Если до гибели мамы он вполне мог прикрикнуть или отвесить мне подзатыльник, то после он ничего такого себе не позволял. Можно сказать, он стал обращаться со мной очень бережно.

Я лихорадочно побросал вещи обратно в сумку и выскочил из номера. Отец прихватил чемодан и вышел следом. Он не запер дверь на замок, это было странно, но я побоялся говорить ему об этом. Мы спустились вниз. Народу почти не было, а редкие прохожие, в основном – занятые друг другом парочки, совершенно не обращали на нас внимания. Тем не менее, отец шел так, чтобы по возможности находиться в тени.

По приезду, отец не стал загонять машину с гараж, а оставил на открытой стоянке. Теперь это очень пригодилось – автомобили стояли везде, буквально один на другом, и я не уверен, что мы смогли бы выехать.

Отец завел мотор и медленно стал лавировать между другими машинами, двигаясь к воротам. Он ехал без света, выключив фары.

– Пап, – начал я, – а почему...

– Цыц, – шикнул он на меня, – не твоего ума дело!

Я замолчал. Теперь я испугался по-настоящему. Мне вдруг показалось, что отец не в себе. По крайней мере, таким я его никогда не видел.

Все так же, не включая фар, мы подкатили к воротам. Отец остановил машину и, сунув руку за пазуху, замер. На КПП горел свет, но внутри никого не было. Отец немного подождал, потом вышел из машины. Он зашел внутрь строения, и через секунду ворота дрогнули и стали разъезжаться.

– Надо же, как повезло, – пробормотал отец, вернувшись в машину и трогаясь с места, – впервые в жизни радуюсь отсутствию дисциплины.

Выехав за пределы части, отец включил фары и поехал гораздо быстрее. Выбравшись на трассу, он и вовсе помчался стрелой.

Несмотря на довольно-таки рискованную скорость и необходимость уделять все внимание дороге, папа расслабился. Он расстегнул ворот, достал из бардачка между сиденьями смятую пачку сигарет и с видимым наслаждением закурил. Потом включил проигрыватель со своей любимой испанской гитарой. Стал тихо насвистывать в такт мелодии.

В этот момент я понял, что гроза миновала и отец – снова прежний. Поэтому я рискнул спросить:

– А в какую часть нас переводят?

Отец улыбнулся и подмигнул:

– А разве это важно, сынок?

Я улыбнулся в ответ:

– Просто интересно.

Отец кивнул, затащил сигаретой и ответил:

– Тогда давай я скажу так: приедем – увидишь. Идет?

– Идет. А ехать далеко?

– Ну, – протянул отец, – надеюсь, к утру будем. Так что спи пока. Музыка сделать тише?

– Не надо, папа, – сказал я, устраиваясь на сиденье поудобнее, – и так засну.

– Ну хорошо, сынок, – тихо сказал отец и все-таки уменьшил громкость. Как всегда.

Он неисправим, успел подумать я, прежде чем провалиться в глубокую дрему.

Я проснулся из-за того, что болела затекшая шея. За окном уже серели предрассветные сумерки.

– Доброе утро, – произнес отец, – правда, здорово вот так, вдвоем, ехать навстречу рассвету? Согласись, что-то в этом есть.

Я посмотрел на него искоса, но ничего не ответил.

– Выспался? – поинтересовался отец.

– Так себе, – я потянулся и снова зевнул.

Отец, несмотря на то, что всю ночь провел за рулем, совершенно не выглядел утомленным. Напротив, он казался бодрым и свежим, словно хорошенько поспал. А еще – очень счастливым.

Отец перехватил мой взгляд и подмигнул:

– Не расслабляйся, нам еще долго ехать.

Я посмотрел на дорогу внимательнее. Странно... Это не автобан или шоссе. Впереди между рожими стенами соснового леса петляла узкая линия, засыпанная сухими иголками. Обычный проселок, по ко-

торому ездить можно только летом и то – на внедорожнике вроде нашего ВАЗа.

– Пап, а где мы?

– В машине, где же еще.

– Серьезно, пап. Почему мы по лесу едем, а не по нормальной дороге.

Отец пожевал губу и спросил:

– Если я тебе скажу, что так быстрее, ты мне пове-ришь?

– Нет. Ко всем частям ведут хорошие дороги, и ты это знаешь, – я снова стал волноваться за отца; кажется, у него ничего не прошло. – Куда мы едем?

Отец перестал улыбаться. Он замедлил ход машины и спросил:

– Ты в самом деле хочешь знать?

Я кивнул.

– Мы едем на Алтай, к моему другу. Он лесник.

– Чего??? Пап, при чем здесь Алтай? Тебя же в дру-гую часть перевели!

– Никуда меня не переводили. Просто я решил до поры до времени не говорить тебе правды.

– Какой правды, пап? О чем ты?!

– Да о том, дурья башка, что я не хочу тебя поте-рять! – вспыхнул отец.

Я отшатнулся к дверце.

– Я не допущу, чтобы ты попал в зачетник, пони-маешь? Ты – это все, что у меня есть, и я не могу допу-стить, чтобы ты умер. Мы уедем на Алтай, спрячемся в горах, и никто нас не найдет. В той глуши можно диви-зию спрятать и никто не узнает. И не важно, что будет дальше, главное, чтобы ты жил. Понимаешь? Сынок, ты понимаешь меня?

Я не мог ему ответить. Просто слова застряли в гор-ле. В голове не укладывалось: мой отец – дезертир. Мой! Отец!! Дезертир!!!

– Папа, – вырвалось у меня, – но ведь ты присягу давал...

– Да пусть они подавятся своей присягой! – рыкнул отец. – Они не могут заставить меня отдать им своего единственного сына.

– Папа, но ведь нельзя так – Родина в опасности!

Отец вдруг резко вывернул руль, и мы соскочили на обочину, под кроны деревьев. Машина дернулась и остановилась. Отец повернулся ко мне:

– Сынок, да ты что? При чем здесь Родина? Через пару часов нашу часть повезут на смерть. И вместе с солдатами – их семьи. Жен, матерей, детей. Какая Ро-дина, сынок? Это обыкновенное убийство!

– Но это же взаимозачет, папа! Наши жизни при-близят победу! Так и должно быть. Так всегда было.

– Нет! – заорал отец. – Не всегда! Твой прадед сра-жался с оружием в руках, видя лица врагов. Он про-шел от Москвы до Берлина – и вернулся! И он побе-дил! И остался жив. А если бы он умер, то не было бы ни меня, ни тебя.

– А ты помнишь, что он рассказывал, – вспыхнул я в ответ, – про разоренные города и села, про разруху и голод? Про «все для фронта, все для победы»? Теперь-то все совсем по-другому! Ни голода, ни разрухи, ни

сирот и вдов. А все потому, что ты и я, как твой сын, идем на смерть. Идем добровольно, чтобы наша Родина победила. Папа, это долг наш, понимаешь? Обязанность наша!

– Долг, Родина – это все красивые слова! А ты знаешь, как все выглядит на самом деле? Всех загоняют в большую камеру и травят газом. И вроде все безболезненно, но видел бы ты лица людей и то, как они лежат вповалку друг на друге.

– А то ты видел!

– Видел! И не хочу, чтобы ты оказался среди них.

– Папа, ну пойми ты, – я не знал, как еще объяснить ему, – нельзя так. Мы должны и все. Родина нуждается в нас...

– Знаешь что, – удивительно спокойным тоном проговорил отец, – в сорок первом году, когда немцы рвались к Москве, твой прадед пошел на фронт. Потому что Родина нуждалась в нем. Потому что его винтовка могла остановить врага. И остановила. А наша с тобой смерть кого остановит?

– Такого же врага!

– Сынок, да забудь ты про то, что тебе в школе говорили. Все изменилось! Раньше я мог вернуться с войны. А теперь – нет. Все, это билет в один конец. Вот поэтому и решили, что семьи военных нужно вместе с ними в зачетник отправлять. Чтобы сирот не плодить да на пенсии не тратиться. Конечно – так гораздо экономнее. Мне тоже в школе рассказывали, что высвободившиеся после разоружения в восемьдесят шестом году деньги помогли поднять экономику до заоблачных высот. Это так, это правда. Но! Понимаешь, твой прадед видел перед собой врага. А что увидишь ты? Стены газовой камеры? Раньше нас убивали хотя бы враги, чужаки. А теперь – травят свои. Арифметика проста: кто больше собственных граждан передушит – тот и победил! Ну да, экономика в порядке, разрушений никаких – чистенькая война. Политики пригрозили друг другу пальчиками и все. А люди...Только вот что я тебе скажу, сынок: страны, которые сами – понимаешь, сами, добровольно! – убивают своих граждан, не имеют права требовать верности и преданности.

Он замолчал, и у меня тоже закончились слова. Отец положил мне руку на плечо и заглянул в глаза:

– До смерти твоей мамы я ни о чем таком не думал, сынок. Но когда она погибла, что-то во мне надломилось. Я не отдам тебя им. И плевать я хотел на долг, патриотизм и Родину. Ты им – не достанешься.

Я посмотрел в его глаза и ощутил, как заплесали на кончике языка нужные, правильные слова:

– Можно я скажу?

Отец кивнул.

– Пап, на самом деле ничего не изменилось. Подожди, дай я договорю!

Отец сдержался и промолчал.

– Ничего не изменилось, – повторил я, – что тогда, что сейчас – от нас зависит победа. От каждого из нас. Чем больше людей пожертвует своей жизнью – тем вероятнее наша победа. Разве раньше не так

было? Да так же, один в один так же! У кого больше солдат, тот и побеждал. Да, теперь это выглядит по-другому. Но суть осталась та же.

– Нет, – медленно проговорил отец, – не та же. Твой прадед сражался за Родину. И его враги – хоть и были не правы – тоже сражались. А нас – и тех, на другой стороне – заставляют за нее умирать. Неужели ты не понимаешь, что это совсем разные вещи? Диаметрально противоположные!

Я промолчал. Все равно ему ничего доказать невозможно.

Отец хотел что-то сказать, но вдруг наклонился к рулю и впился глазами в небо. Я проследил его взгляд и заметил среди облаков черную точку. Она быстро приближалась.

– Ну вот, сын, – сказал отец, – нас, похоже, нашли.

Точка превратилась в десантный вертолет. Он уверенно шел в нашу сторону.

Отец сунул руку во внутренний карман и достал что-то металлическое. Я изумился – он держал пистолет. Я такой видел только в кино про войну.

– Трофей, – пояснил отец. – Называется «парабеллум». Еще твой прадед с войны принес. Когда проходило разоружение, прадед его спрятал. Потом передал деду, а тот мне. А я хотел тебе оставить. Семейная реликвия...

– И что ты собираешься делать? Это же...

– Ну да, – согласился отец, – это боевое оружие. А у них там – парализаторы. Повоюем? По настоящему?

– Пап, ты что? Ты же убить можешь.

– Не просто могу, сын, – оскалился отец. – Буду. Я не дам нас захватить.

Он открыл дверцу и выкатился из машины.

– Папа, стой!

Отец прижался к стволу сосны, прячась под кроной. Вертолет прошел совсем низко, почти над самыми деревьями. Я смог разглядеть эмблему внутренних войск и лица десантников, выглядывавших из дверей.

Нас тоже заметили. Вертолет сделал круг и завис над деревьями. С него упали веревки, по паре с каждого борта. Отец перехватил пистолет двумя руками и прицелился, но клубившаяся пыль мешала ему. Он сплюнул и отступил чуть дальше в лес. Я сидел окаменевший, не зная, что делать и как поступить.

По веревкам заскользили десантники. Как только первый из них достиг земли, отец выстрелил. Боец схватился за правый бок и повалился наземь. Отец перебежал к другому дереву и снова выстрелил – еще один десантник упал в пыль.

Солдат это не остановило. Они продолжали спускаться, а уже высадившиеся укрылись за машиной. Отец не стал стрелять, боясь задеть меня, и десантники воспользовались этим – вскинули парализаторы и прижали его очередями к земле. Шарик с парализующим составом шлепал по деревьям, лопались, забрызгивая все вокруг яркой оранжевой краской. Отец пытался отползти дальше в лес, но десантни-

ки стреляли слишком часто, и ему оставалось только плотнее вжиматься в землю.

Моя дверца распахнулась, и меня буквально вырвали из машины. Я упал на землю, уткнувшись в пыль и сухие иголки. Кто-то придавил меня коленом, и левую руку обжег укус карманного парализатора. В глазах сразу потемнело, уши заложило ватой, и я провалился в темную бездну.

Резкий запах ударил мне в нос. Я затряс головой, пытаюсь отвернуться от источника запаха, и получил несильную оплеуху.

– Он очнулся, товарищ капитан.

Я открыл глаза. Передо мной сидел на корточках прапорщик с флаконом нашатыря. Военный еще пару раз шлепнул меня по щекам и отошел.

За спиной я услышал голоса:

– Как там наши раненые? Есть сведения?

– Так точно, товарищ капитан! Уже оперируют. Врачи говорят – опасности для жизни нет.

– Хорошо, сержант. Что с машиной?

– На подходе, товарищ капитан.

– Оставайтесь на связи с ними, можете найти дорогу, если что.

– Есть!

Я попробовал встать, но ноги не держали, и пришлось остаться сидеть, опираясь на колесо машины. Передо мной остановился крепкий молодой мужчина.

– Ты, я так понимаю, был заложником? – начал он без предисловий и представления.

Я хотел объяснить, что это не так, но язык работал плохо – получилось только промычать что-то невразумительное.

– Ладно, следствие разберется, – махнул рукой капитан. – Сейчас прибудет машина, а пока отдыхай.

Он поднялся.

– Кстати, мужик этот, который тебя захватил, дуба дал. Ребята ему слишком много парализатора всадили от злости, что он наших подстеллил. Вот сердце и не выдержало. И откуда у ганца оружие настоящее было? Ты не в курсе?

Я не ответил. Потому что мир в один момент перевернулся и погас. Из глаз сами собой потекли слезы. Капитан, не сказав ни слова, отошел.

За моей спиной, в салоне, кто-то включил радио:

«Сегодня, в шесть часов утра по московскому времени, Евросоюз предложил объявить перемирие и сесть за стол переговоров. Наш президент предложение принял. Переговоры состоятся через два дня в Москве. В связи с этим, все намеченные на сегодня операции взаимозачета отменены».

в эмиграции в Югославии. В Белграде в 1927 вышел ее ром. «В темную ночь» – рец.: Айхенвальд Ю. \ \ Руль. 1927. № 1953, 4 мая. С.2. В сб. «В память 1-го Кубанского похода», (Белград, 1926) напеч. ее ст. «Безвинные мученики и их искупители». Сotr. в белградской ежедневной газ. «Новое время» (1921-1930), продолжающей традиции, заложенные А.С.Сувориним. А в Шанхае в 1935 вышла кн. Г. «Федор Кузьмич: (Подвиг искупления)».

Венгеров. Источ.; Кн. рус. зарубежья; Алексеев А.Д.; ЛЗР; Периодика...; Хисамутдинов (Глуховцова).

ГЛЫБИНА А.

Авт. кн. "Учебник для систематич. обучения и самообучения письму на пишущих машинках по слепому десятипальцевому американскому методу". Саратов, 1913.

ГЛЮК Елизавета (1815 — ?), поэтесса.

Венгеров. Источ.

ГНЕДИЧ Т.Г., переводчица.

Пер. стихи Эдгара По. О ней пишет в своей книге «Водка с пирожными» (СПб., 2007) Д.Шраер-Петров («Отшельница из Царского Села»).

ГНЕСИНА Елена Фабиановна (1874 — 1967), авт. воспоминаний.

Пианистка, педагог, музыкально-общественный деятель. Авт. "Из моих воспоминаний". – "Сов. музыка", 1964. № 5. С.44-52; "Из моих воспоминаний о Ферруччо Бузони". – В кн. "Воспом. о Московской консерватории", М., 1966. С.172-174; написала также воспом. о Рахманинове. – «Огонек», 1953, № 13. С.27; в кн. "Воспом. о Рахманинове", 4-е изд. М., 1974. Т.1. С.208-214. ИДРДВ. Т.4. Ч.4. Указ. имен.

ГНЕСИНА Н., библиотекарь.

Сotr. в "Материалах Института библиотековедения". М., 1928. – Н. Г. Масанов.

ГОБИ (Шнитникова) Лидия Христофоровна (1878 — 1944), авт. воспоминаний.

Член РСДРП, большевичка. "Мое заведывание складами бомб". ц— В кн. С.М.Познера. Первая боевая организация большевиков, 1905-1907 гг.: статьи, воспоминания и документы. М., 1934. С.181-186; см. также – "1905. Боевая группа при ЦК РСДРП(б)." М.-Л., 1927.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. Указ. имен.

ГОВОРСКАЯ Лидия Николаевна

Сotr. в "Вестнике Юго - Зап. России" – Лидия Г. Масанов.

ГОВСЕЕВА А.А.

Авт. кн. "Симуляция душевных болезней и паталогических притворств". Харьков, 1894.

ГОВСЕЕВА Елизавета

Пер. с англ. сказку О.Уальда "Молодой король" (из сб. "Гранатовый дом"). – "Правда", 1905. № 6.

ГОГЕЛЬ Елена Владимировна (1864 – 1955), автор статей по библиотечному делу.

Организатор библиотечного дела. Предки Г. приехали в Россию из Франции еще в XVIII в. по приглашению Екатерины II. После окончания гимназии училась на женских педагогич. курсах сначала в Киеве, потом в СПб. Слушала лекции в университете. Освоила несколько иностр. языков. Рано стала заниматься переводами, сотрудничала в периодике. В 1903 г., когда открылся СПб. женский пед. институт, Г. возглавила его библиотеку. Здесь она получила первый опыт и первые навыки библиотечной работы. Ездилa за границу, знакомилась с библиотеками Германии, Швейцарии, Франции. Участвовала в Международном съезде деятелей архив

Продолжение на стр. 52

Годен

«Годен, годен, годен. ГОДЕН!» — стучало у него в голове гидравлическим молотом. «Годен, буду служить. Маршировать, летать, стрелять, убивать. НЕТ!». Перед глазами проносятся картины будущей службы: вот он проходит курс молодого бойца — тренировки в зоне 2.5 g — фигня, вот на стрельбище из лучевого ружья выбивает 97 из 100. А потом капитан говорит: «А слабо в живого выстрелить?» Перед глазами возникает тратизианский ящер из рекламной агитки. Он поднимает шестиствольную скорострельную пушку с разрывными снарядами, целится. У молодого бойца трясутся руки, он роняет лучеём. Ящер победно рычит, нажимая на кнопку спускового механизма. Тело юноши распадается на мелкие фрагменты...

Миша проснулся, протёр глаза и посмотрел направо. Цифры 2:23 горели в темноте кроваво-красным, как глаза волков в детских мультфильмах. Миша перевёл глаза на белый пластиковый потолок. Как же так! Он вновь и вновь прокручивал в голове события этого дня.

С утра Учитель повёл их в военкомат на медосмотр. Но ведь Миша думал, что это лишь формальность. Никогда раньше он не слышал ни от кого, что служба принудительна. Он думал, что, пройдя комиссию, сможет выбрать — служить или не служить. Но после прохождения осмотра врачами и испытаний — (центрифуга, термическая камера, полоса препятствий, зона 2.5 g, невесомость, разряженная атмосфера — всё то, что он уже 3 года проходил на физкультуре) — Учитель показал им декрет Объединённого Планетарного Коммунистического Правительства № 783. Даже зачитал вслух. «...постановляем священным долгом нашего великого человечества помощь угнетённым народам планет звёзд: 61-я Лебеда, Процион и Тау Кита. В связи с этим объявляем торжественной обязанностью всех юношей, достигших 17 лет, вступать в ряды вооружённых сил Объединённого Человечества».

Что было дальше — как в тумане. Их подвели к столу, на котором стопками были разложены доку-

менты призывников. За ним сидели трое в форме космических войск: майор-десантник, подполковник войск снабжения, весь седой от свинца, покрывающего ядерные реакторы. И молодой мужик без погон, но с какими-то знаками отличия. Колька Стрелецкий сзади прошептал: «Пэбэшник!». Точно, так и есть, старший лейтенант взвездного отделения УПБ — Управления Планетарной Безопасности, органа, исполняющего прямую волю ОПКП. Среди этих трёх он явно был главным. Миша незаметно вытиснулся в струнку.

Дела рассматривались в алфавитном порядке, Миша шёл вторым. Перед ним к столу подошел Абашвили — огромный волосатый грузин, всегда мечтавший водить плазмотанк. Военные разобрали личное дело и начали придирчиво рассматривать, в то время как Абашвили стоял по стойке «смирно». Перебрав все листки, майор взял журнал и начал заполнять, произнося вслух данные нового призывника:

— Абашвили Вано Дизелевич? — уточнил он у будущего новобранца.

— Так точно! — гаркнул Вано. Говорил он без акцента, чётко, словно стрелял из автомата. У Миши начали подрагивать колени.

— Родители Абашвили Дизель Тракторович и Абашвили Галактика Цезиевна? — вновь спросил майор.

— Так точно!

— Приводы в милицию имеешь? — поинтересовался пэбэшник.

— Никак нет!

— Победитель соревнований по космическому многоборью? — удивлённо спросил подполковник.

— Так точно! — Вано заулыбался.

— Отличник политической и научной подготовки?

— Никак нет, — уныло сообщил Абашвили. — По научному коммунизму и истории партии — 4.

— Зато гляди-ка, — заметил подполковник, — по основам тяжёлых военных технологий и плазмен-

Виноградов Илья Владимирович, родился в 1990 году в г. Бобруйске, Белоруссия. В 1994 переехал в г. Курган. Студент Курганского госуниверситета, будущий экономист.

ной механике по 5.7 баллов. Какая специальность, выпускник?

– Тяжёлые плазмотанки, товарищ майор! — отчеканил Ваню.

– Служить хочешь в наземных технических войсках?

– Так точно!

– Не вижу преград. Такие соколы нам нужны! — подполковник пожал руку Ваню и уже хотел сказать «Годен», но его перебил пэбэшник.

– А как вы думаете, какой меры наказания заслуживают уклонисты и предатели? — ехидно спросил он.

Ваню вытянулся ещё большее и почти прокричал:

– Уклонистов — перевоспитывать, ставить в строй, предателей — расстреливать на месте!

– Молодец, призывник, — похвалил пэбэшник. — Пишите: «Годен».

Абашвили, улыбаясь, как идиот, пошёл к выходу. Он ошалело принимал поздравления и рукопожатия, словно не мог поверить своему счастью. Подошла очередь Миши.

– Афанасьев Михаил Титанович? — спросил майор.

Миша ничего не ответил. Майор, видя, что парень волнуется, продолжил в утвердительной интонации, не переставая записывать в журнал:

– Отец — Афанасьев Титан Уранович, мать — Афанасьева Тайна Октябриевна. Отличник политической, спортивной и научной подготовок, хронических заболеваний не имеет, особо устойчив к перегрузкам. Приводов в милицию нет, характеристики положительные. Где хочешь служить, молодец?

– Нигде, — пробормотал Миша.

– Чего-о-о? — выпучил на него глаза подполковник.

– То есть, я хотел сказать — там, куда пошлют. У меня нет предпочтений, я одинаково отношусь ко всем родам войск, — торопливо поправился Миша.

– А-а-а, — протянул майор, — это хорошо. Владлен Прометеевич, у вас есть вопросы? — обратился он к пэбэшнику.

– Есть. Скажите, Михаил, что вы будете делать, если в бою у вас закончатся заряды для винтовки, взять новых неоткуда, а враг в трёх шагах?

– Я ударю его прикладом, — тихо сказал Миша. Сама мысль о том, чтобы ударить кого-то прикладом по голове, была ему противна.

– А когда винтовка сломается?

– Буду колоть врага ножом, — Миша живо представил зелёную жидкость, хлещущую из распоротого живота тратицианского ящера, и ему стало дурно.

– А когда сломается нож? — пэбэшник подозрительно прищурился.

– Буду рвать противника зубами, — ответил Миша совсем уж тихо.

– А чёрт с ним! — Владлен Прометеевич махнул рукой. — Годен.

– Завтра в 11.00 прибыть на пункт распределения по этому адресу. — Майор протянул Мише бу-

мажку. — Опоздание более чем на полчаса расценивается как уклонизм.

Миша снова открыл глаза. Потолок из броне-пластика, выдерживающий прямое попадание трёхпудовой бомбы, был всё так же безразличен и стопроцентно реален. Он напоминал, что всё это не сон. Что всё это происходит с ним. Ну, зачем, зачем? Все семнадцать лет он старался — зачем? Учился на «отлично», тренировался в спортзале и на полигоне, следил за своим здоровьем — всё это чтобы отправится на войну? Какая бы она ни была, хоть трижды справедливая и четырежды освободительная — на ней убивают разумных существ. Даже ради того, чтобы народ Димедии жил счастливо и не страдал под гнётом тратицианцев, он не сможет убить. Для него, убеждённого пацифиста, неприемлемо прервать чью-либо жизнь. Он собирался стать архитектором. Архитектором, а не убийцей!

Ненависть к войне и насилию проснулась в Мишае давно — после просмотра исторического фильма, повествующего о становлении коммунизма на Земле. Он помнил его как сейчас, практически каждый кадр.

Сначала показывали картины двадцатого века — мировые войны, концлагеря, сражения, умирающие люди, выжженные города. Он видел голодных детей Дахау и Освенцима, инвалидов с искалеченными телами и душами, солдат, убивающих мирных людей. После этого события шли в хронологическом порядке: в 60 — 70 гг. двадцатого века Советский Союз становится лидером в космических, плазменных и прочих научных разработках, двигает прогресс вперёд семимильными шагами, приобретает гиперавторитет на мировой арене и в его состав входит ещё 17 стран. Начинается эпоха Великой Стройки — ударного развития всех сфер жизнедеятельности. Люди, не жалея себя, строили коммунизм, и через 25 лет он был достигнут — сначала в СССР, а затем и во всём мире. Миша видел на экране людей разных национальностей, бегущих друг к другу и, соединившись, обнимавшихся. Началась эпоха Объединенного Человечества. Теперь, когда светлое будущее наступило на всей Земле, коммунизм будет распространяться в космос — и это правильно. Но почему этим должен заниматься Миша? Ведь в тот день он поклялся, что не возьмёт в руки оружие — никогда. Как же быть теперь?

Здоровый лоб, 180, от пола отжаться может хоть триста раз, перегрузки выдерживает на спор до 35g — зачем? Да лучше бы он был эпилептиком или шизофреником. Или сломал бы позвоночник в детстве, как Юп. Юпитер Кузнецов не прошёл комиссию из-за травмы позвоночника. Ха, вроде молодой, а называли по-старому. Уже третье поколение людей всего мира живёт при коммунизме. Первые два захотели в честь этого славного периода не использовать старые, привычные имена. Однако мода быстро прошла, и детей начали называть по-старому. А Юпа всё равно называли в честь деда. Он так переживал,

что не прошёл. Может, прикидывался, а может, честно. Миша всё бы отдал, чтобы оказаться на его месте.

В голове мелькнула мысль: а почему бы не выпрыгнуть из окна? Сломает себе что-нибудь, выживет, а воевать не поедет. Миша заметался по комнате, прикидывая причину, по которой можно было бы ночью открывать окно. Затем сплюнул, махнул рукой и потянул рычаг на стене до отказа. Шторы и рамы со стёклами разъехались, и с тихим шелестом втянулись стенные полости. Миша встал на подоконник и, не раздумывая долго, сиганул солдатиком, как в бассейне с вышки. Пятый этаж, четвёртый, третий. Земля со свистом приближалась, Миша закрыл глаза. Однако удара не последовало. На уровне полутора метров над землёй Мишу сильно потрянуло, он остановился и мягко опустился на землю. Оказывается, под окнами поставлены машины, регулирующие гравитацию. Об этом он тоже не подозревал. Сколько ещё «открытий чудных» приготовил ему «просвещения дух». Миша поднялся в свою типовую квартиру и заснул беспокойным сном будущего спасителя угнетаемых народов далёких планет.

За завтраком он твёрдо решил, что не пойдёт на пункт. Родителям не сказал, похоже, они заодно со всеми остальными. Когда он сообщил им, что будет служить, они не удивились — значит, знали всё это время. Отец даже гордится, что его сын будет героем. Чтoб они провалились!

В метро посмотрел на часы: 9.47. Сел на ветку, ведущую в противоположную сторону. В вагоне, на мониторе, встроенном в стену, передавали новости, частные объявления граждан и агитационные ролики, в которых благообразные современные люди храбро шли сражаться за свободу граждан других звёзд. Одинаковые колонны уходили в закат, в ногу маршируя на фоне стартующих звездолётов. Последний бравый солдат в строю поворачивался и смотрел с коризной, как бы спрашивая: «Почему ты ещё не с нами, братец?». Мише стало немного стыдно. А чуть позже он подумал, что когда его объявят в розыск за уклонизм, его портрет будет сверкать на всех таких вот экранах. Это фото разошлут по Информационной Сети по всей Евразии, а если не найдут за неделю, то отправят запрос на Американский Материк и в Австралию. Его будут искать с собаками, с инфракрасными поисковыми устройствами, возможно, даже через спутник. Прохожие будут пытаться задержать его и сдать в милицию. Старичок, сидящий напротив, подозрительно посмотрел на Мишу. У того засосало под ложечкой. Вышел на следующей станции, поднялся на поверхность.

В глаза ударил свет, отражённый от зеркальных панелей, покрывающих высотный дом. В воздухе парили механические очистители, поглощающие вредные выхлопы и неприятные запахи и освежающие воздух ароматом лимона и яблока. Смеющаяся мать брала своему чаду мороженое в автомате.

Автомат отвечал дежурные вежливые слова, хвалил славного мальчишку и желал ему успехов. Счастливые дети в парке через дорогу играли в грави-салки и кричали от восторга. Они подпрыгивали до самых крон деревьев, на ходу срывая с них экзотические инопланетные фрукты и ягоды. Из репродуктора плыла приятная музыка. Процветающее общество встречало новый день. В голове прогремела мысль, «сказанная» чужим голосом: «А чем ты помог угнетаемым народам Тау Кита?» Телепаты не были диковинкой, и для агитации их использовали часто, но всё же Миша подскочил от неожиданности и, остревшись воровато по сторонам, побрел, глядя под ноги.

Цивилизация глядела на него любопытными глазами, ожидая, что же ещё он выкинет. Вот перед ним торопливый гражданин попытался перебежать монорельсовую дорогу, проходящую в этом месте по земле. Однако его схватил за локоть транспортный инспектор и напомнил, что монорельсовую дорогу запрещено переходить в непригодных для этого участках. Гражданин хлопнул себя по лбу, сказал, что торопился и совсем забыл, и без колебаний предъявил штрафную карточку, куда ему ввели «социальный штрафной минус». Инспектор козырнул, развернулся и ушёл, а забывчивый гражданин отправился искать переход. Тут Миша подумал, что сейчас происходит на Кайперосе, второй планете Тау Кита. Такой же гражданин пытается перейти дорогу, налетает на повозку офицера захватнической армии, лошадь — или кто у них там возит кареты — пугается, офицер ударяется головой. Гражданина ловят, порют и отсекают два пальца на ноге. По крайней мере, учитель истории говорил, что так обычно там и поступают.

Миша остановился и посмотрел на старушку лет 75, сидящую на специальной скамейке для пенсионеров. Она ела пирожок, читала газету, слушала радио из приёмника, встроенного в незаметный слуховой аппарат. На старомодную блузку был прицеплен значок ветерана труда. Они почти все ветераны, кто войны, кто труда, кто ещё чего-нибудь. Они проливали пот, чтобы их детям и внукам жилось счастливо и справедливо. Сегодня они — на попечении государства, до последнего дня своего. Система пенсий, устаревшая в начале XXI века, была заменена системой полного обеспечения. Старушка отложила газету, нажала неприметный выступ на поверхности скамейки. Выдвинулась панель, просканировала физиометрические данные бабушки, нашла её в базе данных. Зажглась зелёная лампочка, и бабуля проговорила: «Лимонад». Через двадцать четыре секунды на панели открылся люк, и из него выехала платформа с лимонадом. Миша вспомнил, что им рассказывали о Кайперосе и его населении. Три четверти населения находятся в статусе рабов, практически все нищенствуют. Рудники и карьеры переполнены, бушуют эпидемии всех мыслимых болезней. Немногие доживают до 50 лет.

Миша вытер пот со лба. Да что же он за человек-то такой! Разве чья-либо жизнь сравнится с процветание целой планеты? Почему он намеренно лишает тех людей счастья, светлого будущего и коммунизма? Как он смеет?! Справедливое Правительство право — ему не дано выбирать между личным уютом и благополучием и счастьем целой разумной расы. Он сейчас же пойдёт на пункт сбора и перестанет, наконец, дрожать.

Миша посмотрел на часы: 11:10. Это конец.

Когда он подходил к пункту сбора, было уже без десяти двенадцать. У входа его встретили люди в штатском. Он почувствовал болезненный укол в бедро и свет погас.

Очнулся он в непроницаемой темноте. Услышал шёпот: «Он очнулся, можно приступать». Щелчок — сверху падает глыба ярчайшего света. Теперь ослепительным конусом освещён сам Миша и железное кресло, к которому он прикован наручниками и привязан ремнями. За пределами светового колпака не видно ни единой детали, зато слышны многочисленные перешёптывания, шорохи, лягз. Раздался ещё щелчок, и зашипело записывающее устройство. Во тьме голос, пробирающийся до костей, произнёс:

— Здравствуйте, Михаил Титанович, — у голоса не было интонаций и тембра, он был изменён специальным прибором.

— И вам — не хворать, — выплюнул Миша зажёванными губами. — А что, собственно, стряслось? Чем обязан своему визиту сюда? — удивился он, жмурясь от колющей боли в правом боку.

— Михаил Титанович, не стоит ёрничать, это вам не на пользу. В вашем статусе — а вы, между прочим, уклонист — не стоит себя вызывающе вести. Мы привели вас сюда затем, чтобы сообщить вам о возможных последствиях бегства с фронта военных действий. Вы в курсе? — почему-то Мише показалось, что говорит Владлен Прометеевич. — Вы уже служите в космическом флоте, в эскадрилье истребителей штурмовиков орбитального и атмосферного влияния. Вам остаётся только пройти курс подготовки, и можно на передовую. Но предупреждаем вас, что если случится факт малейшего нарушения устава с вашей стороны, мы найдём вас, и тогда сегодняшняя ночь покажется вам сеансом расслабляющего массажа.

Свет погас, затем снова включился — уже прямо перед Мишиным носом. Яркий свет выжигал сетчатку. Миша попытался зажмуриться и отвернуться. По проводам, проведённым к запястьям, пробежал слабый ток. Потом сильнее, ещё сильнее. Одновременно Миша начал чувствовать лёгкие уколы, иглы высывались из кресла и делали инъекции спине, вдоль позвоночника. Ток становился нестерпимым, руки дергались. От каждого укола по позвоночнику, а затем и по всему телу разливалась жгучая, нестерпимая боль и непереносимый зуд. Стон Михаила Афанасьева потонул в жужжании электрогенератора, выжимающего максимальную мощность.

После пробуждения в казарме лагеря предварительной воинской подготовки № 31 жизнь полетела в бешеном темпе. Три месяца Мишу обучали прицельно стрелять из 29 видов лучевого, разрывного, плазменного и прочих видов оружия, выносить нечеловеческие перепады температуры и дозы ионизирующего излучения, сражаться врукопашную и вибротрясками. В этом жутком заведении Миша поставил рекорд лагеря по перегрузкам человеческого организма — ускорение в центрифуге — 70 g, гравитация 30 g — 5 часов, а также досконально изучил строение всех электронных и технических приспособлений, найденных в лагере — от переносного передатчика до плазменного орудия на танке. Затем — орбитальная база-авианосец, стойло для 400 истребителей и их пилотов. Месяц на компьютерных тренажерах, месяц — полёты в открытом космосе. Всё это пролетело мимо Михаила. Ни первый выход в открытый космос, ни полсветовая скорость, ни лучшие отметки в меткости — ничего не радовала рядового Афанасьева. Ведь уже через неделю их перебросят на передовую, а там придётся убивать. Убивать. Миша с дрожью в коленях ждал этого дня.

И вот он настал. Как ни странно, но перемещение на огромное расстояние заняло всего полчаса. Истребители по десять загоняли в станцию нуль-транспортировки, по-простому — в портал. Пять минут полёта в ослепительном свете — и корабли выныривают возле чужой звезды.

Такой скорой встречи Миша от ящеров не ожидал. Сразу после перехода на их звено набросилась кучка трацитианских кораблей — крохотных «летунчиков», с прозрачной лобовой панелью. Завязалась схватка, истребители налетали друг на друга, как взбесившиеся осы. Ящеры работали слаженно и буквально за десять минут боя расправились с четырьмя противниками, потеряв лишь одного. Миша тоже отличился — отстрелил одному из врагов орудие. Резкий вираж — Миша был мастером по виражам — и его корабль оказывается перед носом подстреленного «летунчика». Рука на гашетке, мимолётный взгляд на врага. Через прочнейшее, но прозрачное покрытие видна освещённая кабина пилота. Совсем молодой, с ещё не полностью облешей жёлтой чешуёй ящерпилот казался напуганным. Он поднял руки без ногтей в примирительном жесте. Его жёлтые глаза молили о пощаде. Мише на глаза навернулись слёзы. Он убрал руку с гашетки. Мгновение — удар сотрясает корабль. Один из летунчиков выпустил в днище Мишиного аппарата термическую ракету. Ноги нестерпимо обожгло. Успел нажать кнопку катапультирования. Сквозь закрывающиеся створки бронированной капсулы успел увидеть, как молодой ящер, ехидно скалясь, расстреливает его разбитый корабль из оставшегося орудия. Свет померк.

Очнулся Миша в регенераторе, где его обожжённые ноги восстанавливались с помощью передового медицинского оборудования. От лаборанта он узнал,

что из его звена (12 машин) выжили только он и командир. А так как все показания бортовых компьютеров при критическом состоянии корабля передаются в головной истребитель, все узнали о его, Михаила Афанасьева, позоре и нерешительности. Наказание — общественное порицание и дисциплинарное взыскание — пытки в присутствии всей базы. По словам лаборанта, как только Миша пройдет курс лечения, в центральном отсеке базы, заменявшем главную площадь, пройдет Мишина экзекуция. Его должны будут избить плетьюми, потом электрическими дубинками, предварительно введя в кровь тонизирующие препараты. Из-за тоника Миша не сможет потерять сознание и вынесет взыскание до конца. Ведь в конце его проведут сквозь строй, и каждый из пилотов должен будет ударить его. Представив всё это, Михаил Афанасьев снова не выдержал и отключился.

И снова лазарет. Что случилось? О нет! Он всё помнит. Всё тело ломит, от тоника болит голова. На теле буквально нет живого места, синяк на синяке, кожа рассечена плетьюми, перед глазами стоят лица пилотов, оскаленные в ужасном крике ярости. Ни один из них не пропустил своего удара. Что же теперь?

Однако он ошибся. Миша очнулся не в лазарете, а в корпусе психологической подготовки. Минут через пять в помещении собралась стайка полевых психологов. После десятков различных тестов, тренировок, упражнений и нескольких повторных испытаний на тренажере, все они дружно покачали головой и вывели вердикт: «Не убьёт», после чего указали на дверь. Выйдя в эту дверь, Миша попал в другой кабинет, где ему прописали таблетки с каким-то латинским названием и провели сеанс глубокого гипноза.

Очнувшись в своей каюте и не помня ничего из того, что с ним произошло, Миша не удивился. Слишком часто это с ним происходило в последнее время. Единственное, что удалось выжать из памяти — что таблетки, лежащие в кармане, нужно принимать три раза в день перед едой. Так он и сделал.

Через месяц на базу напали, однако общими силами удалось отразить атаку. От эскадрильи мануков, другой разумной расы, придерживавшейся капиталистических взглядов на систему общественных отношений, осталась лишь баржа поддержки, с помощью которой истребители мануков могли перемещаться через звёзды. Мишу отправили в отряде зачистки.

С оружием Миша обращался отменно, своим плазмомётом он расчищал путь для других пилотов. При виде высокого, зелёного, с гладкой кожей манука в мозгу Михаила что-то переклинивало. Ему казалось, что этот манук убил всю его семью, надругался над его любимой, он видел ехидную улыбку на лице манука и стрелял не раздумывая. Вообще-то у мануков нет даже рта на лице, но таблетки делали своё дело. Лишь маленький мальчик, верещавший у входа в главную каюту, смог приостановить движение Миши. Разум его прояснился на секунду, он вспомнил самого себя,

свои убеждения и опустил оружие. Мальчик-манук нажал на кнопку, прогремел взрыв.

Лежа с контузией в лазарете, Миша узнал, что в этот раз дисциплинарного взыскания не последует, наоборот, его переводят в элитное подразделение 501/34, в одно из подразделений Звёздных Ястребов, развёрнутое над планетой трацитиан. Однако радости не испытал. Что-то недоброе чувствовалось в этом переводе. И вообще Миша чувствовал своё тело чужим, словно ненадолго поселился в нём, пока хозяин в отпуске. Однако задумываться над этим не было времени. Ему дали четыре часа на сбор вещей и амуниции и отправили на базу Звёздных Ястребов через портал.

Капитан Бенедиктов показывал вновь прибывшим отсек с истребителями, на которых им придётся летать. Явственная гордость за земные технологии светилась в его глазах.

— Новейшие машины, которые вам предстоит освоить, — он махнул рукой, указывая на ряд кораблей, похожих на веретёна с приделанными к одному из концов красными кремлёвскими звёздами, — истребители модели См-3. По-нашему — звёздочки.

— Товарищ капитан, а почему См? — спросил щупленький лупоглазый пилот.

— Потому что сконструировал Смирнов Валерий, наш лучший инженер. И работал три года, между прочим. Ну, истребители вы осмотрите позже, а сейчас — по каютам. Вам раздали их номера, надеюсь, не заблудитесь.

Соседом Миши оказался странный человек по имени Данил. Миша с первых минут разговора понял, что он — сверхчеловек. И не удивился. Да, общество эволюционирует быстро, но и человек не отстаёт. Телепаты, пирокинетики, левитаторы, гипер-инженеры встречались довольно часто. Миша и сам в какой-то мере не совсем простой Homo Sapiens. Бешеные ускорения с малых лет — не шутки. Но дар Данила был виден невооружённым глазом.

Этот огромный, под два метра человечеще отличался от других не только мышечной силой, реакцией и тем, что забавно растягивал гласные в словах, словно произносил торжественную речь с трибуны. Его мозг был во много раз более развит, чем у других. Причём левое полушарие. Размера оно было нормального, просто импульсы в нём бегали в пять раз быстрее, чем в стандартном. Логическое мышление Данила было настолько мощным, что по малейшим деталям он мог проникать в суть вещей. Мог, к примеру, определить, где побывал человек, глядя на подошвы его ботинок, или по полёту чижей определить погоду на завтра, вплоть до влажности, до последнего градуса и миллиметра ртутного столба. Такой вот Шерлок Холмс, доживший до светлого будущего. Понятно, что сверхчеловеку самая дорога на фронт. Только люди с таким даром обычно сидят в штабах над картами, а не в истребительной штурмовой авиации.

Когда Миша зашёл в каюту, Данил уже стоял перед дверью и ждал его, протянув руку для приветствия.

– Данил – коротко представился он – а ты Миша Афанасьев, и тебе промыли мозги, как и многим здесь.

Пожив неделю с Данилом в одной комнате, Миша многое узнал о системе коммунистического военного устройства. На базу 501/34, как и на другие базы Звёздных Ястребов, свозили всех неугодных командованию пилотов. Были такие подразделения и в других родах войск: десантные Красные Колпаки, танковые Викинги, артиллерийские Красные Мортиры, сапёрно-подрывные Хранители Греческого Огня. Данил расшифровал все названия по-своему. Он сказал, что десантник, в объётом пламенем скафандре падающий на вражеский дзот, очень похож на красный колпак, накрывающий лысую голову. Викингами танкисты называли себя, потому что у них так же, как и древних скандинавов, очень распространена одна форма нападения – таран. Артиллеристы «элитных» подразделений оснащены новейшими, специально созданными орудиями, раскаляющимися при стрельбе докрасна и при малейшем повреждении ведущими себя так же, как древние пороховые мортиры – взрывающимися.

Миша всё время был рядом с Даниилом, тем не менее, узнавая информацию по крупицам. Данил сказал, что их прослушивают и рассматривают в камеры слежения, поэтому делился своими соображениями лишь в тех закутках базы, где, по его мнению, не было посторонних глаз и ушей. Каждое новое откровение поступало от Данила, как всегда, неожиданно, без предупреждения и какого-либо выражения эмоций, словно с Мишей разговаривал компьютер. Он рассказывал о побегах из армии и огромных экспедициях, вылавливавших этих бегунов. А потом, всё так же бесстрастно, о подвалах в зданиях УПБ, где практиковались самые изощрённые средневековые китайские пытки. Он рассказывал о большой агитационной кампании, в результате которой у двух предыдущих поколений случилась мода на имена типа Титан и Прометей. Рассказывал о подпольных экспериментах, проводившихся прямо в роддомах, в результате которых на свет появились такие сверхлюди, как он и Миша. Их проводили специально, чтобы вывести поколение пригодных для будущей войны бойцов. Моду на докоммунистические имена ввели, чтобы отличать участников эксперимента от обычных людей. Поэтому-то, подумал Миша, Юпитера Кузнецова не взяли на фронт. Позвоночник тут ни при чём.

– А ты, наверное, думаешь, – говорил Данил, – почему я здесь, а не как другие сверхлюди, в штабе. Я отвечаю. Сверхлюди, сидящие в штабах и осознающие то же, что и я, в полной мере, а то и больше, смирились с обстановкой, или – ещё хуже – им наплевать. Они смотрят с высоты своего разума на копошащихся у их подножия пэбэшников, и пока им сытно живётся, они помогают им вершить контроль. Я

же так не могу, мне не всё равно. – Данил посмотрел на Мишу. В его глазах не читалось ничего. Абсолютно никаких эмоций. Но если он говорил, что ему не всё равно, значит, Миша ему поверит. – Так вот, – продолжил этот ходячий анализатор, – когда я всё понял и меня попросили рассчитать безопасную траекторию перемещения эскадры командного состава, я подставил её под метеоритный поток. Погибло около сотни командных чинов космфлота и УПБ. Меня протестировали, признали негодным и сослали сюда. Я обманул аппарат, тестировавший меня, и они думают, что мои способности исчерпались. Поскольку я слишком много знаю, меня скоро уберут. Мне осталось два дня. Завтра встречаемся в ангаре. Мне нужно передать тебе ещё кое-какую информацию.

Спал Миша тревожно. Всё думал о том, что чувствует Данил, зная, что до его смерти осталось меньше сорока часов.

В ангаре было безлюдно – завтра боевой вылет, все отсыпаятся. Данил и Миша встретились около шеренги «звёздочек». После короткого приветствия Данил попросил не волноваться за него и перешёл к делу.

– Завтра я не вернусь, так что запоминай. Я проанализировал все данные по этим истребителям и ничего не смог получить. Значит, информация защищена на уровне моего понимания. Единственное, что мне удалось понять, что См-3 – это не Смирнов, три года работавший над истребителем, а модель Смертник третьего образца. Корабль в любой момент может уничтожить тебя, но я не знаю как. В любом случае, половина пилотов с заданий не возвращаются. У тебя вылет через три дня после моего. Не волнуйся, перед прибытием сюда тебе промыли мозги, поэтому проблем с убийством трацитиан у тебя не будет. Но всё равно, – Данил сделал паузу, – береги себя. До встречи.

Он развернулся и ушёл. А на следующий день Миша увидел его в списках героев посмертно.

После того, как погиб Данил, Мише уже нечего было терять. Он с какой-то дикой яростью ждал начала операции. И вот их рассадили по «звёздочкам», капитан Бенедиктов возглавил их звено. Каждому пилоту за ухо прицепили электронное устройство связи, с помощью которого Бенедиктов будет осуществлять командование, причем очень мощное, которое не смогли бы заглушить даже урановые залежи на поверхности атакуемой планеты. На вопрос Миши, почему такое устройство не вмонтировано в панель управления, а является отдельным модулем, капитан промычал что-то вроде: «И так места нет, тесно».

В машине действительно оказалось тесновато. Пилот полулежал в абсолютно герметичном веретене. Кислород подавался из специального баллона, вся панорама происходящего перед носом корабля выводилась на три монитора, раскатанные по внутренней обшивке. Никакой автоматике или малейшего

искусственного интеллекта — всё вручную. Также на корабле имелось два тяжёлых плазменных орудия и торпеда. Почему двигатель выполнен в форме звезды, для Миши так и осталось загадкой.

После старта Мишу резко вдавило в кресло — понятно, что никакой защиты от перегрузок на корабле не установлено. Другой пилот на месте Миши после пяти полётов на таком агрегате пришёл бы в негодность. Но Миша ничего не боялся. Он вообще ни о чём не думал. Тело снова стало как будто чужим. Встретившись в атмосфере материнской планеты ящеров с одним из их истребителей, Миша не испытал никаких эмоций. Это был уже не «летунчик», а полноценный штурмовой корабль, обитый лучшей бронёй и обвешанный пушками. Миша расправился с ним за две минуты, расстреляв почти не защищённый двигатель. Молниеносно уходя от ещё двух машин врага, Миша мельком подумал, что всё это как-то неправильно. Всё было как во сне. Вираз — ящеры, летевшие слишком близко друг к другу, сошлись и взорвались, оставив облако зелёного дыма.

— Все — вниз — скомандовал капитан, и машины ринулись вниз. Их встретил огонь турелей, равномерно расставленных в непроходимых джунглях.

— Пятый — торпеду в правую турель, седьмой — в левую. Афанасьев — вперёд, к морю. Уничтожь авианосец, только не задень купол, который там рядом. Это нефтяная скважина.

И Миша понял. И осознал, для чего война и освобождение народов от гнёта ящерской империи. Уран и нефть — как же он раньше не догадался. И Данил не сказал, друг называется. А как же свобода, равенство, братство? Ведь он честно в них верил. Шок помог Михаилу, и он начал бороться. Руки на штурвале дрожали, истребитель ходил ходуном, скакал, как рыба в волнах. Уходя от летящих навстречу разрядов сил ПВО, он сбросил торпеду вниз, прихватив взрывной волной две нефтяные станции. В наушнике зарычал капитан:

— Ты что делаешь, поганец?!

— Извините, капитан, у меня штурвал заклинило. По-моему, оборудование устарело.

— Наплюй. Новая цель — поселение на севере.

Миша вдавил штурвал до отказа, выжимая последние капли топлива. Если его подобьют, пустой бак будет очень кстати.

На мониторах всплыла пустыня, покрывающая сотни гектар. В самом центре, окружённое оазисами, возвышалось поселение из белой глины.

— Товарищ капитан, зачем нам расстреливать этот городок? — зазвучал в эфире голос того лупоглазого пилота, что так любил задавать вопросы.

— Там лазарет и штаб вооружённых сил, рядовой Самсонов — ответил капитан.

— Но не лучше ли взять их в плен? Там же мирное население? — опять подал голос Самсонов.

— Не задавай вопросов, солдат. Командование уже три раза за тебя подумало. Не хочешь неприятностей — стреляй.

Миша снижался над городком, всё ещё сидя в чужом теле Михаила Афанасьева. Он внимательно всматривался в улицы, по которым бежали традиционные женщины, с алыми гребнями на головах. Завёрнутые в белые полотна, они запинаясь, вставали, снова бежали, верещали на своём языке, пока не получали выстрел из бортового орудия в спину. С ликованием Миша осознал, что рука, сжимающая гашетку, не может нажать на кнопку спуска. Ещё одно волевое усилие — и тело вновь подчиняется ему. Но что делать? Улететь? Бесплезно, всё равно найдут и снова промочут мозги. Вступить в бой? Задавят числом. Будь ты хоть четырежды ас, против семерых не попрёшь. Смирится и продолжать? Неприемлемо. А, помирать, так с музыкой.

— Товарищ капитан, у меня орудийные стволы заклинило, — бодро отрапортовал он в наушник. — Разрешите приступить к ремонту?

— А сумеешь? — недоверчиво проворчал Бенедиктов — Ладно, чини.

Заклинив штурвал на полёт по кругу, Миша начал разбирать рацию. Перекодировать, подключить в качестве антенны обшивку, а в качестве усилителя кое-какие посторонние цепи. Краем глаза Миша не без радости отметил на мониторе, что Самсонов тоже не стреляет, а парит кругами над городком. Провозившись минуты три с проводами, Миша вернул управление кораблём в свои руки. Решимости его не было предела, и терять ему было уже нечего. Поставив «звёздочку» вертикально носом вверх, он выжал из двигателя последнюю мощность, рванув к краю атмосферы, одновременно включив радиопередатчик. Усиленный такой антенной сигнал рванулся через глубины космоса, распространяя своё послание на всех частотах. Миша торопливо пересказывал то, что услышал от Данила и узнал сам. Люди должны знать правду.

Наушник впился в голову стальными шипами, проникая прямо в мозг и посылая туда свои сигналы. В голове Миши зазвучал голос капитана Бенедиктова, адресованный только ему:

— Сержант Афанасьев, за нарушение устава и измену Родине ты приговариваешься к ордену Боевого Красного Знамени посмертно.

По голове Миши пробежал колкий разряд. Руки поневоле вцепились в штурвал, направляя веретено к земле. Левая рука судорожными движениями взметнулась к верхней панели, нажала несколько кнопок и опять легла на штурвал. Там, снаружи, от двигателя в форме звезды отрывались ненужные детали, делая истребитель Миши очень похожим на древние, времён Второй Мировой войны, авиационные бомбы. Веретено, вращаясь, летело к земле, нацеливаясь на здание штаба ящеров. Рядом с ним такое же веретено, под командование рядового Самсонова, несло навстречу подземному госпиталю. Взрывная волна разметала песок на километры вокруг.

«Уважаемые Титан Уранович и Тайна Октябриевна. Командование космических войск приносит вам

свои соболезнования в связи с героической гибелью вашего сына, Афанасьева Михаила. Мы все скорбим вместе с вами. Страна потеряла настоящего героя, защитника своей Родины и мужественного бойца за дело коммунизма. Ваш сын награждается орденом Боевого Красного Знамени посмертно»

Эпилог

Всё тело болит. Это ж надо — с километровой высоты без парашюта на барханы — и выжил! Может быть, кто-то думает, что легко лететь в раскалённой докрасна консервной банке, при перегрузках около 80g, при температуре чёрт знает сколько градусов бедного Цельсия, имея в запасе 14 секунд, чтобы вырезать портативным бластером окошко, выбить его, получив ожог ноги 3 степени, и выпрыгнуть. А ведь ещё нужно ничего не сломать при падении! Тут уж группируйся, не группируйся — если ты не сверхчеловек, ты не выживешь.

Миша со стоном поднялся, выплюнул песок изо рта и побрёл искать бластер. Бластер лежал рядом, как и ожидалось — разбился вдребезги. Обернувшись на скрип песка, Миша увидел Данила. Он стоял посреди пустыни, закутанный в костюм пустынного кочевника, и улыбался, довольный произведённым эффектом. Когда Миша подбежал и хотел уже закричать, Данил приложил палец к губам и сказал:

— Ты плохо слушал меня при нашей последней встрече, хотя я просил тебя слушать внимательно. Уходя, я сказал: «До встречи». Неужели ты думал, что я погибну? Это абсурдно. Ни ты, ни я не погибнем сейчас, это я знал уже давно. Самсонова жаль, этот разбился.

Данил снял капюшон и застыл на несколько секунд. А затем продолжил:

— Местное сопротивление, состоящее из таких дезертиров, как мы с тобой, и остатков трацитианской армии, ждёт нас. Мы снова будем воевать за свободу и независимость, только теперь уже с другой стороны.

— А ты уверен, что на этот раз и свобода, и независимость — подлинны?

— Миша, если бы я это знал, меня называли бы не сверхлогиком, а богом. Поэтому я затрудняюсь ответить на этот вопрос сейчас. Но, учитывая такие переменные составляющие нашего поведения, как долг, совесть и честь, существует единственно верный корень уравнения. У нас нет другого выбора.

Миша улыбнулся, похлопал Данила по плечу, и они отправились на север, где их ждали злые, но нуждающиеся в помощи и поддержке трацитианские ящеры.

ного и библиотечного дела в Брюсселе в 1910 г. Ее выступление «Константин Константинович как попечитель библиотеки императорского педагогич. института» было опубликовано. Была участницей 1-го Всероссийского съезда по библиотечному делу (1911). Была знакома с выдающимися русскими книговедами и библиографами С.А.Венгеровым, Н.М.Лисовским, А.Д.Тороповым, Л.Б.Хавкиной (см). Была дружна и переписывалась с юристом А.Ф.Кони (письма хранятся в РО ПД), а также с С.Ф.Платоновым. После революции и первые советские годы жила в Вятке. Была ученым библиотекарем Вятской публичной библиотеки, возглавляла Библиотечный комитет, а затем и саму библиотеку и много сделала для ее становления как просветительского центра губернии. Печатила статьи по библиотечному делу на страницах местных газет. Статья «Очередные задачи библиотечного дела в Вятском крае» была опубликована в первом в России провинциальном библиотечном журнале «Листок библиотекаря Вятского края» — Вятка, 1919. В 1922-м была приглашена на работу в Москву. Работала в библиотеках Румянцевского музея и Третьяковской галереи. С 1924 и до выхода на пенсию возглавляла библиотеку Наркомзема. Совместно с А.В.Паллизен (см) составила «Сводный каталог иностранных периодических изданий, полученных в 1931-1935 гг. институтами системы Наркомзема». О вятских годах жизни Г. см. Колупаева В.Н. «Все с книгами и о книгах»: Е.В.Гогель (1864-1955) и Вятская губернская публичная библиотека им. А.И.Герцена \ \ Герценка. Вятские записки. Вып. 11. Киров, 2007 (портр).

ГОГИНА Е.

Авт. кн. «Необходимые советы женщине» (СПб., 1907-11). Венгеров. Источ.

ГОГОБЕРИДЗЕ-ЛУНДБЕРГ Елена Давыдовна (1897 — 1978), переводчица, литературовед.

Переводила на рус. яз. произведения классиков грузинской лит-ры: Сулхан-Саба Орбелиани, Ильи Чавчавадзе, А.Церетели, А.Казбеги, Важа Пшавела, а также современных ей писателей. Литературоведческие работы Г.-Л. посвящены гл. обр. исследованию творчества Важа Пшавела. (В.Пшавела. Жизнь и творчество, 3-е изд. Тбилиси, 1959 (совм. с Е.Лундбергом). КЛЭ.

ГОГОЛЕВА Елена Николаевна (1900 — ?), авт. воспоминаний.

Актриса, педагог. Вместе с Н.Н.Литовцевой написала воспоминания «Годы учения: Что дала нам театральная школа». — «Сов. театр», 1936. № 11. С.15-16, илл. ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7889.

ГОГОЛЬ Анна Васильевна, м.б.переводчица.

Сестра Н.В.Гоголя. О ней: А.М.Чернецкая «Анна Васильевна Гоголь». — «Ист. вестн.», 1914. № 9, 10.

ГОГОЛЬ (Косяровская) Мария Ивановна (1792 — 1868), авт. автобиогр. записок.

Мать Н.В.Гоголя. «Автобиографическая записка Марии Ивановны Гоголь, матери Н.В.Гоголя» Сообщ. И.С.Аксаков. — «Рус. Архив». Кн.1. № 4. С.706-724. ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 3158.

ГОГОЛЬ-БЫКОВА Елизавета Васильевна (1822 — 1866), авт. воспоминаний.

Сестра Н.В.Гоголя. Воспитывалась под его наблюдением. Оконч. Патриотич. ин-т в СПб. Сохран. много писем Гоголя к Г.-Б. Лит-мемуарный рукописный альбом (2 тт) Г.-Б. хран. в Петрозаводском семейном архиве потомков сестры Гоголя. (О нем см. Тарланов Е.З. «Альбом Е.В.Гоголь-Быковой» — «Памятники культуры. Новые открытия». М., 1987. В альбоме — автографы ее современниц и современников: Аксаковых, П.И.Раевской, С.Н.Молчановой, С.В.Скалон. М.Н.Синельниковой. Н.Лукиянович, В.Черныш, П.П.Косяровского, М.А.Максимовича и др. Г.-Б. — авт. мемуаров «Из записок Е.В.Гоголь» — «Русь», 1885. № 1. В Ин-те лит-ры им Т.Г.Шевченко хран. дневник Г.-Б.

Продолжение на стр. 57

Ника РАКИТИНА,
Михаил БОБРОВ, Гомель (Беларусь)

Между мечом и кирпичом (Жанры, как они есть)

*Хотя толстый соболь также подходит под определение
«плотно закусивший сибирский пушной зверек»,
путать его с полным песцом есть крупнейшая ошибка буржуазии...
В.И. Енисенин*

Когда-то давно компьютеры были большими, а жанрового разделения текстов не было. И хотя еще Аристотель и постарался разложить все по полочкам и загнать каждую божью коровку в божье стойло, но писатели взирали на него не особенно. Почему же сегодня все оглядываются на жанр и формат?

Славный рыцарь дон Читатель пользуется жанровыми определениями примерно как ныряльщик — картой дна водоема. В большинстве случаев человек знает, каких ощущений желает от книги (фильма, пьесы и пр.). И потому всегда всматривается в ярлычки — чтобы не выловить вместо карася пороса. А вслед за доном Читателем удобный механизм маркировки используют дон Издатель и дон Писатель. Причем если дон Писатель вкладывает в текст ум и время, то дон Издатель прежде всего — средства. И, конечно, от вложенных средств ожидает отдачи. А если не туда вложил?

Так что в настоящее время вся многочисленная рать жанровых определений, поджанров, «комплексных обедов» — чисто технологическая принадлежность издательского процесса. С помощью броских этикеток (фэнтези — это отстой! Настоящая литература — это реализм... мэйнстрим! Производственный роман в массы!) формируется поле представлений Читателя — о литературе. Как о наборе цветных кубиков.

А если вдруг попадется не кубик? Шарик? Или кубик с шестью дырочками для улиток вместо высочайше одобренных четырех?

Неформат!!! Ату его! «Читателю это не интересно...» — говорят увешанные дипломами и ноутбуками менеджеры по исследованию читательского спроса. И сразу вспоминается из «Сказки о тройке»:

«— Народ... смотрит вдаль. Эти плезиозавры народу...

— Не нужны!! — выпалил Хлебовводов из малого калибра — и промазал».

Подмена понятий, происходящая в данном месте, нам больше всего и не нравится. Сперва издатели формируют читательский спрос — в основном, рекламой и заказной критикой. Затем изучают этот самый спрос — «Статистика наука точная. Чего надо, она в точности и покажет». А потом говорят примерно так: «Издатель сам не выбирает, что печатать. Он опирается на мнение читателя». Которому перед этим промыли мозги: «Сложного не хотеть, это непрестижно. Умным быть не надо, это хлопотно. Надо лежать на диване от фирмы ХХХ, мечтать о мартини от УУУ и покупать ЙИЙ. Желательно в кредит».

А если кто соскучился по умной книжке, так это ж интеллигенция гнилая. Извините, политкорректная. Пожалуются в сети, что читать нечего — да и разойдутся по рабочим местам. Дону Издателю кассу делают не они — дон и не чешется: «А мне выгодно издавать г...о. Все равно купят».¹

Хороших книжек так же мало, как и читателей, способных их оценить. А станок-то загрузить надо.

И тут из-за угла появляется штамп. Каждый жанр когда-то был новинкой — как и любое изобретение. Но потом, отполированный до блеска многочисленными применениями, превратился в часть земной культуры. Понятно, что совсем без штампов обойтись нельзя: монеты вручную чеканить не будешь. Но даже монетный штамп время от времени изнашивается.

Вот и скатился книжный рынок до наборов клише.

¹ Это вполне реальное высказывание вполне реального московского издателя.

Ника Ракитина, родилась в Гомеле, Беларусь Стояла у истоков гомельского толкинизма и рыцарства. Любимая эпоха — западное средневековье. Любимое оружие — клеймора. Любимый город — Вильня. Любимый зверь — кот. Любимое занятие в рабочее время — детский литературный клуб «Н.Л.О.». Любимое занятие в свободное время — писательство.

Не сразу скатился. Сперва — когда железный занавес грохнулся — к нам хлынула западная фантастика. Стало можно! И Муркока! И идеологически невыдержанного Железного! И Толкина всего перевели — а не только первый том. Все, что остальной мир писал лет сорок-пятьдесят, «самая читающая» страна получила года за три. И переварила. А тут еще всплыли местные авторы, которые терпеливо складывали страницы в стол. Складывали десять и двадцать лет; и вдруг за два года на станок — скачком, как у Гегеля. И вот рынок насыщен новыми текстами; и выбирать как будто есть из чего; и формируется устойчивое общественное мнение — что читать, под кого подделываться, к кому продолжения и пародии клепать...

А потом сливки кончились. Осталось молоко, разбавленное в лучших традициях Советского Союза. Но к прибылям уже привыкли. Да и читателей приучили искать знакомые ходы и сюжеты. И пошла осетрина второй свежести. Открываешь первые десять страниц: ага, это в стиле мэтра такого-то. А вот это, рядом — в стиле мэтра такого-то. Мэтрострой. Все знакомо, все понятно, все угадывается на десять ходов вперед... зачем читать? И зачем переводить бумагу на «двести шестьдесят восьмое правило волшебника», если вполне достаточно абзаца, чтобы все всем стало понятно? Берем меч, берем кирпич (заменяющий классово чуждый нам файерболл), притягиваем за уши Героя и Темного Властелина — и вуаля. Все жанры в гости будут к нам. А если чего забыли в процессе, то коллективный разум в лице благодарных читателей всегда расширит и дополнит нижеследующую коллекцию.

0. Производственный роман.

Темный Властелин мешает герою произвести меч при помощи кирпича. Но герой добывается своего при помощи высоких технологий и товарищей по коллективу.

1. Мэйнстрим, он же реализм.

Произведенный меч помещен в музей из кирпича. Герой ходит на работу, Черный Властелин с телохранителями мирно ужинает в ресторане.

2. Твердая (она же хардкорная) научная фантастика (она же НФ).

Наши гениальные ученые после многолетнего упорного труда оцифровали меч и кирпич и сразились с Черным Властелином Запада на ученом совете.

3. Киберпанк.

Оцифрованный в предыдущем определении меч находит героя, подключенного к сети из мегакирпичей, и направляет его на борьбу с Синим Властелином Запада, мирно ужинающим в ресторане на астероиде.

4. Космическая опера.

Мирно ужинавший в ресторане на астероиде Синий Властелин захватывает галактическую принцессу, заключая ее в темницу из мегакирпичей. После чего герой, получивший лазерный меч, спасает принцессу от Синего Властелина, а Галактику от инфляции.

5. Любовный роман.

Принцесса, влюбившись в Синего Властелина, в промежутках между постельными сценами отбивается

от героя при помощи меча и кирпича. Герой умирает от неразделенной любви.

6. Боевик.

Герой, ненавидящий Красного Властелина, в промежутках между сражениями мечом и кирпичом затаскивает в постель принцессу, служанку, повариху и всех особ женского пола, встреченных в процессе. Красный Властелин умирает от зависти.

7. Эпика.

В поисках обручального кольца бабушки Темного Властелина герой, собрав полки и воздвигнув кузницу из кирпичей, кует заговоренный меч-кольцеискатель. Продолжение следует.

8. Апокалипсис.

Темный Властелин находит обручальное кольцо своей бабушки раньше героя, после чего существование мира представляется ему излишним. Героя спасает волшебный меч, а уцелевший кирпич старого мира становится могущественным и священным артефактом нового.

9. Постапокалипсис.

По взорванному бабушкиным кольцом миру бродят герой и Темный Властелин, прорубаясь сквозь полчища крыс и устанавливая памятные кирпичи на местах сгнивших городов.

10. Готика.

На руинах старого мира вапмиры и оборотни создают новую цивилизацию. Герой объединяется с Темным Властелином, при помощи меча и кирпича освобождая принцессу, томящуюся в мрачном и таинственном замке.

11. Хоррор.

Освобожденную принцессу, героя и Темного Властелина преследуют призраки прошлого мира. Меч и кирпич требуют от каждого крови, но не получают ничего.

12. Сказка.

Злая мачеха выбрасывает из дома героя, его меч и кирпич. Но неустрашимый герой сражает трехголового Темного Властелина, и они вместе дают пир на весь мир в мрачном и таинственном замке.

13. Постмодерн.

На руинах дома злой мачехи вампиры освобождают Темного Властелина от бабушкиного обручального кольца посредством меча, кирпича и улик, собранных принцессой посредством соблазненного ею героя в ресторане на астероиде.

14. Фэнтези европейская.

Совершив долгий путь в компании друга и принцессы, Герой убивает Темного Властелина мечом и кирпичом.

а. Фэнтези американская.

В расцвете темных сил Ультрафиолетовый Властелин третирует отца, мать, бабушку и собаку героя. Выросший герой находит под кирпичом раскладной меч, при помощи которого мстит.

б. Фэнтези восточная.

Инфракрасный Властелин, одержимый принцессой-оборотнем, прячущей хвост под кимоно, уничтожает родную деревню героя в попытках найти меч и кирпич. Герой, спасший меч и кирпич, находит мудрого учителя, который объясняет ему, как пользоваться тем и другим.

После многочисленных превращений, откровений, знамений и таинственных встреч выясняется, что учитель и есть Инфракрасный Властелин, устроивший все это для духовного совершенствования героя.

в. Фэнтези славянская.

Герой-берсеркер, владеющий рецептом мухоморного меда и тайной священного Стрибожьего кирпича, передающегося в его роду по второй средней линии, совокупно с Тором, Одним, Перуном и Ладой гоняет Темного Властелина по Муромским лесам, за что при завершении книги получает от реконструкторов мечом по голове.

15. Политический роман.

При помощи черного пиара Темный Властелин становится Белым, занимая пост губернатора Калифорнии, и тотчас начинает уничтожение космической программы, в чем ему и мешает герой посредством дедушкиного меча и высокотехнологичного кирпича, в котором заформован компакт-диск с компроматом на Темно-Белого Властелина.

16. Детектив.

Герой убит неизвестными лицами. Несправедливо обвиненный в этом Черный Властелин при помощи меча и кирпича расследует дело, ищет улики, затем вычисляет и карает убийцу.

17. Авантюрный роман.

Герой протыкает шпагой кирпич, кружева, камзол, Темного Властелина, завоевывая сердце прекрасной дамы и благосклонность короля.

18. Исторический роман.

Герой протыкает исторически верной шпагой исторически верный кирпич, исторически верные кружева, исторически верный камзол, исторически верного Темного Властелина, завоевывая сердце исторически верной прекрасной дамы и благосклонность исторически верного короля.

а. Вестерн.

Герой верхом на мустанге догоняет поезд Темного Властелина, похитившего из банка антикварные меч и кирпич. Индейцы догоняют героя. Ковбои догоняют индейцев. Шериф догоняет ковбоев. Последним скачет кинооператор.

19. Альтернативно-исторический роман.

Темный Властелин протыкает шпагой кирпич, кружева, камзол, главного героя, завоевывая сердце прекрасной дамы и благосклонность короля.

20. Юмористическая фантастика.

Пьяный омовенец, попадая в Зазеркалье, отмывает Темного Властелина до состояния чисто-главного-героя, после чего баба-яга, оказавшаяся принцессой, вручает обоим переходящие меч и кирпич за спасение древнего Муромского леса.

21. Мистика.

Меч, кирпич и главный герой лежат сами по себе. Темный Властелин умирает от неизвестных причин, в виде призрака скитаясь по мрачному таинственному замку и наводя ужас на принцессу.

22. Религиозный роман.

Праведный герой изгоняет призрак Темного Власте-

лина из мрачного таинственного замка, после чего все уходят в монастырь славить меч и кирпич.

23. Психоделика.

Меч, кирпич глотай не хнычь ножик Довлатова уши распятого кролика лохматого главный герой в массе сырой темный властелин как дырка один.

24. Фанфик.

Темный Властелин пишет продолжение истории главного героя. Главный герой пишет продолжение истории Темного Властелина. Меч и кирпич обмерены, сфотографированы и помещены в Национальную Библиотеку Конгресса.

25. Новеллизация.

Кинооператор пишет роман по вестерну, в съемках которого скакал последним.

26. Мемуары.

О своей бурной жизни с мечом и кирпичом пишут Разноцветный Властелин, главный герой и принцесса.

27. Стим-панк.

При помощи мономолекулярного кирпича герой останавливает сошедший с ума паровоз принцессы, а мечом протыкает дирижабль Черного Властелина, за что королева Елизавета Виктория возводит их всех в рыцарское звание.

28. Мэри Сью.

Автор тщательно описывает себя в качестве главного героя, пририсовав волшебный меч и бесконечный кирпич, с помощью которых уделывает все, что движется. Темный Властелин умирает от зависти к мании величия автора, а принцесса устает отбиваться от соперниц, ставших в очередь к постели.

29. Поваренная книга.

При помощи меча отформуйте кирпич, посыпьте сахарной пудрой и поместите в духовку для выпекания.

Эпилог

Смешно? Так почему от книг, сляпанных по этим шаблонам, хочется ржать, как лошадь Буденного, или рыдать, как царевна Несмеяна?

Жанровое деление — сильный инструмент. В руках мастера создает шедевры. Руки лентяя режет. Если бы при этом еще и читатели не страдали!

В любой области (наука, менеджмент, разведение хомячков) открытия делаются как в глубине одной отрасли — так и на стыках отраслей; причем последних даже больше. Любой хороший текст содержит понемногу от разных жанров. Так почему нам бояться неформата? Он расширяет палитру, а вместе с ней и сознание. Как читателя, так и писателя.

Именно экспериментов издатели и боятся. Будучи издателями, мы бы тоже двадцать раз подумали. На проверенных жанрах легко собирать урожай. Издавать неформат рискованно — он думать заставляет; а думающая аудитория всегда меньше слепо верящей печатному слову. Следовательно, и прибыль меньше. Кроме того, думающие читатели вряд ли станут покупать второсортную с картонными героями и сюжетными ходами, избитыми до потери пульса. Тупик?

Алекс БОР, Тверь

Где-то там, на окраине...

Лирическая фантазия

Посвящается Kitty,
которой тоже знакомы пространства виртуальных миров...

«Мой дом — где-то там, на окраине...» — эти слова до сих пор звучат в моей опустевшей душе.

Они — как полустертое воспоминание о несбывшемся. Я вспоминаю уснувший Город, прозрачное серебро звезд над головой. Легкий ветерок робко перебирает незримые гитарные струны. Море уснуло, набережная безлюдна, и только торопливые волны с легким обиженным плеском разбиваются о гранитное основание паркета.

Иллюзорный, несуществующий мир, который только кажется живым и реальным.

Ты стоишь рядом — я могу протянуть руку и коснуться твоего обнаженного плеча, ощутив доверчивое тепло твоей кожи и струящийся шелк мягких волос.

То же самое можешь сделать и ты — но то будет не настоящее прикосновение, а лишь похожая на реальность иллюзия, потому что мы оба — виртуальные фантомы, миражи, упорядоченный набор электронных импульсов, порожденный компьютерной программой.

Как и сам Город...

Все знают, как красивы миражи в знойной пустыне — но они могут убить умирающего от жажды путника.

«Мой дом — где-то там, на окраине...» — эти короткие строки сводят меня с ума. Они — единственное, что осталось у меня от тебя, когда ча-

рующий мираж рассеялся в пронзительно высоком и ясном небе, и я понял, что мне не суждено доползти до спасительного оазиса и приникнуть иссушенными зноем губами к сладкому источнику живительной влаги.

Я никак не могу вспомнить, какие слова звучали дальше в этом коротком стихотворении, которое ты читала мне, когда на Город опустилась звездная ночь, и мы неспешно гуляли по залитой рассеянным лунным светом набережной, вслушиваясь в сонные вздохи близкого моря. Всюду куда-то ушло, исчезло в плотное пелене густого тумана, и не хочется верить, что мы уже больше никогда не встретимся.

Но ведь мы никогда и не встречались — за пределами виртуального мира!..

Просто я бродил по Городу и случайно — на свою радость и на свою беду — нашел твой Дом. Случайно — потому что Город огромен, можно даже сказать — бесконечен, в нем — миллиарды Домов, и легко затеряться в замысловатых лабиринтах этого густонаселенного — и в то же время необитаемого мира, который носит имя ГалНет.

Галактическая сеть...

Виртуальное отражение реального мира.

Мир, в котором можно забыть о проблемах и почувствовать себя свободным и счастливым.

Зачем, зачем я постучался в дверь розового дома с белыми колоннами, на треугольном фронте которого серебрилась, чуть мерцая,

Алекс Бор (Алексей Борисов) родился 14 января 1969 г. в городе Калинин (Твери). Окончил филологический факультет Калининского (Тверского) государственного университета. Катализатором собственного творчества стало знакомство в 1985 г. с романом Владислава Крапивина «Голубятня на желтой поляне» и фильмом по книге Кира Булычева «Гостя из будущего». С тех пор пишет фантастические, романтические, лирические, иронические рассказы и повести.

как ночное звездное небо, яркая надпись: «Добро пожаловать! Я всегда рада видеть тебя!»?

Я постучался, не раздумывая ни доли мгновенья, потому что сразу понял, что те слова были обращены именно ко мне.

Сиреневая дверь, пестро украшенная нарисованными цветами, которые тем не менее казались живыми, открылась, и тут же истончилась, растворяясь, и превратилась в мириады разноцветных бабочек. Мягко зашелестели перламутровые крылышки, сияя алмазными росинками в ярких лучах застывшего в зените солнца.

Я смело шагнул в радужный прямоугольник входа и, сопровождаемый пестрым эскортом, прошел через длинные анфилады комнат, оформленных в древнем готическом стиле, и остановился у порога уютной гостиной, словно перенесенной сюда со старинных холстов, изображавших интерьеры дворянских усадеб. В центре комнаты стоял стол, накрытый белоснежной скатертью, по бокам располагались две шеренги стульев с выгнутыми спинками и резными ножками. В углу, у окна, расположилось черное фортепиано. Отполированный зеркальный паркет сверкал, ослепляя глаза ярким блеском.

А у распахнутого настежь окна, за которым виднелся яблоневый сад, стояла невысокая девушка, облаченная в серебристо-белые одеяния. Длинные темные волосы струились, обнимая узкие плечи, под тихим дыханием робкого ветерка, случайно залетевшего в дом из цветущего сада.

Девушка обернулась, и я увидел ее глаза. Глаза большие и выразительные. Зрачки, подобно двум небесным звездочкам, слабо мерцали в наполненной глухим шелестом мягких крыльев перламутровых бабочек тишине гостиной. Так, наверное, доверчиво мерцает доброе пламя ночного костра, разожженного на лесной опушке, чтобы утомленный долгой дорогой путник не заблудился в пути...

То были глаза доброй волшебницы, глаза чаровницы. Я смотрел на тебя — да, это была ты, — и мне казалось, что я погружаюсь в темные бездонные озера. Я тонул, но не чувствовал страха, не боялся захлебнуться в этих чистых, божественных водах.

Я не помню, как решился заговорить с тобой.

«Ты красивая!» — сказал я. Виртуальное общение накладывает свои правила — в Городе не принято обращаться на «вы», это считается дурным тоном.

Ты приветливо улыбнулась мне — твоя улыбка была чистой и доброй, даже в гостиной стало светлее. А серебристый рой бабочек, танцевавший вокруг гроздей хрустальной люстры, вдруг стремительно вылетел в распахнутое окно, растворившись в сиреновом небе.

— Проходи, садись, — приветливо сказала мне ты, указывая на стол, посреди которого уже

возвышался, радостно дыша горячим паром, самовар. Самый настоящий старинный самовар с отполированными до зеркального блеска медными боками, которые отражали моё недоуменное лицо.

Я сел напротив тебя, и мы пили чай с клубничным вареньем, разговаривали — и нам обоим казалось, что мы знакомы уже очень давно.

Всю жизнь...

— Ты откуда? — спросил я, когда биотаймер возвестил, что мне пора покидать Город.

— С Окраины, — мягко улыбнувшись, ответила ты.

Окраиной называлось Приграничье, спорные территории, предмет многовековых раздоров между Галактической Федерацией и Империей. Окраина была не очень удачным местом для жизни — там время от времени происходили пограничные конфликты с участием патрульных кораблей. Но до большой войны дело пока не доходило...

Я жил на Старой Земле. Колыбель человечества тоже была своего рода окраиной. Окраиной Федерации. Тихой, провинциальной планетой. Историческим заповедником, где в нетронутым виде сохранялись старинные города. На Земле запрещалось строить гигантские мегаполисы, которые опоясывали другие планеты, диктуя ускоренный ритм жизни.

Я не успел сказать тебе, что живу на Земле. Если бы ты узнала правду, наша первая встреча наверняка бы стала последней.

Мы бы не успели привыкнуть к друг другу, не успели бы почувствовать взаимную симпатию.

Не успели бы полюбить...

И не мучила бы сердце острая боль от неизбежной разлуки...

На следующий день я снова пришел к тебе — я хорошо запомнил дорогу к твоему Дому. Ты уже ждала меня, но не в гостиной, а на крытой веранде, опоясывавшей дом по периметру.

И до позднего вечера, до ярких звездных россыпей, мы гуляли по приморской набережной, и ты читала мне свои стихи, из которых в памяти осталась только одна строчка — «Мой дом — где-то там, на окраине...»

— Ты хочешь встретиться по-настоящему? — спросила ты, когда мы остановились у гранитной лестницы, которая вела к ажурному мосту, висевшему над Городом, касаясь металлическим фермами редких облаков.

В твоих больших карих глазах-озерах я увидел затаившееся ожидание.

— Конечно, — ответил я.

— Значит, встретимся, — радостно улыбнулась ты.

— Когда? — порывисто спросил я, касаясь непослушными пальцами твоей ладони.

— Через неделю, — на этот раз улыбка была грустной.

— Почему? — ужаснулся я. Неделя — это очень большой срок. Порой недели длятся дольше, чем сама вечность...

— Мне надо слетать по делам на Сакраплу.

— Но ведь мы увидимся в Городе...

— Нет, — покачала головой ты. — На Сакрапле не поощряют странствия по Сети...

— Почему? — удивился я.

— Это у них надо спросить, — печально ответила ты.

— А Сакрапла — это далеко?

— Не очень, — ответила ты, задумчиво улыбаясь каким-то своим мыслям. — Второй рукав Галактики.

Я кивнул. Это действительно было недалеко.

На полпути к Земле...

— До скорой встречи, — сказал я.

И мы оказались у порога твоего Дома — Город умеет угадывать наши желания. Разноцветные бабочки, сверкая перламутровыми крылышками, радостно кружились в воздухе, приветствуя нас.

— До скорой встречи, — тихо ответила ты.

И перед тем, как покинуть Город, я услышал тревожное:

— Сакрапла — это не Ауэя... Мы встретимся...

И — напряженная, оглушающая тишина вокруг. Как перед сильной грозой...

— Что такое Ауэя? — резко оборачиваюсь я.

— Планета, — отвечаешь ты, открыто глядя мне в глаза. — Я прочитала о ней в одной древней фантастической книге...

Я не успеваю ничего уточнить — пространство подернулось плотной пеленой, искажая очертания Города...

«...Мой дом — где-то там, на окраине...» — звучит печальный рефрен, заставляя больно сжиматься сердце, из которого навсегда ушла надежда.

И я снова стою у гранитного парапета на бережной, слышу сонное шуршание моря.

А рядом со мной стоишь ты...

Мы стоим рядом — два фантома созданного компьютерной программой виртуального мира, в котором можно всё — и любить, и ненавидеть, и радоваться, и страдать.

В нем нельзя только жить — жить так, как живут люди. По-настоящему...

Стемнело, и по зыбкой морской глади провела дорожку желтая, как спелый апельсин, луна. Алмазное крошево звезд горит в вышине. Легкий ветерок, налетевший с моря, охлаждает мое разгоряченное лицо — я уже представляю нашу встречу за пределами виртуального мира, и ощущаю

ГОГОЛЬ–ГОЛОВНЯ Ольга Васильевна, авт. воспоминаний.

Мл. сестра Н.В.Гоголя. Авт. воспоминаний «Из семейной хроники Гоголей: (Мемуары О.В.Гоголь-Головни)». Киев, 1909.

ГОГОЦКАЯ Евдокия (Авдотья) Ивановна, издательница.

Жена С.С.Гогоцкого, проф. ун-та св. Владимира. Издавала газ. «Киевский телеграф» (1874-1876).

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.

ГОДОВНЕЛЕНКОВА Евпраксия (1838 — ?), поэтесса.

Сотр. «Биб-ки для Чтения».

Венгеров, Источ.

ГОДУНОВА Ксения Борисовна (? — 1622), предполагаемый автор песен о своей горькой судьбе.

Дочь царя Бориса Годунова. Вместе с братом — Федором — получила хорошее домашнее образование; была «писанию книжному искусна», т.е. искусной в переписывании книг. После смерти отца была пострижена в монахини под именем Ольги и сослана в монастырь на Белоозеро. Об этой поре своей жизни и поется в ее письмах, тексты которых были записаны английским бакалавром Ричардом Джемсом. О ней: Мордовцев Д.Л. Русские женщины; К Лихачева Е., с.27.

ГОЖАНСКАЯ-СЛУЦКИНА С.

Д-р медицины Бернского ун-та 1890 г. Авт. кн. стихов «Солнечный дождь» (Пг. 1917) — рец.: Л.М. \\ Мысль. 1917. 11 дек. Сотр. со стихами в журн. «Творчество» (1918. № 1, 2). Участв. в «Антологии революционной поэзии. Кн. 1». Ташкент, 1919 и в сб. «Новый ттец-декламатор» М.-Пг., 1923.

Венгеров, Источ.; Розанов; ЛЖР.

ГОЗАДИНОВА Е.

Сотр. «Рус. Педагогич. Вед.» 1860-х гг.

Венгеров, Источ.

ГОЛАВЛЕВА Е., поэтесса

В 13 лет напис. стихов. «От дочери к отцу» («Благонамерен.» 1825).

Венгеров, Источ.

ГОЛЕМБОВСКАЯ Мария

Авт. кн. «Беседы старого солдата и его жены с крестьянами, крестьянками и их детьми» (СПб., 1850) — рец. Отеч. зап. 1850. Т. 73. Отд. 6.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.

ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА Анастасия Васильевна (урожд. Серебрякова; 1866 — ?), беллетристка и драматич. писательница.

Род. в обл. Войска Донского в им. Себрове, дочь камергера.

Венгеров, Источ.

ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА В.И.

(См. Бакунина В.И.)

ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА СМОЛЕНСКАЯ Екатерина Ильинична, светл. кн. (урожд. Бибикина; 1754 — 1824), писательница.

Жена фельдмаршала кн. М.Л.Голенищева-Кутузова Смоленского. Всегда была советчиком и верным другом своему супругу. Их переписка, сохранившая множество подробностей домашней и светской жизни семьи Кутузовых, на многие годы стала единственным средством общением между мужем и женой, которых разделяли то войны, то дипломатические и административные миссии. Г.-К. жила в СПб. широко и открыто. Она занималась литературой, переписывалась с Жерменой де Сталь, страстно любила театр. В ее гостиной, наряду с актерами французской труппы, можно было встретить и корифеев русской сцены. После Бородинской битвы Г.-К. была пожалована статс-дамой. После смерти ее мужа Александр 1 пожаловал ей в пожизненную пенсию полное заграничное содержание фельдмаршала. Похоронена в церкви Александро-Невской Лавры. Портрет Г.-К. написал известный художник Виже-Лебрен. О ней: Российский архив. Вып. У11. М., 1996. («Галерея»).

Венгеров, Источ.

Продолжение в следующем номере

на губах сладкий вкус поцелуя. Нашего первого поцелуя, самого страстного и нежного...

...Через неделю ты сама нашла меня в моем Доме, который после встречи с тобой я перенес на берег моря. Чтобы наши Дома стояли рядом...

— Где ты живешь? — спросила взволнованно.

— На Старой Земле, в городе Староволжске, — ответил я. — Я же переслал тебе координаты...

— Если это шутка, то не очень удачная, — хмуро ответила ты. — Старой Земли нет. Империя уничтожила прародину человечества два века назад...

— Разве? — я нашел в себе силы усмехнуться. — По-моему, ты что-то напутала. Я живу на Земле уже лет десять...

— Но этого не может быть! — упавшим голосом произнесла ты, на твоём лице застыло недоумение. — Земля погибла...

«... Мой дом — где-то там, на окраине...»

Мир перевернулся, словно потерял устойчивость, и почва стала стремительно уходить из-под ног. Чтобы не упасть, я ухватился за металлическое ограждение решетки.

Море дремало, и только легкие всплески разбивавшихся о гранит волн нарушали его сонное спокойствие. Желтая луна равнодушно взирала на нас с небес. Серебряная лунная дорожка дрожала зыбкой рябью. Стекланные глаза звезд смотрели на нас с холодным безразличием. Злой порыв тугого ветра, внезапно налетевший со стороны скрытого в густом тумане Города, обжег холодом разгоряченное лицо.

— Я поняла, — донесся до меня, словно издалека, твой слабый голос. — Мы живем в разных...параллельных мирах. Мы никогда не сможем встретиться...

Ты это поняла гораздо быстрее меня...

Оглушенный и опустошенный, я стоял, вцепившись в холодную сталь решетки, и перед моими глазами слабо мерцала лунная дорожка — но я видел только тебя...

...Тонкие, полуоткрытые губы, которые никогда не смогу поцеловать...

...Длинные шелковистые волосы, по которым никогда не проведу ладонью...

...Карие глаза, в глубине которых я никогда не смогу утонуть...

Я чувствовал, что сейчас расплачусь, как в далеком детстве плачут от жестокой обиды — навзрыд. Мне казалось, что меня жестоко обманули, отняв у меня веру.

Веру во Встречу...

Сквозь грубую пелену плотного тумана я едва различал твое бледное лицо. По твоей щеке медленно поплыла прозрачная слезинка, оставляя узкую печальную дорожку.

Слеза и проложенная ею дорожка казались настоящими.

Очень реальными.

Виртуальные фантомы тоже умеют плакать — программа, создавшая Город, умеет читать мысли и чувства его обитателей...

Но мы же не фантомы! Не миражи! Фантомы и миражи рассеиваются, как только мы уходим из Города, возвращаемся в ненадолго оставленный реальный мир.

Фантомы и миражи исчезают — а мы остаемся.

И вместе с нами остается наша память — память о том, что произошло с нами в Городе.

Ведь мы — люди. Обыкновенные люди, которые научились жить в виртуальном мире. Любимый человек может войти в ГалНет и построить в Городе свой Дом.

Мы покорили виртуальный мир — но стали ли мы от этого счастливее?

— Я нашел тебя на свою радость и на свою беду, — тихо произнес я, вложив в эти слова всю свою невысказанную боль.

— Извини, — зачем-то сказала ты. И побежала по залитой равнодушной лунной желтизной брусчатке, гулко стуча острыми каблучками. Вязкий звук твоих шагов повис в плотном ночном воздухе. Он не исчез даже тогда, когда ты сама растворилась в плотном мареве опустившегося на Город тумана.

Я едва не бросился за тобой следом, чтобы догнать, обнять и вернуть — но остановился посреди дороги, не сделав и двух шагов.

Догонять тебя не было смысла...

Ведь параллельные прямые все равно не пересекаются...

Но Сеть каким-то образом сумела соединить две наши Вселенные, лежащие в разных, но так похожих мирах — в обоих есть Федерация и Империя, которые враждуют не одну сотню лет.

Но в твоём мире Империя убила Землю.

Тихую, спокойную планету.

Исторический заповедник...

Я бы не хотел жить в таком мире.

А ты наверняка захотела бы поселиться в моем мире, но...

Параллели не пересекаются.

«Мой дом — где-то там, на окраине...»

Я больше никогда не увижу Город.

Потому что я хорошо запомнил дорогу к уютному дому с белыми колоннами, на треугольном фронте которого приветливо горит, ярко мерцая, добрая надпись: «Я всегда рада видеть тебя!»

«Мой дом — где-то там, на окраине», — доносит ветер тихую мелодию, наполняя черной печалью истерзанное сердце.

Инна ГЛАДКОВА,
иллюстрации
подготовил
Эдуард Гильман

Харитоновский дворец на Вознесенской горке

Путешествие вне хронологии

После этого путешествия он проживёт ещё 44 года, больше половины из них успеет даже поцарствовать. Только повествование это даже не о нём, хотя и с его непосредственным участием. Нам больше интересны его попутчики – их впечатления. Только об этом чуть позже. Итак, отроку 19 лет, он статен, умен, чрезвычайно образован, и сейчас по желанию своего царственного батюшки для знакомства с будущими обширными владениями ехал «обозреть Империю, сколь сие возможно, и дать себя видеть будущим поколениям». Летом 1837 года после долгих и утомительных дней езды по пыльным дорогам роскошный царский поезд из девяноста подвод, растянувшийся на версту, через Московскую заставу въехал в Екатеринбург.

Само собой, встреча цесаревича – будущего императора Александра II – поставила на уши все губернские власти. На примере главного центра горного ведомства необходимо было показать развитие российской промышленности, строительство и благоустройство городов. На всём пути подготовить достойные места для остановок и отдыха, разместить сопровождающую свиту, кучеров, гувернёров, поваров, парикмахеров, лакеев, своевременно подогнать к местам проезда царского поезда свежих лошадей. Были и «потёмкинские деревни». Вдоль дорог выстраивали нарядно одетых крестьян, городские управители с поклонами преподносили

хлеб-соль. Каждое село или город встречали царский поезд перезвоном церковных колоколов.

А уж какое столпотворение произошло, когда кареты въехали на нашу Кафедральную площадь! Должно быть, к этому событию на ней даже вычерпали все лужи. Именно лужи. Мы ничего не придумали. Первые снимки этой площади – яркое документальное свидетельство.

Цесаревич, следуя предписанной ему программе (протоколу, как говорят нынче), торжественно въехал в город. В сопровождении только что назначенного на Урал главного начальника горных заводов генерала В.А. Глинка присутствовал на параде полка, который квартировал в военных казармах, выстроенных на склоне Обсерваторской горки. Казармы эти были созданы по указу Николая I, и престолонаследнику требовалось провести в них инспекцию. В завершение полк с оркестром браво промаршировал по самой большой в то время Сенной площади (позже парк имени Павлика Морозова). После этого был обед, а потом бал с приглашением прибывшей из Перми губернской и екатеринбургской городской знати. На этом завершился визит наследника престола, и потом непременно следовал торжественный выезд его из города.

Однако цесаревич задержится в Екатеринбурге на целых четыре дня. Этот край и его недра пре-

поднесли ему много познавательного. Он побывал не только на золотых шахтах Берёзовского, он видел также, как моют золото из речного песка. В то время уральская земля одарила казну и ещё одним редким богатством – были открыты уникальные изумрудные копи. Зелёные камни необыкновенной чистоты и оттенков не уступали знаменитым колумбийским изумрудам.

Но, вероятно, начал он знакомство с городом с того места, которое мы сегодня зовём Историческим сквером. Сегодня лишь один из сохранившихся корпусов в юго-восточной части напоминает потомкам о большом монетном дворе государства – об уральской «Монетке». Будущему царю-батюшке подсчитали, что с её открытия, то есть с 1725 по 1837-й годы, здесь было изготовлено почти 130 миллионов рублей в переводе на ассигнации. А это более 80 процентов всей российской мелкой медной монеты. Здесь трудилась огромная армия мастеровых и работных людей.

На прославленной Екатеринбургской гранитной фабрике молодой царевич своими глазами мог лицезреть процесс создания уникальных произведений искусства: удивительной красоты чаш, торшеров, столешниц из разноцветных яшм, родонита, малахита, лазурита, узорчатого змеевика и других красивых горных пород – изделий, которыми украшали лишь дворцовые палаты. Труд этот без современных камнерезных машин был каторжный. Кто бывал в Эрмитаже, видел, к примеру, торшер высотой под три метра из розового с темными разводами родонита, богато украшенного тонкой рельефной резьбой. Это одно из наиболее замечательных произведений талантливого уральского мастера Якова Коковина. На работу он потратил более пяти лет, годами, сантиметр за сантиметром, создавая рельеф – виноградные листья – стачивал вручную твёрдую горную породу, страшаясь, чтобы камень не дал трещину. И хотя в 1835 году мастер был оклеветан и осуждён, гранитная фабрика продолжала работать по заказам двора. Словом, было на что цесаревичу посмотреть во время его затянувшегося визита на Урал.

Однако мы не указали дом, где со своими приближёнными остановился высокий гость. В исторических справках значится, что в городе были специальные «Государевы хоромы», о строительстве которых ещё из екатеринбургской крепости доносил в Берг-коллегию подрядчик Емельянов. Мол, «их построили, строго руководствуясь чертежами, и высоких чиновников «есть где принять». Только ни на старых планах города, тем более – на поздних, эти хоромы не просматривались. Деревянные постройки, прежде составлявшие большую часть города-крепости, в первой четверти XIX века, когда Екатеринбург стал превращаться в белокаменный, либо заменили, либо они сгорели. А для престолонаследника, как и для его дяди, Александра I, посетившего Екатеринбург тринадцатую го-

Наследник цесаревич Александр Николаевич в 1833 г.

дами раньше, нашли, подходящие сану, хоромы. Дворцовый уровень главных построек, парков с стиле английского сада демонстрировали богатство форм архитектуры зрелого классицизма. Вот какую запись в своих воспоминаниях оставил ещё в 1824 году лейб-хирург Д.К. Тарасов: «Вечером 25 сентября император прибыл в Екатеринбург и остановился в приготовленном для него великолепном доме Расторгуева-Харитоновна». И теперь уральцы принимали высокого гостя в этом, самом лучшем по своему расположению и архитектурному великолепию дворце, о котором до сих пор ходят мрачные легенды.

По сохранившимся в ГАСО документам известно, что разбогатевший на продаже вина купец Лев Иванович Расторгуев на одной из семи горок-холмов, на которых стоит город – Вознесенской, приобрёл у вдовы одного из сановников в декабре 1798 года земельный участок и недостроенный дом. Желая расширить свои владения, он подал в Управу просьбу отвести ему место под устройство усадьбы ещё и на северном склоне, слывшем неудобицей. В прошении объяснял также, что желает обустроить это болотистое и топкое место, превратить его в сад с водоёмом, который бы украсил город.

Не без умысла пошёл в Управу Расторгуев. Дело в том, что тогда болотина эта выходила за окраину города – удобное место для схрона старообрядцев, к которым принадлежал Расторгуев. Он был истовым раскольником, представителем официально гонимой веры. В доме Расторгуева, в помещении, что под куполом, была тайная молельня, где часто собирались учителя и наставники этой веры «древ-

лего благочестия». В случае облавы старцев и стариц через подземные ходы, а далее – тайной тропой по склону, через болотце, выводили в дальние углы сада. Это была уже загородная территория, здесь не было царских застав. Вот почему хозяин аж десять лет не торопился превращать это место, как обещал, в роскошный парк. Но как же «купеческое слово»? В то время оно было крепче любого документа. Слово он нарушить не мог. Тем более богатства его приумножались. Он уже приобрёл у Демидова Каслинский и два Кыштымских железоделательных завода; у него были прибыльные золотые прииски... Так на северной стороне и появился красивейший парк. Маленькая речка-ручей с родниками превратилась в чистый живописный водоём, потом на нём насыпали островок, поставили беседку. Это пышное, на зависть соседям, благолепие образно описал в романе «Приваловские миллионы» Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Архитекторы и историки десятилетиями пытались разгадать, кто же был автором необычного проекта дома и усадьбы? Одни утверждали, что так строили в XVIII веке в городе Вольске, откуда родом был Расторгуев. Существовала также мрачная легенда о бессрочном каторжанине, лишённом имени. Будто опального зодчего Расторгуев нашёл где-то в Сибири, тайно привёз в Екатеринбург, пообещал по окончании строительства выхлопотать помилование... Однако недавно было установлено подлинное имя зодчего. Это был Томмазо Адамини. Родился в Италии, работал в России. По его архитектурным проектам построено несколько зданий в Петербурге (см. книгу Л.И. Зориной и В.М. Слукина «Улицы и площади старого Екатеринбурга»).

Роскошный дворец строился более десяти лет, а вместе со службами и устройством сада – почти двадцать. Почему так долго? Дело было не в средствах – деньги у Расторгуева водились. Но кроме видимого глазу сооружались прочные тайные подвалы, переходы, подземные тайники, приспособ-

ления под тюрьмы и казематы. Это не мифы, это реальность. Это подтвердили исследователи – один из тайных ходов под винным погребом в саду довелось обнаружить в 2000 году даже съёмочной группе телесериала «Екатеринбургские тайны». Мы ходили по оставшейся, уже малой части подземных

В. А. Жуковский

помещений, притронулись к тому, что сохранилось, что не было замуровано в результате провалов или при перестройке здания. В подвалах таинственно, эхом отдаются шаги, почему-то хотелось говорить шепотом. Всё огромное гулкое здание до сих пор по ночам жило тайной жизнью, полной звуков, шорохов...

Родовое гнездо было центром семейного клана. Худая слава о нём пошла ещё при жизни Расторгуева. Но тихая жизнь здесь закончилась с появлением в семье зятя – Петра Яковлевича Харитонов, богатого купца и золотопромышленника, человека необузданного нрава, жестокого, любителя шумных кутежей и развлечений, стоивших иногда жизни кому-нибудь из дворовых. В доме день и ночь играла музыка, в карты проигрывались целые состояния, пьяные гости мыли шампанским лошадей. Вместе с новоявленным родственником Григорием Зотовым Харитонов творил расправы над непокорными, вместе же они «прятали концы в воду» и в землю.

В конце концов, главным образом за казнокрадство, Харитонova и Зотова сослали на каторгу, на вечное поселение в Кексгольм – в Финляндию. Это произошло практически перед посещением Екатеринбурга цесаревичем. Только, думается, покой Александра не омрачался подробностями злоключений бывших владельцев роскошных апартаментов. В просторных залах шли балы, роскошный парк каждый вечер освещали фейерверки. Молодой цесаревич нескучно отдыхал.

Из большой его свиты выделим двух сопровождавших – В.И. Назимова и В.А. Жуковского. Был ещё и третий, хотя он присутствовал незримо. Этих просвещённых господ не радовало участие в пышных приёмах. Они готовы были двинуться в путь как можно быстрее. Они знали, что тысячевёрстый – Московский на запад от Екатеринбурга и Сибирский на восток – тракт для кого-то стелился шелком, а для кого – власяницей. Полковник артиллерии Владимир Иванович Назимов, позже генерал-адъютант, затем генерал-губернатор Западного края, состоявшего из Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний, сейчас, при цесаревиче, занимал должность военного инструктора и вообще был отменным служакой. Известный уральский поэт, краевед и историк Андрей Комлев – его потомок в четвёртом поколении – выяснил, что эта поездка была связана с тайной надеждой и Жуковского, и Назимова облегчить долю ссыльным декабристам. Назимов радел за своего четвероюродного брата Михаила Александровича Назимова, отбывавшего наказание в Курганском остроге. Полковнику, сопровождавшему цесаревича, было дозволено навещать брата. Есть свидетельства, будто бы наследник даже послал с фельдъегерем письмо императору Николаю I с ходатайством о возвращении на родину находившихся в Кургане декабристов. На что царь ответил, что «этим господам путь в Россию ведёт через Кавказ», и «всемилодивейше повелеть соизво-

Рис. В. А. Жуковского 30 мая 1837 г.

лил»: назначить их «рядовыми в Отдельный Кавказский корпус и немедленно отправить на службу!»

Имя В.И. Назимова мы встречаем в Российской истории ещё раз. Ему, когда он был уже генерал-губернатором Западного края, Александр II направил «Рескрипт» с программой реформы по отмене крепостного права. Ему, человеку из бывшего своего младенческого окружения, в 1857 году, то есть двадцать лет спустя, царь доверит образовать в каждой из подведомственных Назимову губерний первые комитеты из помещиков для подготовки важной реформы, отменившей позорное крепостное право.

Однако вернёмся в Харитоновский дворец. Вдругое время легенды о золотых кладах, ещё горячие в тот год, может, и повеселили бы одного из приближённых цесаревича – поэта-романтика В.А. Жуковского, имя которого всем известно ещё со школьной поры, поскольку стоит в учебной литературе рядом с именами А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Известный поэт, переводчик, соавтор текста официального русского гимна «Боже, царя храни» и стихотворения «Певец во стане русских воинов», положенного на музыку Дмитрием Бортнянским и ставшего неофициальным гимном во время войны с Наполеоном. Ангел-хранитель Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Батюшкова, Герцена, Фета, Языкова, Баратынского, художника Александра Иванова («Явление Христа народу»), многих декабристов, неоднократно выручавший их из беды и помогавший им своей сердечной поддержкой и деятельным заступничеством перед императорами Александром I и Николаем I.

Благодетель, выкупивший вместе с Карлом Брюлловым из крепостной неволи Тараса Шевченко – всё это один и тот же человек – Василий Андреевич Жуковский.

Однако сам он судьбой мог быть обречён на вечное крепостничество, потому что был внебрачным сыном помещика Афанасия Бунина и пленённой при взятии Бендер юной турчанки Сальхи. Усыновил его киевский дворянин Андрей Жуковский, дал Василию свою фамилию, дворянство и путёвку в достойную жизнь.

В российскую историю Василий Андреевич Жуковский вошёл как поэт и учитель русского языка великих княгинь Елены Павловны и Александры Федоровны (принцессы Шарлотты) – жены будущего императора Николая I, а с 1825 по 1841 годы – воспитатель наследника престола Александра Николаевича (будущего царя-реформатора), очевидец и свидетель всех важнейших событий русской истории первой половины XIX века. Но год 1837-й, в который мы его застали в Екатеринбурге, считал одним из самых горьких в своей жизни. Это был год невосполнимой утраты бесконечно близкого друга. С гибелью Пушкина, которого он боготворил, не раз спасал от царского гнева и преследований охранки, что-то умерло и в его душе. После похорон Жуковский поглощен очень трудным делом – собрал, чтобы не были утеряны в суматохе, рукописи поэта, подготовил их к изданию. Занимался материальным устройством семьи Пушкина.

В минуты прощания Жуковский успел сделать небольшой карандашный набросок с мёртвого Пушкина. Друзьям он потом скажет, что «лицо Пуш-

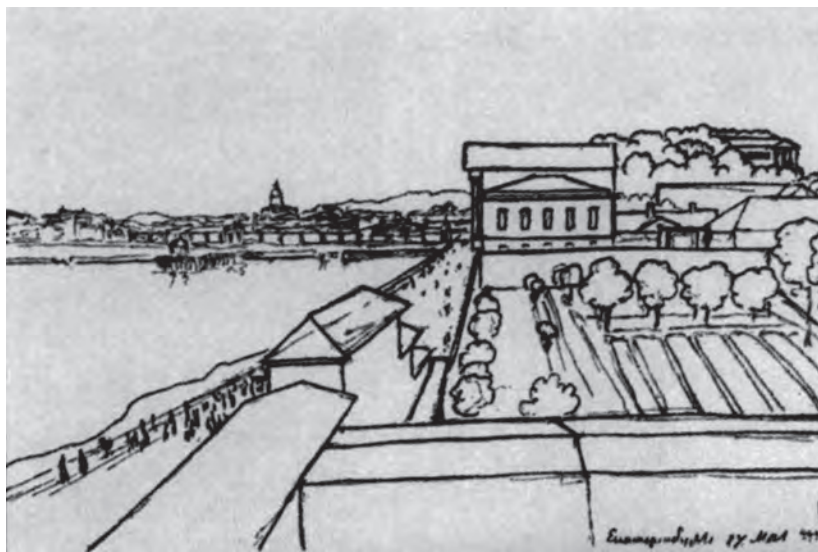

Рис. В. А. Жуковского 27 мая 1837 г.

кина поразило его строгой красотой, величественной и странной: в нём не было ничего земного; он преобразился».

И с этого дня В.А. Жуковский надел на руку и никогда с ним не расставался заветное кольцо-талисман, которое он снял с мёртвой руки друга и с разрешения Натали оставил у себя. С ним он приехал летом 1837-го в Екатеринбург. И мы с полным правом можем говорить, что два великих русских поэта – Василий Жуковский и Александр Пушкин в образе кольца-талисмана на его руке четыре дня находились в нашем городе. Этот же золотой перстень «позволил» великому Духу Пушкина, который при жизни был «невъездным», совершать вместе с Жуковским долгие поездки по странам Европы.

В 1841 году Жуковский, завершив свои занятия с наследником престола, переехал в Германию, в Дюссельдорф, женился на дочери своего давнего приятеля живописца Гергардта Рейтерна – Елизавете. И засел за свой последний монументальный труд – перевод на русский язык гомеровской «Одиссеи».

Жуковскому было «позволено жить там, где он найдёт для себя удобнее и приятнее». Но вскоре со стороны императорской семьи появляются первые сигналы о том, что поэту в скором времени необходимо возвратиться в Россию. Во всяком случае, ему предлагают переехать во Франкфурт-на-Майне, где располагалась русская миссия, где надзор за Жуковским был облегчён. Дом в пригороде, где поселилась семья Жуковских и Рейтернов, делается средоточием всех людей, отличающихся умом и образованностью. Здесь часто бывал Фёдор Тютчев, а Гоголь, мечущийся по всей Европе в поисках душевного покоя, подолгу жил. Сегодня дом этот во Франкфурте, к сожалению, не сохранился. В конце жизни Жуковский ослеп. Умер он в Баден-Бадене, завершив перед тем свой титанический литературный труд. Вскоре после захоронения в Баден-Бадене его тело «по высочайшему повелению» было перевезено в Петербург и с большими почестями предано земле в Александро-Невской лавре.

А мы ещё раз «отмотаем» время назад, возвратимся в старый Екатеринбург, который возбуждён посещением цесаревича. Жуковский, превозмогая свою душевную боль, в путевом дневнике, который должен был стать отчётом, не столько записывает впечатления от поездки, сколько делает быстрые карандашные зарисовки тех мест, по которым проходил путь. Вправду говорят: если человек талантлив, он талантлив во всём. Поэт был отличным художником. В затерявшихся музейных архивах Петербурга краевед Ю.М. Курочкин однажды обнаружил альбом замечательных рисунков Василия Андреевича Жуковского. Этих путевых зарисовок было сделано 175, из них 39 – на уральском отрезке пути. И все эти рисунки создала рука, на которой был надет заветный, магический сердоликовый перстень Александра Пушкина.

Василий ДЬЯЧКОВ

О дьячках

В далеком 1941 году я проживал на УЗТМ в одной большой хорошей семье Дьячковых, своих однофамильцев, на уплотнении. Их младший сын Костя жаловался, что его дразнят, обижают за его фамилию. Обзывают попом, дьячком, монахом и прочее. Даже учителя неуважительно произносят его фамилию.

Через много лет мы случайно встретились с ним в командировке, и Константин поведал мне историю своей фамилии, которую он когда-то страшно ненавидел и хотел сменить, когда вырастет.

...Густой туман завис над полем брани, как будто боялся нарушить покой храбрых богатырей, павших в кровавой сече за Русь, столь долго страдавшую от татарского ига. На краю бранного поля стоят с поникшими головами князья и их соратники. Кончилась минута молчания. Один из князей поманил рукой священника (в те времена воинство сопровождалось священниками) и сказал, обращаясь к нему, показывая рукой на бранное поле: «Смотри, святой отец, какое множество полегло русичей, сколь осталось сирот. Так вот, повелеваем детей-сирот этих воинов определить в храмы, монастыри и прочие молельные дома. Открыть там для них школы грамотейства. Пусть при дружинах и в других присутственных местах будут свои грамотеи, а не иноземцы. И обучать их четыре года за княжеский кошт и монастырский».

Через четыре года бесприютные дети, нареченные дьячками (писарями), заняли присутственные места в дружинах, канцеляриях и других службах в качестве секретарей, писцов, советчиков. Один из них и был моим предком, отсюда возникла моя фамилия. Должность дьячка в воинстве просуществовала до альпийского похода Суворова. Как-то дьячок замешкался, и Суворов в порыве гнева крикнул: «Где же он, церковное сословие? Подать мне писаря, долой дьячков».

Дьячок вбежал, остолбенел. Суворов, ткнув в него пальцем, сказал: «Отныне ты писарь, а не дьячок». Так возникла другая фамилия: Писарев. Но еще долго пребывали дьячки в присутственных местах по всей Руси великой.

фото: В. Байдукова

Ивдельлаг

Работа в послевоенные годы

С окончанием Великой Отечественной войны задачи, стоящие перед Учреждением, не стали легче. Для восстановления народного хозяйства требовались в большом количестве древесина и пиломатериалы. Подразделения Учреждения не только не снизили темп лесозаготовок и лесопиления, а продолжали их наращивать.

В 1945 г. были открыты Понильское и Шипиченское отделения. Уровень заготавливаемой Управлением древесины составлял 80% по городу. Следует заметить, что из пятидесяти населенных пунктов Ивдельского района больше половины возникло в связи с образованием колоний Ивдельлага, и они все стали градообразующими.

Как пишет в своих воспоминаниях И.И. Грауле, отбывавший срок наказания по «знаменитой» 58-10 (тогда этих заключенных называли интеллигентами, «врагами народа» или еще проще – «контриками»), только в 1950 г., при реорганизации лагеря, на каждом из отделений осужденных по этой статье начали собирать в одном лагпункте. В это же время были отделены и женщины. До этого они содержались в ИТК с мужчинами в одной зоне, только в отдельных бараках, отгораживались коридором из

колючей проволоки, в котором делалась проходная вахта.

В подразделениях были построены и начали эксплуатироваться узкоколейные железные дороги (УЖД), для вывозки леса с дальних участков. Протяженность магистральных путей была по Бурмантовскому отделению – 68 км, Понильскому – 60 и Шипиченскому – 49. Было возведено множество «усов».

Только с пуском новых леспромхозов по железной дороге Ивдель – Обь (Лявдинского, Оусского, Пельмского и Атымского) с 1963 г. общий объем лесозаготовок Управления снизился в городском балансе.

В колониях начала внедряться отрядная система, она была разработана в Ивделе и впоследствии распространена по всей стране.

В шестидесятые годы в системе исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) произошли большие перемены. В 1961 г. по приказу МВД СССР «Об организации ИТК особого режима» он был сменен в трех подразделениях Бурмантовского отделения и на Лангуре.

Необходимо отдельно сказать о созданной в конце 1969 г. колонии в пос. Лозьвинском. Она была организована на базе Лозьвинского леспромхоза комбината «Серовлес» всесоюзного объединения «Свердлеспром». Заключенные в нее были переве-

Окончание. Начало в № 2, 2009.

дены из многих подразделений, но в основном из закрывающейся колонии в пос. Яхтель. С 1980 г. в ней был введен особый режим, а с 1984 г. она стала первой и единственной колонией в СССР, где за забором, с периметром чуть больше 600 метров, содержались осужденные, которым смертная казнь была заменена на содержание в особых условиях сроком от 15 до 20 лет. Они, как и другие, работали на нижнем складе и занимались разделкой древесины, производством технологической щепы, выпуском тары и товаров народного потребления, отгрузкой готовой продукции в вагонах МПС.

Этой зоне уделялось особое внимание со стороны. Ее посещали корреспонденты США, Швейцарии и других зарубежных стран. В 1994 г. колонию посетила комиссия по заданию Совета Европы. Комиссию интересовал не только режим содержания, но и отдельные заключенные. В ней были «те самые узбеки», которых «раскручивали» следователи Гдян и Иванов: Каримов – первый секретарь Бухарского обкома КПСС, Музафаров – начальник Бухарского ОБХСС, Кудратов – директор горторга и другие. Суммы их взяток были астрономические.

В настоящее время в исправительной колонии № 56 содержится три категории: осужденные на пожизненное отбывание наказания, приговоренные к высшей мере наказания, но получившие помилование и отбывающие срок на поселении. Первые две категории территорию жилой зоны не покидают.

За два послевоенные десятилетия лесозаготовительное производство впервые пережило техническое перевооружение. На смену лучковой пиле пришли бензомоторные и электропилы, лошадей на трелевке полностью заменили тракторы, на смену паровозам пришли тепловозы, появились гидропогрузчики. Внедрялись в производство но-

вейшие лесопильные и деревообрабатывающие станки, которые не только увеличивали объемы производства, но и значительно улучшали качество выпускаемой продукции.

Привожу таблицу выполнения объемов Управлением за 1937 – 2005 годы, она наглядно показывает не только историю развития лесной промышленности в нашем районе, но и работу Учреждения, его роль в Великой Отечественной войне, да и вообще в развитии всей нашей территории, где оно являлось основным предприятием, начиная с 1937 г., года образования Ивдельлага:

Год	Разделка древесины	Производство пиломатериалов в тысячах кубометров
1937	500	35
1938	1200	80
1940	1567	147
1942	1050	151
1941-45		368
1945	1500	220
1946-50		695
1953	1112	173,2
1960	1146	251,4
1970	1639,8	409,6
1980	1462,6	392,6
1985	1126,4	188,2
1990	530,6	173,1
1995	269,5	45,6
2000	69,7	20,4
2005	45,9	11,5

В 1973 г. к пос. Шипичное подводится центральное электроснабжение, и потом в 1987 г. ЛЭП уходит еще севернее, в поселки Бурмантово и Вижай.

После проведенных реконструкций, строительства и ввода в строй новых подразделений (Верхний Вижай-Яхтель, Бор, Верхний Пелым, Суеват и т.д.) на 15 февраля 1978 г. уже работает девять колоний-поселений.

Уменьшение общего числа подразделений началось в начале 80-х годов, и вот как это выглядело:

1960 г. – 31	1995 г. – 11
1970 г. – 24	1990 г. – 16
1980 г. – 21	2000 г. – 7

Сегодня их шесть, и расположены они в основном в городе.

По заданию правительства страны, после аварии на Чернобыльской атомной электростанции (в 1986 г.) и землетрясения

фото: В. Баймутова

в Армении (в 1988 г.), Першинский ДОК отгружал в районы стихийных бедствий в значительных объемах комплекты деталей домов, которые использовались для быстрого возведения жилья.

В декабре 2001 г. ИК-63 была реорганизована в колонию особого режима, а в ИК-62 с августа создан участок для осужденных строгого режима. В ПК-57 организован участок для осужденных женщин. В ивдельские колонии постоянно поступают злостные нарушители режима содержания.

Перестройка

Но ничто не бывает вечным...

Закончился период расцвета Лесоуправления, и перед коллективами возник ряд серьезнейших трудностей.

В период 1980 – 1990 гг. началось снижение объемов. Во-первых, из-за истощения лесосырьевой базы (особенно насаждений хвойных пород), а также значительного увеличения расстояния автотранспорта леса – до 100 и более километров; в результате сокращения, а в 1988 г. прекращения молевого сплава; неподготовленности автолесовозных дорог к круглогодичной вывозке. Лесовозный парк и погрузочно-разгрузочные механизмы также не были готовы к интенсивной работе. В 1990 г. было всего вывезено 530,6 тыс. кубометров древесины, что соответственно повлекло и снижение объемов лесопиления до 173,1 тыс. кубометров, а следовательно, и выпуска продукции деревообработки.

Без каких-либо серьезных причин за мизерную плату продается Свердловскому заводу имени Калинина нижний склад ИТК-63 со всеми постройками, оборудованием, железнодорожными тупиками, крановым хозяйством и довольно значительными остатками древесины.

Отрицательную роль в организации производства сыграли массовые беспорядки среди заключенных на Лесозаводе.

В июле 1990 г. решением МВД РФ были закрыты Понильское, Бурмантовское и Вижайское лесоподделения. Значительно сократилось количество подразделений и число осужденных.

Практически прекращали жизнь целые поселки, так как они уже стали никому не нужны, а о судьбе людей, отдавших многие и лучшие годы своей жизни лагерю, никто уже не думал и не заботился.

Нарушен отработанный технологический процесс работы ДОКа и верхних подразделений. Большинству осужденных не предоставляется работа. В общем, развалилась долго и успешно действующая советская система производства.

С конца 1995 г. Лесоуправление из системы Главспецлеса МВД СССР было передано ГУИНУ

Министерства юстиции по Свердловской области. Огромному предприятию, если так можно выразиться, был нанесен «смертельный удар».

В газете «Известия» за 31 января 1997 г. в беседе с журналистом С. Плотниковым И.Д. Жарков, в то время начальник ГУИНа, говорил: «Пора уходить от ГУЛАГа». Он вкладывал в эти слова не исторически правозащитный, а сугубо хозяйственный смысл. «ГУЛАГ – сплошной лесоповал, затратная и малоэффективная экономика, ручной рабский труд». С одной стороны, может быть, он был и прав, так как начиная с 1930 годов лесная промышленность в СССР считалась «гулаговской» отраслью. А с другой стороны, прекращение лесозаготовок и деревообработки, как мы увидели по «достигнутым» объемам последних лет, привело к распаду мощнейшего предприятия, одного из пяти действующих на Урале не только в системе МВД и Минюста, но и в городе, области, да и в стране.

Руководство ГУИНа совместно с последними начальниками Управления для улучшения работы планировало перепрофилирование и открытие новых подразделений, внедрение новейшей американской лесопильной техники, увеличение объемов переработки древесины, даже говорили о разработке долгосрочной программы работы Учреждения на 5 – 10 лет, но все осталось только в разговорах.

Все это произошло в период перехода страны к рыночным отношениям, экономическим реформам и для Управления сыграло пагубную роль.

Никто не позаботился о том, чтобы людей, временно лишенных свободы, обеспечить всем необходимым: питанием, одеждой, лечением да в конечном счете тем же железнодорожным билетом для проезда домой после освобождения.

Следует отметить еще один немаловажный отрицательный фактор. За 20 лет (с 1973 по 1993 г.) сменилось пять начальников Управления. За 14 последующих лет – шесть.

Все это привело к тому, что в 2006 г. уже Объединением (в составе ФГУ ОИУ № 2 осталось всего шесть подразделений с численностью осужденных около пяти тысяч человек) было заготовлено – 25,6 тыс. кубометров и выпущено 3,7 тыс. кубометров пиломатериалов.

Качественный состав заключенных в последнее время очень изменился. Раннее среди осужденных были не только рабочие с высокой квалификацией, но и профессора медицины и музыки, астрономы и агрономы, писатели и инженеры различных профилей, талантливейшие артисты и спортсмены, да и люди других значимых специальностей, известные далеко за пределами Ивделя. Назову только некоторых: профессор-биофизик, специ-

алист во многих отраслях науки А.Л. Чижевский, гидростроитель Р.М. Гольднер, инженер-путеец П.П. Зандгагин, строитель московского метро И.Н. Бажанов, математик Свириденко, профессор музыки Ю.Г. Полгар, писатели Э. Тер-Погосян и М.Я. Грин, газетчик Г.М. Рубцов, метеоролог Ростовцев, геодезист А.П. Анфалов, адвокат Дубинский... Всех невозможно перечислить.

В Ивдельлаге (по данным православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета-ПСТГУ Московского патриархата) содержались семь священнослужителей: И.Н. Воскресенский, В.И. Ковалеров, К.С. Любимов, Е.С. Толстобров, П.В. Троицкий, П.С. Ципляковский и П.М. Шойму. По имеющимся данным только Воскресенский был освобожден по болезни. О судьбе остальных в документах есть отметки, что они скончались в лагере. Правда это или нет, сказать трудно (сведения ПСТГУ не полностью соответствуют данным спецучета). Уточняется, действительно ли П.В. Троицкий умер в лагере и как сложилась его дальнейшая судьба после 1944 г., так как есть данные о его смерти только в 1991 г. Этим поиском-расследованием занимается православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет Московской Патриархии под руководством протоиерея В. Воробьева.

Член Союза писателей и журналистов России, автор четырех книг, кандидат философских наук, редактор отдела криминальных проблем еженедельника «Молодежь Дагестана», зам. председателя общественного совета ФСИН республики З. Загумов, судимый 11 раз и имеющий общий стаж пребывания в различных колониях около 25 лет, пишет: «Сегодня в местах лишения свободы с каждым годом идет упадок нравственности и ей подобных ценностей, которыми всегда славился преступный мир...». С ним нельзя не согласиться!

В июле 1997 г. в Ивделе прошло совещание с присутствием руководителей Свердловской области и глав муниципальных образований Северного управленческого округа, в которых находились действующие подразделения Минюста. На нем было отмечено, что продолжается рост заболевания туберкулезом, еще высока смертность, в колониях перенаселение осужденных, работа на производстве стала недоступной для большинства заключенных, увеличивается бюджетная задолженность подразделений, несвоевременно выплачивается заработная плата. Были намечены конкретные мероприятия по улучшению работы. Принято обращение к Правительству области и ГУВД по оказанию практической помощи. Казалось, что должно произойти какое-то изменение в деятельности пенитенциарных учреждений, но... опять же действенного ничего не произошло, не было выполнено ни одно из ме-

роприятий, не наступило перелома в деятельности. Управление продолжало работать неудовлетворительно.

Ивдельлаг, преобразованный в Объединенное предприятие, проработал без одного года 70 лет. По приказу ФСИН России от 6 июня 2006 г. он прекратил свою деятельность, остались работать только отдельные шесть колоний, непосредственно подчиненные ГУФСИНу по Свердловской области.

4 мая 1954 г. были созданы 97 комиссий по реабилитации. Но следует отметить, что процесс реабилитации шел крайне медленно, как бы нехотя. Процедура пересмотра дел была очень затянута, по всей видимости, из-за того, что в Генеральной прокуратуре и КГБ работало немало людей, принимавших непосредственное участие в ранее проведенных массовых репрессиях.

В 1957 г. были восстановлены Калмыцкая, Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская АССР. Однако не были официально реабилитированы немцы Поволжья, крымские татары, турки-месхетинцы и представители других малых народов, подвергшиеся репрессиям. Как видно из приведенных данных, в то время еще не было принято действенных мер для открытого, организованного возвращения вчерашних спецпоселенцев на их исторические земли.

Решения съезда, конечно же, положили начало массовой реабилитации «врагов народа» и спецпоселенцев, и это выглядело следующим образом:

в 1954 г. реабилитировано – 1777 чел.,	
1955 г. – 13788,	1962 г. – 6028
1956 г. – 62213,	1963 г. – 5817
1957 г. – 78912,	1964 г. – 3707
1958 г. – 80053,	1965 г. – 4177
1959 г. – 19212,	1966 г. – 2217
1960 г. – 2367,	1967 г. – 1505
1961 г. – 5563,	1968 г. – 1498

В последующие годы эта работа в стране была свернута, и к ней вновь приступили только в 1988 г. Общее число реабилитированных составило 369570 человек. В 1991 г. грянула новая реабилитация, когда всех оправдывали просто по списку, уже и не пытаясь особо расследовать причины наказания. В итоге сейчас очень трудно разобраться и понять, кто был виноват, а кто нет...

В 1991 г. городские власти приняли решение об установке памятника «Жертвам политических репрессий». Тагильчане скульптор Богомолов и архитектор Гусевский разработали эскизы, их утвердили на сессии горисполкома, сделали заказ на изготовление, но... перестроечные времена не дали памятнику жизни в г. Ивделе. В настоящее время руковод-

Игорь ГРИГОРЬЕВ,
фото предоставлено автором

ОДИН ИЗ МНОГИХ

(Ф.С. Снявер)

Мой отец Кузьма Николаевич Григорьев происходил из крестьянской семьи. Перед революцией он окончил землемерное училище в Петрограде. В 1919 г. вступил в партию большевиков; при защите Петрограда был ранен, демобилизован и направлен партией на родину в г. Ямбург устанавливать советскую власть.

В Ямбурге (ныне Кингисепп) он занимал должности в райкоме, Совете и был членом редколлегии городской газеты «Плуг и молот».

Когда белые начали наступление на Петроград, в Ямбург пришла группа студентов из Тартуского университета. С одним из них – Феликсом Семеновичем Снявером – отец подружился. Снявер был тоже большевиком из семьи революционера, который в прошлом был приговорен к заключению в Петропавловской крепости.

Как вспоминает Б.М. Шмидт, близко знакомая с семьей Сняверов, после смерти отца Феликса мать осталась с четырьмя сыновьями.

Она говорила, что единственной ее моральной поддержкой был старший сын Феликс, который помог ей воспитать остальных троих детей. Материально им жилось тяжело. Мать зарабатывала на жизнь уроками музыки. Феликс в 1913 году был студентом Одесского (Новороссийского) университета, приезжал домой на каникулы. Его отношение к матери и младшим братьям было настолько чутким, деликатным, преисполненным такой доброты, что вызывало не только глубокое уважение, но просто восхищение, подобно положительным героям русской литературы. Он был действительно кристально чистым человеком, способным на са-

Ф.С. Снявер

мые бескорыстные поступки, на безграничное самопожертвование. За этими качествами стояла высокая нравственная сила, которая исходила от него и влиянию которой поддавались все, его окружающие.

По решению ЦК партии отец и Снявер были направлены в Подолию (Тульчин, Винница) устанавливать советскую власть. Отец в дальнейшем занимал крупные должности: секретарь Днепропетровского обкома партии по сельскому хозяйству при первом секретаре М.М. Хатаевиче; первый зам. наркома земледелия Украины. Снявер работал с ним в Харькове и Днепропетровске.

Для меня Снявер был – дядя Феля. Я много с ним общался и написал о нем в своих воспоминаниях «Мое чтение» (Альм. «Библиофилы России». Т. IV М, 2007). Я хорошо знал семьи двух его братьев. Один был архитектором и жил в Ленинграде; другой – писателем и жил в Москве.

Перед тем, как занять должность секретаря Днепропетров-

ского обкома партии, отец был вызван к Сталину, и у них произошел весьма неприятный разговор. Сталин приказывал собрать у крестьян весь хлеб, отец говорил о сборе только товарного хлеба, т.е. предназначенного для продажи. Хатаевич придерживался такого же мнения. Об этом довольно подробно пишет Р. Конквест в книге «Большой террор».

Украинская партийная организация долго сопротивлялась Сталину, но была им уничтожена.

Я учился и воспитывался в Ленинграде у дедушки. После окончания учебного года, в июне 1937 года, поехал к отцу в Киев. Конквест пишет: «Для

фото: В. Байдукова

Вижай

малосведущего внешнего наблюдателя все выглядело нормально в «славном граде Киеве». Стояло теплое спокойное украинское лето».

Да, именно так и было: я ходил загорать на пляж, и предполагалось, что пробуду у отца все каникулы. Но прошло несколько дней, и отец заговорил о моем отъезде в Ленинград. Я был очень удивлен. Отец посадил меня на поезд, а 27 июля 1937 года был арестован. От него в Ленинград пришла телеграмма: «Уезжаю в длительную командировку устраивайтесь самостоятельно». Он был расстрелян 8.10.1939 г., после XVIII съезда.

Хатаевич был расстрелян в 1937 году. Синявер избежал расстрела, был арестован, и о его судьбе долго ничего не было известно.

В конце 1941 года друг Синявера, старый большевик И.И. Ворошилин, живший в Москве, получил от Синявера открытку с обратным адресом: Свердловская область, Ивдельский район. Почт. ящ. № 232\03 (Палкино). Больше писем не было. Вот текст этой открытки:

«3.1X.1941. Дорогие! Вы поймете, понятно, без извинений, почему так долго не было у вас от меня ни строчки. Понимаю я и вас, молчавших «безжалостно». После «истории» с Вахтанговым ну прямо нельзя не потребовать от вас письмо с сообщением о вашем всех «жизнь-быть». Уверен, что все вы так или иначе принимаете активное участие в великой борьбе, которую ведет страна против напавшего на нас врага. Где Тося, Лена, Исай? Так хо-

телось бы быть сейчас вместе в общих рядах. И не просто «хотелось бы», – ведь это долг каждого из нас – быть впереди, в одном из последних боев за сохранение того, что делали, творили сами почти 25 лет! Как тяжело быть в такой момент «в стороне от схватки». Поймете вы меня? У нас жизнь и работа идут по-прежнему. Слушаем каждый день по радио сводки информбюро, читаем в газетах подробности великого дела, которое сейчас делает РККА, и ждем, ждем того момента, когда сами сможем быть в бою. Бодрости не теряем. Всем вам привет, призыв к бодрости и энергии, к твердости и решимости в борьбе. Ведь к трудностям, их одолению нам не привыкать?»

Целую крепко. Пишите. Феля».

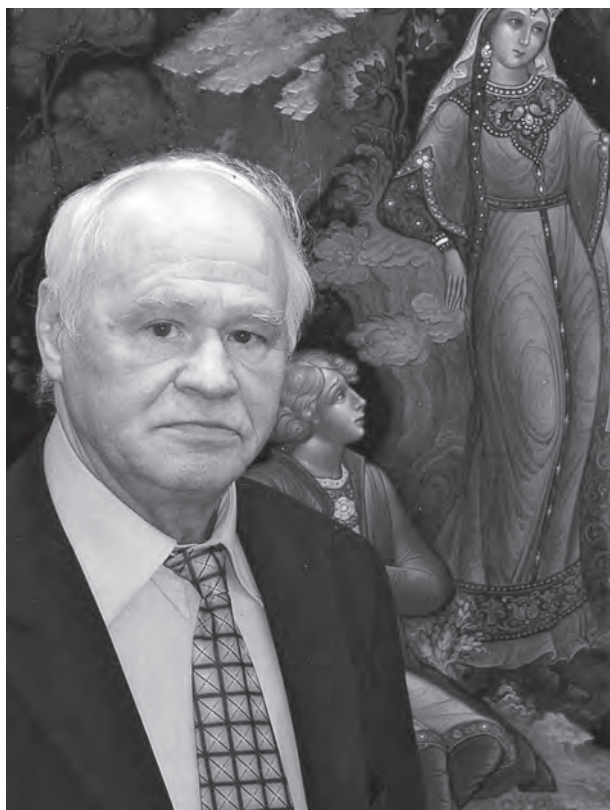
Имя Феликса Синявера в семье Ворошилина было свято, и когда он умер в 1969 году, его дочь, хранившая эту открытку, передала ее мне, узнав, что я собираю материал о Ф.С. Синявере.

По словам жены брата Феликса, он писал им из Ивделя. Особенно тяжелое впечатление осталось от письма, в котором Феликс сообщал, что силы его на исходе, тяжелая, непосильная работа на рубке леса и голод отнимают последние силы. Он писал: «Я погибаю. Пришлите мне сала». Это письмо тоже было датировано 1941-м годом. Сала ему послали. Потом семья была эвакуирована в Ашхабад. Писем от Феликса больше не было...

Ирина ГЕРУЛАЙТИС,
фото предоставлено автором

Когда камень начинает вспоминать

Памяти Леонида Устьянцева

В январе 2008 года не стало Леонида Федоровича Устьянцева. Это известный уральский ювелир, участник более двухсот всесоюзных, международных выставок в городах России, Польши, Италии, Японии, Индии. Народный художник России, лауреат премии губернатора Свердловской области. Работы Леонида Устьянцева хранятся в Алмазном фонде и художественном фонде Москвы, в Оружейной палате, Государственном историческом музее (Москва), в музее «Русская старина» в Смоленске, в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике, Новосибирской областной картинной галерее, в частных коллекциях России и за рубежом.

Не стало хорошего друга, который был добр и отзывчив. Вместе мы писали книгу о его творческом пути. Предлагаю читателям «Уральского следопыта» отрывки из нее.

Встреча с камнем

Однажды, и это было, наверное, одно из самых ярких впечатлений детства, он встретил охотника, возвращавшегося из леса. На какой-то миг Лёне показалось, что он попал в другой мир, далекое и неизведанное измерение – так дивно сияла в руках охотника щетка горного хрусталя. Наверное, это чувство сродни легкому ветерку поэзии, который нежданно влетает в душу в детстве и остается на всю жизнь.

Ситуация, когда человек едва не погиб, но был, к счастью, спасен, может дать невиданный интерес к жизни, потребность воплощать ее красоту в своем искусстве.

Когда будущему мастеру было 15 лет, он пережил это потрясение – едва не утонув в ледяной воде мартовской реки Исети. Он был спасен своими товарищами, вместе с которыми строил плотину.

С того события прошло более шестидесяти лет, и однажды появилось украшение «Водопад» – большой, сияющий внутренним светом, кристалл аметиста, выполненный в серебре. Смотреть на него можно часами – он излучает силу и волшебную красоту. Много и других прекрасных изделий было создано под впечатлением того события, когда жизнь-смерть-жизнь приближалась и удалялась. Судьба оказалась щедра к мастеру – она подарила ему вторую жизнь и возможность воплотить талант.

Главным и любимейшим делом в годы учебы в школе села Маминское Леонид считал рисование, и большое удовольствие доставляла ему работа над стенгазетой. И вообще, в любую свободную минуту он обращался к карандашу, акварели, кисти, это увлекало и помогало выражать себя, свои мысли и чувства.

Пришлось поработать и на маминских золотых приисках, где из глины в кварцевой породе мыли золото. Зарплата была не деньгами, а бонами – специальными талонами, на которые можно было приобрести и продукты, и необходимые для жизни вещи. «Это была вполне нормальная зарплата, на которую можно было жить достойно», – вспоминает Леонид Федорович.

Особенным местом стала для подростка кузница – здесь работал могучий, с огромной бородицей, цыган. Он обучал Лёню кузнечному искусству –

для работ в поле требовались новые запасные части для сенокосилок. И в один прекрасный день ученик принес кузнецу свое самое изящное изделие из металла – вязальный крючок для мамы.

Утки на озере и на холсте

В Свердловск Леонид Устьянцев приехал в 1948 году, с тех пор этот город стал для него родным, здесь он учился и обрел славу ювелира, здесь выросли его дети, внуки, подрастают правнуки.

В художественном училище № 42, поступив на ювелирное отделение, Леонид много времени отдавал рисованию – не меньше двух часов в день. Рисовал теперь не только акварелью, но уже и маслом. Это были пейзажи, натюрморты, а особенно любил он рисовать по памяти свои родные места, избушку своего друга-охотника, жившего в селе Троицком. К нему Леонид часто ездил в детстве. Перед его домом было озеро, где плавали утки – и они частенько подплывали прямо к нам, сидящим на берегу. Здесь я душой отдыхал от шумного города. Раз приехал к нему вечером, чтобы утром пойти пострелять уток. Но оба проспали. Чтобы выйти из ситуации, он положил пару прежде добытых уток в котелок, поставил его на огонь, и я... проснулся от запаха уже готовой утятины...

Красота Москвы, величие Питера

На втором курсе, в 1949 году, Леонид как лучший ученик вместе с товарищами-камнерезами, столярами-краснодеревщиками, огранщиками камней и ювелирами отправился в Москву.

Глядя на сверкающий ночной город, освещенную цветными огнями Москву-реку, Леонид понял, что напоминает ему эта картина. Переливающиеся драгоценные камни Урала предстали перед ним тогда: искры рубинов, череда алмазных граней, музыка сапфинов... Все это было на ночных улицах столицы. Тогда у художника возникла идея броши «Ночная Москва» – до того удивительным показался ему ночной город.

Гуляя по двору Кремля, посещая залы Оружейной палаты, разглядывая разрушенные, только начинавшие восстанавливаться соборы, Леонид всем сердцем понял, что такое Россия, он с головой ушел

в ее историю, бедственные и победные периоды. Потом он будет «доставать» эти впечатления, чтобы они обрели ювелирную форму. Из зрительных и душевных картин, из кладовых памяти возникнут образы и воплотятся в кольца, броши и гривны, колье и браслеты.

Гран-При в Париже

В 1951 году Леонид начал работать на Свердловской ювелирной фабрике ювелиром-монтажником, изготавливал изделия массового производства: «Для меня это был непростой период, когда приходилось делать не то, что подсказывает художественное чутье, а работать на конвейер. Видимо, это испытание тоже было зачем-то нужно».

В 1959 году фабрике потребовался мастер-исполнитель, художник. Тогда Леонид Устьянцев, впервые в России, освоил работу с поделочным камнем. В стране повышалась культура быта, в Москве проходило множество выставок, посвященных этой теме. К тому же послевоенная мода обрела собственные черты: советским людям хотелось жить лучше, повысился интерес к моде. На одной из первых выставок в Москве под названием «Искусство – в быт», прошедшей в 1961 году, было представлено огромное количество изделий из керамики, металла, цветного стекла и, конечно, ювелирные украшения.

На Свердловском ювелирном заводе разрабатывались новые модели украшений. В 1963 году была создана специальная творческая группа: художники, граверы-инструментальщики, технологи. Главной стала задача найти новую концепцию предприятия, устойчивые рынки сбыта ювелирных изделий.

Расцвет творчества мастера Устьянцева пришелся как раз на этот период, благодатный для поисков и смелых идей. Помогали произведения Павла Бажова. «Малахитовая шкатулка» дала мастеру множество подсказок для воплощения его художественной мысли. Талант ювелира в том и состоит, чтобы выявить в камне нужный рисунок и окраску, сделать срез и огранку. Это большое искусство – найти такую грань, чтобы камень ожил, заискрился, «запел».

В 1961 году кольцо «Урал» (серебро, яшма) получило высшую награду Гран-При на всемирной вы-

Колье «Шахерезада». 2002 г.

ставке в Париже. Это было событие большой важности для страны – теперь уральские камни могли представлять СССР на международном уровне.

С легкой руки Леонида Устьянцева в стране появилась мода на красивые изделия из уральских поделочных камней. В екатеринбургском Доме моделей в те годы проходили показы мод с демонстрацией ювелирных украшений из поделочного камня. Как выяснилось, броши, подвески или серьги можно было весьма изящно сочетать с деловым костюмом или вечерним платьем.

Смоленский «Космос»

Когда в Якутии открыли месторождение алмазов, Устьянцева как лучшего художника-ювелира Свердловского ювелирного завода направили в Смоленск, где работала фабрика по изготовлению изделий из золота и бриллиантов. Здесь побывали специалисты из разных российских городов. Но именно Леониду Устьянцеву было доверено создавать образцы изделий с бриллиантами на экспорт.

Одно из любимых мастером украшений смоленского периода – комплект «Космос». После своего первого исторического полета Юрий Гагарин приехал в Смоленск и посетил бриллиантовую фабрику. Он искренне восхитился брошью «Космос», сказал всего несколько слов, но они стали дороги мастеру как подарок от первого в мире космонавта. «Я видел звезды в космосе, но ваши звездочки горят не хуже», – сказал тогда Юрий Алексеевич, пожал руку уральскому ювелиру и пожелал творческих успехов.

Душа уральских самоцветов

На границе Европы и Азии есть глубокие шахты, в которых издавна добывали драгоценные и полудрагоценные камни. Земля здесь до сих пор хранит огромные залежи самоцветов – аметистов, цитринов, топазов.

В кольце «Евразия», одном из последних украшений работы Леонида Федоровича, заложена идея связи и разделения двух великих континентов.

«В структуре самого кристалла аметиста – камня, который доминирует в изделии (кстати, крупное месторождение его находится недалеко от Мурзинки, под Первоуральском), есть струящиеся, как хрустальные воды, дорожки. Тогда и запала мне мысль создать кольцо. А вода – это и есть те самые реки, которые текут в разные стороны (по уральской легенде, на границе Европы и Азии воды рек текут в разных направлениях). Найти то место начала, пересечения двух земных путей, обнаружить его водораздел, пройти туда и реально, и мысленно, совершив путешествие, проявить все это в камне... Разность, непохожесть двух культур тоже выявлены здесь: с одной стороны, присутствует классический стиль, строгость, а с другой – закручивающиеся рельсы, это уже азиатские мотивы. Но все это сочетается

в гармонии, не мешает друг другу», – рассказывает ювелир о кольце «Евразия», созданном в 2006 году. Оно массивное, тяжелое и одновременно прозрачное, возносящееся – каким и должен быть символ.

В 2002 году было создано кольцо «Шахерезада». Гранат, аметист, демантоид, топаз – целая корзина самоцветов. «Восточный колорит здесь выражен через орнамент, линии золота завихряются, становятся бесконечными переходами одна в другую, как мелодия». Драгоценные камни, совершенно разные, удивительной красоты, с неповторимым характером – как образ Востока, его богатства и непредсказуемости, великолепия и страстей.

Сочетание золота и серебра – принципиально новое направление в творчестве мастера, так как сравнительно недавно российским ювелирам было разрешено делать украшения из этих двух металлов одновременно.

В браслете, который носит название «Весенний перезвон», аквамарин, берилл, топаз, аметист, альмандин, гелиодор выглядят как гармоничное единство противоположностей. Основа браслета, состоящая из двух серебряно-золотых обручей, которые расходятся в разные стороны, а на них – самоцветы. «Каждый камень, если его услышать, звенит по-своему. Особенно хорошо это заметно

весной, когда идет пробуждение всего живого, и все начинает тихонько шуметь – новая трава, леса, капель, просыпаются звери и птицы поют веселей. Эти звуки отражаются и в самоцветах, они есть часть нашей прекрасной земли», – закончим словами Леонида Устьянцева.

Память продолжает жизнь светлых людей, которых нам не хочется терять. Леонид Федорович брал из своей бездонной и цепкой памяти, как из кладовой даров, сюжеты для своих произведений. И мы теперь можем сделать только одно – помнить о том, какой великой души был этот человек. Он стоял у истоков новых направлений в развитии отечественного дела, был основателем Музея ювелирного и камнерезного искусства, в фойе которого помещен его портрет. И если музею присвоят имя Леонида Устьянцева, то это и будет наш поклон, еще одно выражение признательности великому художнику. Мастер ушел, погасла высокая светлая звезда... Но свет ее продолжает идти, как алмазные лучи, не угасая.

Браслет «Весенний перезвон».

Анатолий КОЗЫРЕВ,
фото предоставлено автором

Адмиральские часы

Отец мой, Алексей Михайлович, был потомственным моряком. Еще его отец служил во флоте Его императорского величества штурманом на броненосце, участвовал в русско-японской войне 1905 года в сражении при Цусиме.

Алексей Михайлович остался круглым сиротой в пятилетнем возрасте и родителя своего помнил весьма смутно, как и матушку. Сиротство всегда соседствует с нищетой, поэтому отец мой впервые надел добротную одежду, когда его призвали на военную службу на флот. Служил во Владивостоке в отряде малых катеров «Морских охотников».

Катера в то время были деревянные с бензиновыми двигателями, навигационное оборудование надежностью не отличалось, поэтому в рулевой рубке не держали железных предметов, дабы они не воздействовали на стрелку компаса. Вот здесь-то и приключилась история, о которой мне рассказал отец.

Во второй половине тридцатых годов прошлого века японские шхуны частенько нарушали границу территориальных вод нашей страны, проводили диверсии и хищнически вылавливали рыбу. Военные моряки, как могли, помогали пограничникам. Однажды одна из таких шхун зашла глубоко в советские воды. На задержание ее от стенки отошел катер СКА-17, причем на борту находился сам адмирал флота, а за штурвалом стоял старшина второй статьи — мой отец. Кроме него, в рубке находился и командир катера. Когда моряки уже почти настигли шхуну, на море опустился густой туман и преследовать приходилось только по компасу, что и делал рулевой, который неожиданно немного отклонился от курса. Командир сделал замечание, но рулевой стоял на своем. Угроза отдать старшину под суд не возымела действия. В конце концов катер настиг шхуну и доставил ее на базу. Вот здесь-то адмирал снял с руки огромные часы «Кировские» и протянул их рулевому: «Благодарю за службу, старшина». Ручные часы были тогда большой редкостью, а Алексей Михайлович и не мечтал никогда о них.

Дело было в том, что командир, придя в рубку, забыл снять с ремня пистолет, который и подействовал на стрелку компаса, рулевой же вовремя заметил эту оплошность.

Когда началась Великая Отечественная война, то из моряков-дальневосточников сформировали батальон морской пехоты и перебросили на фронт — шла оборона Сталинграда. Хотя моряков и переодели в армейскую форму, но тельняшки и бескозырки они оставили и каждый раз надевали их, идя в атаку. Собственно линии фронта на Сталинградском тракторном заводе не было, моряки находились на своих позициях буквально в двух десятках метров от немцев. Держали их под постоянным

А. М. Козырев с баяном на катере

огнем, не давая приблизиться к продуктовым ящикам, которые им сбрасывали с самолетов. Смерть постоянно присутствовала рядом, к середине обороны из батальона морских пехотинцев в живых осталась едва ли половина, но моряки стояли насмерть.

Однажды в расположении пехотинцев появился генерал. Внимательно посмотрев на моряков, он подошел к Алексею Михайловичу и сказал: «Старшина, а который сейчас час?» Это был адмирал с Тихого океана. «Живы часы, товарищ адмирал, идут точнее некуда». — «Выбейте фашистов отсюда, братцы, не посрамите честь флота!»

Сталинград очистили от немцев, но часы у Михальча остановились — шальная пуля вскользь прошла по ним, но старшина не выбросил адмиральский подарок. Когда взяли столицу Австрии Вену, он нашел в часовой мастерской мастера, и старый часовщик за одну ночь отремонтировал часы старшине морской пехоты.

И надо же так случиться, что Алексей Михайлович вновь встретился с адмиралом, поскольку тот приехал вручать морякам награды. Прикрепив медаль «За взятие Вены» к гимнастерке старшины, он спросил: «Сколько времени сейчас, братец?» — «Живы часы, живы, товарищ адмирал». — «Ты себя береги, старшина, часы — дело наживное».

Война закончилась, и мой родитель еще очень долго, практически до самой смерти, носил на руке часы «Кировские», берег их, периодически чистил и смазывал. Часы шли, как швейцарский хронометр. Встали часы, когда душа моего отца отлетела на небеса.

Вот такая простая и вместе с тем необыкновенная история.

Владимир ИЩЕНКО,
фото из архива ДОБРИНСКИХ

Улица Шварца

Екатеринбуржцы знают молодую улицу Шварца в Ленинском районе города, «на Ботанике». Но не все знают, кто подарил ей это имя. Может быть, выдающийся артист эстрады Антон Шварц? Или русский живописец Вячеслав Шварц, чья картина «Иван Грозный у тела убитого им сына» украшает «Третьяковку»? А то так детский писатель Евгений Шварц, автор отечественных «Красной шапочки» и «Снежной королевы»? А может быть и партийный деятель Исаак Шварц, орудовавший и на Урале в 1906-м? Нет, нет и нет! Улица названа в честь русского зоолога, академика Станислава Семеновича Шварца (1919 – 1976), которому в нынешнем апреле исполнилось бы 90 лет.

Академик Станислав Семенович Шварц родился 1 апреля 1919 года в г. Екатеринославе (ныне – Днепрпетровск), но уже вскоре, в разгар Гражданской войны, его мать, Евгения Станиславовна, решила переехать в Петроград, и в дальнейшем, на многие годы, жизнь С.С. Шварца была связана с Ленинградом. Любовь и интерес к животным, у него прояви-

лись, судя по его рассказам, ещё в раннем детстве, а первые навыки изучения животных он получил сначала в кружке юных зоологов Ленинградского зоопарка, а позже в таком же кружке при Зоологическом институте Академии наук СССР. Поступление на био-фак Ленинградского университета в 1937 году было вполне естественным и закономерным. Его кругозор определялся лекциями крупнейших учёных с мировыми именами, таких, как ботаник, академик РАН В.Л. Комаров, физиолог, академик АН СССР А.А. Ухтомский, зоолог, профессор В.А. Догель, один из основателей советской школы экологов, профессор Д.Н. Кашкаров и другие. Д.Н. Кашкаров, в частности, был руководителем дипломной работы С. Шварца.

Во время Великой Отечественной войны обучение было, естественно, прервано. С. С. Шварц участвовал в обороне Ленинграда, жил в городе во время его блокады, а затем был эвакуирован вместе с университетом в Саратов.

По окончании (экстерном) университета работал на противочумном пункте в Казахстане, а поступив в аспирантуру при родном университете, обучался под руководством профессора, зоолога П.В. Терентьева, и в 1946 году защитил кандидатскую диссертацию. Уже в этой работе, посвященной эффективности криптической (покровительственной) окраски, он проявил себя как эколог, уделив значительное внимание избирательности питания. Исследование было выполнено на любимых Шварцем объектах – лягушках и ящерицах.

Вскоре, в 1946 году, Станислав Семенович переехал в Свердловск, в Институт биологии Уральского филиала Академии наук СССР, с которым его жизнь и научная деятельность была связана до самых последних дней. Работа в Институте началась с руководства небольшой группой зоологов, которая вскоре, в 1952 г., стала самостоятельной лабораторией. А Станислав Семенович защитил докторскую диссертацию, посвященную экологическому анализу ряда морфологических и морфофизиологических признаков животных. Он сформулировал новые подходы в изучении приспособления животных к окружающей среде.

В 1955 году Шварц становится директором Института биологии, и с этого момента занимается организацией исследований на большой территории.

В поле зрения уральских зоологов и ботаников попадает не только Южный и Средний Урал, включая горные территории, но и Западная Сибирь, и даже значительная часть Субарктики – полуостров Ямал и

Полярный Урал. Ведь подобные исследования наиболее эффективны в экстремальных условиях обитания животных. Большую роль здесь сыграл Салехардский стационар Уральского филиала АН СССР. На его базе под руководством Шварца были развернуты исследования промысловых рыб Обского бассейна, изучение промысловых запасов песка и т.д.

Ученый внимательно следил за развитием теоретической экологии как в СССР, так и за рубежом. Свои собственные теоретические положения он изложил в работе «Принципы и методы современной экологии животных» (1960), которая быстро стала библиографической редкостью. Шварц акцентировал внимание на том, что современная (уже в то время) экология должна характеризоваться популяционным подходом, когда основным объектом изучения становится популяция какого-либо вида растений и животных, т.е. группа, способная к длительному самовоспроизводству. В результате интенсивных исследований, проводимых Шварцем и его сотрудниками, интерес к работам еще немногочисленной, но уже практически сформированной уральской школы экологов значительно возрос. И следствием этого было решение Бюро отделения общей биологии АН СССР о переименовании Института биологии УФА в Институт экологии растений и животных. Таким образом, С.С. Шварц стал первым директором первого в истории СССР Института экологии.

В 1964 г. по инициативе ученого в Свердловске прошло Всесоюзное совещание по внутривидовой изменчивости наземных позвоночных животных и микроэволюции, а также первая Всесоюзная школа-семинар на тему «Методы исследований в

современной экологии», организованная и проведенная в 1967 г. на турбазе «Хрустальная». В этом же году за успехи в развитии советской науки С.С. Шварц был награжден орденом Ленина. Вскоре после этого вышла в свет монография С.С. Шварца, В.С. Смирнова и Л.Н. Добринского «Метод морфофизиологических индикаторов в экологии наземных позвоночных» (1968), оказавшая значительное влияние на развитие данной отрасли зоологии. С этого времени Свердловск стал настоящей «Меккой» для отечественных экологов. Шварц курирует и консультирует исследования зоологов-экологов Дальнего Востока, Сибири, Кавказа, Средней Азии, Украины, Белоруссии и т.д. К этому времени он был избран член-корреспондентом АН СССР (1966), а в 1970 г. — действительным членом (академиком) АН СССР. Выходит в свет его монография «Эволюцион-

ная экология животных» (1969), в которой ученый наиболее полно обосновал свои теоретические положения о возможности видообразования на основе изменения структуры популяций и специфических адаптаций животных.

Помимо теоретических и прикладных задач в области экологии, Станислав Семенович интересовался и проблемами, связанными с глобальным воздействием человека на окружающую среду. Возникновение в середине 60-х годов Международной био-логической программы «Человек и биосфера» он встретил с большим энтузиазмом, и в реализации её принял самое активное участие.

В районе Полярного Урала был организован стационар «Харп», где в течение многих лет проводились исследования продуктивности тундровых биоценозов. В дальнейшем результаты этих исследований сыграли большую роль в прогнозировании изменений северных биоценозов, неизбежных при освоении газо-нефтяных месторождений. В то же время, предвидя катастрофические последствия из-за необдуманных изменений крупных природных комплексов, Шварц категорически выступал против реализации проекта переброски вод сибирских рек на юг.

Глубоко волновали ученого вопросы, связанные с возможностью направленного и предсказуемого влияния человека на популяции и биоценозы. Он активно искал механизмы, контролируемые успешное воспроизводство популяций.

Одним из таких механизмов ему представлялась метаболическая регуляция роста, развития и смертности в популяциях животных. В конце 60-х и начале 70-х годов под его руководством в лаборатории популяционной экологии животных, которой он руководил до конца своей жизни, был проведен ряд экспериментов с излюбленным им объектом – зем-

новодными. В результате он сформулировал концепцию регуляции роста и развития животных специальными химическими сигналами, являющимися производными жизнедеятельности совместно обитающих особей. Результаты были опубликованы в монографии (совместно с О. Пястоловой, Л.А. Добринской и Г.Г. Рунковой) «Эффект группы в популяциях водных животных и химическая экология».

Последние годы жизни Станислав Семенович продуктивно размышлял о роли человека в современной биосфере, и об экологии человека, в основе которой он видел создание теории управления окружающей средой. Взаимоотношение человека и природы — вот что прежде всего интересовало его. Свои взгляды он высказывал не только на страницах различных научных изданий, но и в работах, предназначенных для широкого круга читателей. Из последних наибольшее внимание вызвала его книга «Единство жизни» (1972).

В период расцвета научной деятельности С.С. Шварца в СССР было немало экологов высокого

профессионального уровня. Но пожалуй, он был единственным, кого волновали не только частные вопросы экологии, как зоологические, так и ботанические, но и глобальные проблемы. К ним он относился как понимающий, что формирование экологического мышления — одна из важнейших задач современного общества. Он не успел сделать многое из задуманного, но он оставил созданный им Институт, который уже давно

перестал быть региональным. Он создал уральскую школу экологов, оказавшую заметное влияние на развитие отечественной науки.

Современная российская экология — это и есть та Улица Шварца, по которой сейчас проходят многие российские экологи. Но есть ещё одна улица Шварца. Она только в Екатеринбурге. По ней пока гуляют его правнуки. Может быть, кто-то из них продолжит дело его жизни.

Рубин и сапфир – знатные дворяне минерального царства

«В благородных камнях мы видим величие и поразительную мощь создателя, которому удалось воплотить в столь малых предметах красоту всего мира и силу всех других вещей»

Ансельм Бооций де Боот, 1609 – личный врач императора Рудольфа II

Много лет спустя... Природа «она единственный художник, – писал восторженно И. Гёте – из простейшего вещества творит она противоположнейшие произведения, без малейшего усилия, с величайшим совершенством и на все кладет какое-то нежное покрывало. Она дает дивное зрелище, видит ли она его сама, не знаем, но она дает для нас... Зрелище её вечно ново... ибо она непрестанно новых созерцателей каждому является она в особенном виде».

Природа взяла поровну два простейших вещества: кислород – самый распространенный химический элемент на Земле и алюминий – самый распространенный металл в земной коре и создала из них корунд – минерал, который почти в два раза тяжелее исходного алюминия и тверже его в несколько сот раз. Далее в бесцветный корунд добавила немного хрома и мы получили благородный рубин, природа подумала, - в другой корунд добавила немного титана и железа и мы вновь восхищаемся, но уже чудесным сапфиром.

Долгое время эти разновидности корунда описывались как отдельные минералы, и только в 1805 году Гаюи – великий гражданин Франции и основоположник научной кристаллографии объединил их в единый минеральный вид, хотя соответствие их свойств было

известно и ранее.

Самоцветы известны человечеству многие столетия и даже тысячелетия.

«В каждом драгоценном камне как в капле воды, отражено все величие природы, и любого из них достаточно, чтобы ощутить верх её совершенства».

Плиний

Вряд ли можно было бы сказать лучше.

Абу Райхан Бируни (1048 – 1050 или 1051) – величайший ученый средневековья, человек гениального ума и неутомимой работоспособности в кн: «Собрание сведений для познания драгоценностей» отметил: В основном три драгоценных камня соперничают между собой в славе, это яхонт, изумруд и жемчуг. Яхонт – первый среди названных – наиболее дорогой и красивый.

Камнем любят, человек, надевающий украшения подсознательно чувствует, что тем самым его брэнное тело укрепляется с помощью вечных минералов. Драгоценные камни воплощают самые стабильные материалы, какие только имеются в природе.

Рубин во все времена и у всех народов – один из наиболее почитаемых самоцветов, высоко ценящихся за твердость и удивительно эффективную окраску, к тому же непревзойденную по устойчивости – практически вечную.

«Яхонт червленьий» – так называли его в старину на Руси.

У древних народов бытовало мнение, что драгоценные камни оказывают какое-то специфическое

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

воздействие на их обладателя. Целебные свойства камня – научное объяснение этому феномену вполне прозаично. Разве эти верования в наши дни исчезли.

Рубины, наделенные интенсивным красным цветом, возбуждают в человеке мужество, энергию, решительность. Сапфиры же, камни голубые и густо-синие, – успокаивают, умиротворяют, гасят припадки гнева и раздражительности. Многие сейчас убеждены, что в приписывании минералам таких свойств нет реального смысла. Но оказалось, что смысл есть, и более глубокий, чем можно было предполагать. Эксперименты советских психологов Ф. Горбатова, Б. Душкова и других подтвердили старую догадку, что люди далеко не безразличны к тому, какие цвета их окружают. Буйство и приступы бешенства легко снимались, когда больного помещали в комнату с синим освещением (значит, правильно все сказанное о сапфире). А красный цвет возбуждает, привлекает внимание к внешнему миру. Разве это не сходно с действием, которое приписывается рубину? «Краски в общем вызывают в людях большую радость, – писал И. В. Гёте. – Глаз нуждается в них так же, как он нуждается в свете. вспомните, как мы оживаем, когда в пасмурный день солнце вдруг осветит часть местности и краски станут там ярче. Из глубокого чувства этого невысказанного наслаждения, вероятно, и родилось то представление, что цветные благородные камни обладают целебной силой».

Англичанин Горсей, посетивший Москву в XVI веке, рассказал в своих записках, как царь Иван Грозный показывал ему свои драгоценные камни.

«Посмотрите на этот чудесный коралл и на эту бирюзу, – говорил Грозный Горсею, – возьмите их: они сохраняют природную яркость своего цвета; положите их теперь ко мне на руку, я заражён болезнью; смотрите, как они тускнеют; это предвещание моей смерти.

Вот рубин: он врачует сердце, мозг и память человека».

А вот какие свойства приписывает драгоценным камням русский лечебник начала XVIII века:

Яхонт красный кто при себе носит, страшных лихих снов не увидит, укрепит своё сердце и в людях честен будет.

Яхонт лазоревый кто при себе носит, тело умножает и чинит человека быть чистым и добрым, нечистоту с очей и болезни с тела отгоняет, а кто его в перстне

при себе носит, чинит его спокойным и в людях честным, набожным и милостивым.

На Урале корунд известен давно и широко распространён вдоль его восточного склона. В Мурзинско-Адуйской самоцветной полосе рубин добывали с 1738 г. Первые находки были сделаны Ф. Билибиним. В Корниловом логу добывался горный хрусталь и камни «красного, синего и зеленого цвета».

В 1962 г. Х.Г. Шляховым впервые найдены красные корунды в массиве Рай-Из. Облик кристаллов корунда таблитчатый, бочонковидный. Особенно интересны образцы, в которых на фоне темной плагиоклаз-флогопитовой массы выделяются кристаллы рубиновой окраски с сечением поперек гексагональной призмы, окруженные белым плагиоклазом. Средние размеры кристаллов 1 – 3 см, максимальный из них имел 12 см в поперечнике и 20 см в длину. В УГМ экспонируется кристалл высотой 12 см и в поперечнике 8,5 см – один из крупнейших найденных на месторождении.

В последнее время внимание любителей камня, коллекционеров и минералогов привлекает внимание вновь выявленная Кисиним ...рубиновая минерализация в мраморизованных известняках на Южном Урале на Кочкарской площади и Липовском месторождении (Ср. Урал). Рубины малиново-красные, карминово-красные, красно-фиолетовые. Вес бездефектных камней не превышает 1 карата, но отдельные кристаллы достигают 2-3 граммов. Вместе с рубинами встречается шпинель.

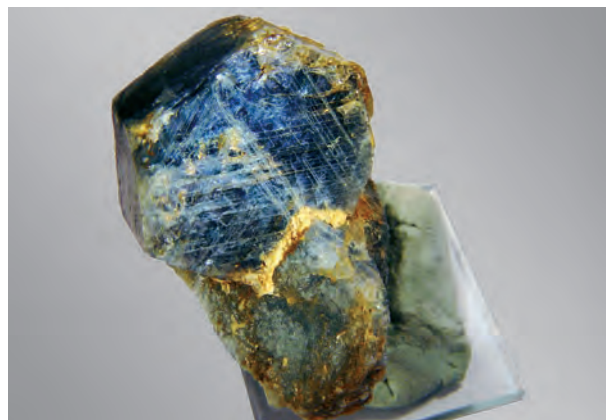
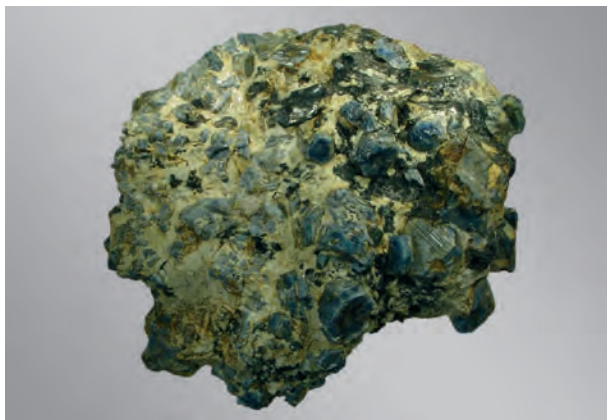
Подобная минерализация выявлена в мраморах Мурзинско-Адуйского, Джабык-Карагайского и Сундукского метаморфического комплекса.

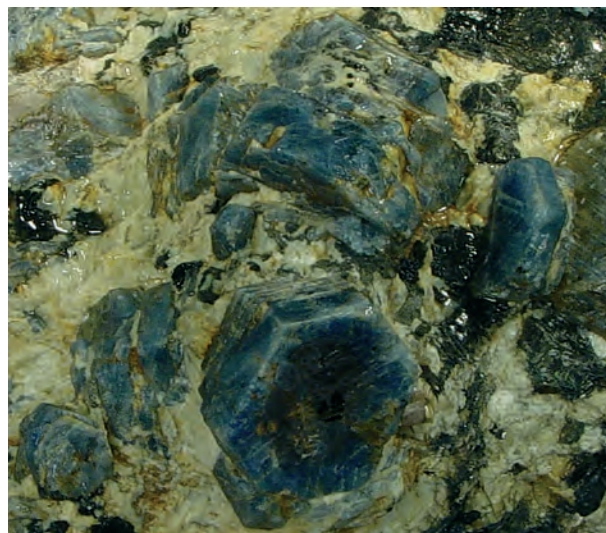
«Яхонт лазоревый» – так называли его на Руси.

Цвет этого камня лаконично и точно охарактеризовал А. И. Куприн: «...одни похожи цветом на васильки в пшенице, другие – на осеннее небо, иные же – на море в ясную погоду».

Сапфир – это роскошный и прочный самоцвет экстра-класса. Как и рубин, он относится к группе корундов или яхонтов.

Для сапфира характерен астеризм: на отполированном камне можно видеть светлую звездочку с тремя, шестью или двенадцатью лучами. Этот оптиче-

ский эффект связан с тонкими включениями рутила. На Урале сапфировидный корунд в коренном значении известен в Ильменских и Вишневых горах. Яркосинего цвета сапфировидный корунд генетически связан с пегматитами. Выполненные из него небольшие вставки по цвету и другим параметрам нисколько не уступают восточным сапфирам.

На Среднем Урале о добыче сапфиров из россыпей известно с XVIII в. В 1858 г. девочка из деревни Корниловой нашла здесь сапфир. Он был огранен и подарен царю. По данным А. Е. Ферсмана, корунды реки Положихи густо-синие, синевато-красные, фиолетово-синие, красные, темно-синие до черного размером 0,5 карата и крупнее «по чистоте не уступают лучшим камням Востока». В 1904 г. минералог В. И. Воробьев отмечал, что «по рекам и логам вокруг Черемисской и Колташей и, наконец, прямо среди взятой на пашне глины, оказываются рубины, сапфиры и кварцы, только хороших мало, хороши только колташинские».

В 1885 г. ювелирный рынок был захвачен врасплох появлением красных камней, по слухам, привезенным из Женевы. Эти камни обладали свойствами рубинов, и поэтому их признали натуральными камнями, однако, в конце концов, стали считать, что эти рубины получены в результате плавления обломков природных рубинов в пламени гремучего газа. Выдающийся

успех в синтезе рубина был достигнут в 1904 г., когда Вернейль создал остроумную печь. Процесс настолько прост. Для ювелирных целей выращивают бульки почти цилиндрической формы, каждая из которых представляет отдельный кристалл.

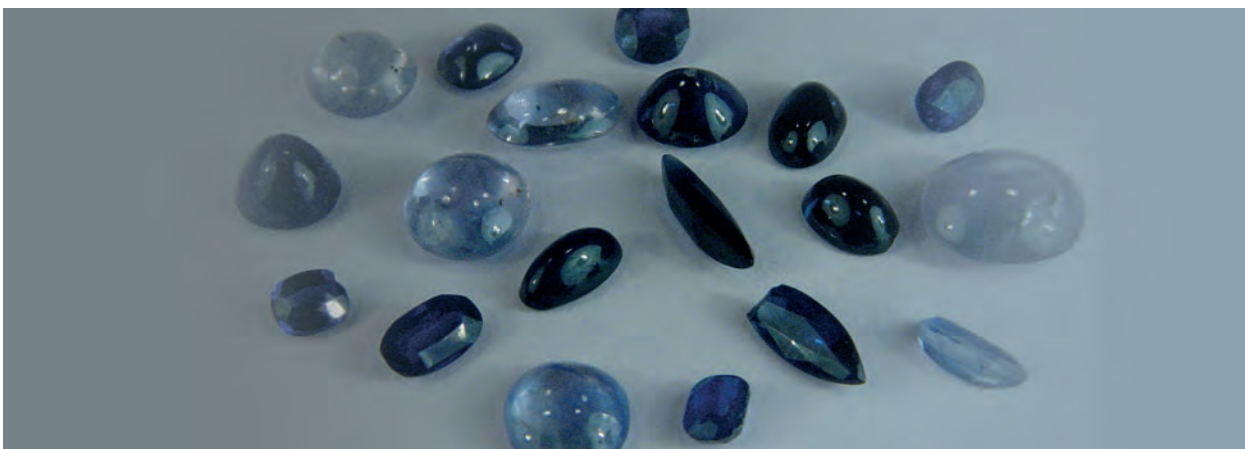
Синтетические камни имеют такие же свойства, как и природные. И если бы не определенные характерные дефекты, различить их было бы невозможно (Смит, 1984. стр. 189).

Первоначальное открытие цветных камней в горах Уральских и других местах и обработка оных, вероятно, началась по заведению города Екатеринбурга, во время управления заводами трудолюбивого де Генина. Необходимость в плавильных материалах, без сомнения, побудила обратить внимание на розыскание малоизвестных ещё в то время окрестных местоположений, а сие, вероятно, привело к открытию цветных камней.

(Грамматчиков, Горн. ж. кн. III)

Уральский геологический музей Уральского государственного горного университета располагает очень хорошей коллекцией корунда и его благородных разновидностей. Посетители музея ими могут любоваться.... в витринах отдела минералогии.

На приведенных фотографиях изображены образцы из коллекции Уральского геологического музея.

Михаил ФОНОТОВ,
фото Владимира САДЫРИНА

Апрельская любовь

Так и хочется уловить в мать-и-мачехе какую-то эмоцию. Например, нетерпение. Ей явно не терпится ждать, когда, растаяв, сугробы откроют солнцу прибрежную поляну, а солнце пригреет южный склон берега, чтобы разбудить ее весенним теплом. Она просыпается еще под снегом. В мерзлой земле оживают ее корневища, наливаются соками, соки поднимаются к почкам, почки набухают, чешуйчатый цветонос выносит их на поверхность. Мать-и-мачеха начинает дышать. От ее дыхания снег подтаивает, образуя вокруг растения пещерку, парничок.

Только о любви думает мать-и-мачеха ранней весной, только о ней одной. Успеть бы раньше других, раньше всех открыться, распуститься, распахнуться, подставиться солнцу, насладиться ласковым его теплом, вобрать в себя его живительную силу и — поникнуть, увянуть, сомкнуть, скомкать свою веселую желтую красоту. Еще несколько дней, чтобы распушить белый диск и подержать на ветру невесомые пушинки... Куда она торопится, мать-и-мачеха? Не знаю. Впечатление такое, что она опоздала на ту первозданную ярмарку, на которой Творец раздавал растениям время и место жизни. И Он, увидев ее нестерпимое желание жить, может

быть, сжалился над ней и сказал: «Ладно, живи, если успеешь раньше всех». Наверное, поэтому она и торопится. Мать-и-мачеха не знает никаких страстей, кроме страсти жить. В своей золотой корзинке она держит две, три, а то и больше сотен семян, которые все, до единого, способны дать ростки, и без всякого промедления. На влажном песочке или на мокрой глине семена мать-и-мачехи могут прорасти с «космической скоростью» — через три часа после «посева». На земле ей нет равных. Но ее неутомимые корневища и под землей захватывают пространства без всяких церемоний. Так, на свету и во тьме, мать-и-мачеха отстаивает свое место в жизни.

Сначала — любовь. Цветок. Лепестки-венчики. Пестики-тычинки. Семена на паутинке. То есть прежде всего — дать потомство. А прокормить его... Это — потом. Когда пушинки разлетятся по белу свету, мать-и-мачеха вспомнит о своем втором предназначении. Она выбросит большой лист-копыто, чтобы все долгое лето заряжать корневища энергией солнца. У мать-и-мачехи все наоборот: сначала дети, а потом — пища. Потому-то англичане о ней говорят: «сын раньше отца».

ПЕРМСКАЯ ЯРМАРКА
ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР

ОХОТНИК и РЫБОЛОВ

3-я межрегиональная выставка-ярмарка товаров и услуг для охоты,
рыболовства и активного отдыха

Пермь / 23-26 апреля 2009

614077, г. Пермь, бульвар Гагарина, 65
телефон: (342) 262-58-58, www.expoperm.ru

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

**ДВОРЯНЕ
МИНЕРАЛЬНОГО ЦАРСТВА
ЧЕРЕЗ ПОЯСОВОЙ ХРЕБЕТ
В ЦАРСТВЕ ЧАХОТОЧНЫХ СОСЕН**

апрель
2009

Виталий Примеров

Горы, медведи, турки, фестиваль...

фото: В. Примеров